

А. П. СЕРГЕЕНКО

„ХАДЖИ-
МУРАТ“
ЛЬВА
ТОЛСТОГО

А. П. СЕРГЕЕНКО

„ХАДЖИ-
МУРАТ“
ЛЬВА
ТОЛСТОГО

*История
создания
повести*

МОСКВА
«СОВРЕМЕННОК»
1983

8 P1
С 32

Под общей редакцией В. А. Ковалева

*Автор вступительной статьи и примечаний
В. А. Ковалев*

Сергеенко А. П.

С 32 «Хаджи-Мурат» Льва Толстого. История создания повести/Вступит. статья и примеч. В. А. Ковалева.— М.: Современник, 1983.— 339 с.

в пер. 75 к.

А. П. Сергеенко был одним из помощников и литературных секретарей Л. Н. Толстого. Всю свою жизнь он посвятил хранению и изучению наследия великого писателя.

На основании многочисленных вариантов повести, дневников, записных книжек, писем Толстого и других материалов в книге воспроизведена творческая история последнего шедевра Толстого — повести «Хаджи-Мурат».

С 4603010101—259 301—83
М 106(03)—83

ББЕ833(2)
8P1

А. П. СЕРГЕЕНКО КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ЛЬВА ТОЛСТОГО

Алексей Петрович Сергеенко родился 5 января¹ 1886 года в городе Славяносербске. Он был старшим сыном литератора Петра Алексеевича Сергеенко — автора книг «Как живет и работает граф Л. Н. Толстой», «Толстой и его современники» и др.

Отец Алексея Петровича — давний знакомый Льва Толстого и восторженный ценитель его творчества. С детских лет живя в атмосфере почитания Льва Толстого, А. П. Сергеенко уже мальчиком проникся любовью к «великому писателю русской земли», а в четырнадцатилетнем возрасте познакомился с ним.

Человек чарующего душевного обаяния, отзывчивый и чуткий, А. П. Сергеенко стал симпатичен Л. Н. Толстому, который сразу же оценил его нравственную чистоту и деликатность. «Всегда радуюсь, видя Алешу», — писал Толстой его отцу.

В двадцать лет А. П. Сергеенко связал свою жизнь с деятельностью Льва Толстого. С его одобрения Алексей Петрович уезжает в 1906 году в Англию к В. Г. Черткову, у которого хранились толстовские рукописи, вывезенные из России, где постоянно существовала угроза конфискации их царским правительством.

А. П. Сергеенко становится первым систематизатором и исследователем рукописей Л. Н. Толстого, которые, кстати сказать, он же после Великой Октябрьской социалистической революции перевез в нашу страну.

В 1909 году Алексей Петрович Сергеенко вернулся в Россию и продолжал общаться с Л. Н. Толстым, став одним из его помощников и литературных секретарей.

В последний год жизни Толстого Алексей Петрович находился в особенно тесном общении с ним, принимая участие во многих его делах.

Будучи человеком близким к Толстому и пользуясь полным его доверием, Алексей Петрович был одним из трех свидетелей, подписавших завещание Л. Н. Толстого, по которому произведения великого писателя безвозмездно переданы народу.

После ухода Л. Н. Толстого из Ясной Поляны Алексей Петрович 29 октября 1910 года ездил к нему в Оптиную пустынь как доверенное лицо с известием о том, что происходило в Ясной Поляне после отъезда писателя. Он пробыл с Толстым весь день, записал под диктовку последнюю его статью «Действительное средство» и сопровождал Льва Николаевича в Шамордино.

¹ Здесь и в дальнейшем даты даны по старому стилю.

Со 2 по 7 ноября 1910 года, в дни смертельной болезни Толстого, Алексей Петрович бесшумно находился при нем и присутствовал при его смерти.

Всю свою жизнь А. П. Сергеенко посвятил исследованию наследия Л. Н. Толстого. Много времени и труда Алексей Петрович отдал разысканиям воспоминаний о Толстом его современников. Им собраны воспоминания О. К. Толстой, Е. В. Толстой, ученика Яснополянской школы П. В. Морозова, крестьян Ясной Поляны и др. Воспоминания ученика Яснополянской школы Толстого — П. С. Морозова он издал отдельной книгой.

Алексей Петрович Сергеенко участвовал в издании «Посмертных художественных произведений Л. Н. Толстого». В советское время Сергеенко отдал немало сил подготовке Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого в девяносто томах, где содержатся все художественные и публицистические произведения писателя, а также его дневники и письма¹.

В 35-м томе этого издания напечатано исследование А. П. Сергеенко, посвященное повести «Хаджи-Мурат», в нем приведены ее варианты, освещена история ее создания, дан список источников.

А. П. Сергеенко написал множество ценнейших мемуарных очерков о Льве Толстом, большинство этих очерков после смерти автора вышло отдельной книгой².

В предисловии к книге А. П. Сергеенко «Рассказы о Л. Н. Толстом. Из воспоминаний» верно отмечена способность ее автора «не только последовательно и точно описывать различные события из жизни Толстого, но и воссоздавать сцены, рисовать эпизоды, в которых выступает живой Толстой, и мы слышим его голос, видим его движения»³.

Воспоминания А. П. Сергеенко о Толстом принадлежат к лучшим произведениям мемуарной литературы о великом писателе.

Литературное наследие А. П. Сергеенко содержит большую рукопись «Л. Н. Толстой и И. Н. Крамской», освещающую не только личные взаимоотношения, но и общие черты эстетики этих деятелей искусства.

В книге, которая предлагается вниманию читателей, А. П. Сергеенко поставил перед собой цель охарактеризовать работу Льва Толстого над исторической повестью «Хаджи-Мурат».

Книга имеет две части: в первой прослеживается история писания повести; во второй рассмотрены принципы работы Толстого над ее источниками.

В основе первой части книги лежат многочисленные варианты «Хаджи-Мурата», дневники, записные книжки и письма Льва Толстого, мемуарная литература о нем, письма к нему разных лиц, связанных с работой над повестью.

Во второй части сопоставляются тексты источников и повести, благодаря чему перед читателем наглядно демонстрируется, как и во что

¹ Это издание предпринято по инициативе В. И. Ленина. Первый том его вышел в 1928 году — к 100-летию со дня рождения Л. Н. Толстого, поэтому оно называется «Юбилейное».

² Сергеенко А. П. Рассказы о Л. Н. Толстом. М., «Советский писатель», 1978.

³ Ломунов К. Н. Младший друг Льва Толстого. — В кн.: Сергеенко А. П. Рассказы о Л. Н. Толстом. М., «Советский писатель», 1978, с. 12—13.

творчески преобразовывается материал источников толстовского произведения.

В книге А. П. Сергеенко собраны все письменные и устные высказывания Льва Толстого о повести «Хаджи-Мурат», расположенные в хронологической последовательности.

Таким образом, перед нами воспроизведена творческая история последнего шедевра Льва Толстого.

Книга А. П. Сергеенко обладает рядом неоспоримых достоинств.

О главном достоинстве ее необходимо сказать особо.

В свое время академик А. Н. Веселовский утверждал: «Процесс личного творчества скрыт от нас завесой, которую едва ли когда удастся приподнять»¹.

Советские литературоведы во главе с членом-корреспондентом АН СССР Н. К. Пиксановым, установившим и разработавшим принципы изучения творческой истории произведения, опровергли это утверждение. Со всей очевидностью наши литературоведы доказали своими работами, что творческий процесс вполне может быть освещен если не во всех, то во многих его деталях.

С этой точки зрения наследие Л. Н. Толстого изучено Н. К. Гудзи-ем, В. А. Ждановым, Э. Е. Зайденшур и др. Изучение это проведено ими весьма тщательно и искусно: в настоящее время воссоздана в мельчайших подробностях творческая история многих толстовских шедевров.

К их работам примыкает и книга А. П. Сергеенко, для которой характерна всесторонность изучения объекта исследования. Исследователь учитывает творческую историю романа «Воскресение» и эстетического трактата «Что такое искусство?», создававшихся одновременно с повестью, и тем самым устанавливает некоторые общие принципы работы «позднего» Толстого над произведением.

Личное знакомство с Толстым, близость к нему, участие в его работах на протяжении ряда лет — все это позволило А. П. Сергеенко осветить творческие приемы и решения автора «Хаджи-Мурата» с психологической стороны: причины зарождения сюжета повести, становление центральной ее идеи — идеи борьбы — показаны как бы изнутри, как отражение не только изображаемой действительности, но и внутренней жизни великого писателя.

Для характеристики творческой истории повести исчерпывающе использованы ее многочисленные варианты. Столь же исчерпывающе дан анализ использованных Толстым печатных источников о Хаджи-Мурате и его эпохе в соответствии с идейным замыслом произведения.

Кроме печатных источников, А. П. Сергеенко собрал многочисленные свидетельства самого Толстого: его дневники и записные книжки, переписку с разными лицами, а также записи мемуаристов. Сюда же следует отнести вошедшие в орбиту внимания исследователя множество рукописных материалов, хранящихся в архивах (архивы Толстовского музея, Библиотеки имени В. И. Ленина и др.).

Другая особенность книги А. П. Сергеенко заключается в том, что в ней наблюдения и объяснения преобладают над обобщениями и выводами.

Так, например, в «Воспоминаниях о государе Николае Павловиче» («Русский архив», 1886, кн. 2) говорится о «знаменитой царской шинели, заменявшей ему и халат и одеяло» (с. 208). А. П. Сергеенко справед-

¹ Цит. по кн.: Яснополянский сборник. Тула, 1968, с. 210.

ливо замечает, что эта деталь использована Толстым в XV главе повести, где сказано о плаше Николая, который он считал «столь же знаменитым, как и шляпу Наполеона».

Однако исследователь ограничивается этим указанием, не делая того вывода, что, если в источнике деталь прославляет и возвышает Николая I, то в повести, где образ монарха дан сатирически, она снижает и высмеивает его. Это он предоставляет сделать самому читателю.

Отвечая на мои призывы к обобщениям и истолкованиям, А. П. Сергеенко говорил: «Я пишу книгу иного жанра. И в прошлом были и в настоящее время есть книги, ценность которых заключается в материалах. В прошлом это знаменитая книга Анненкова «Материалы к биографии А. С. Пушкина», в наше время тома гусевских «Материалов» к биографии Льва Толстого. Можно вспомнить и книгу Талиашвили «Толстой и Грузия»¹. Сопоставляя тексты источника и повести, выводы можно сделать различные: Вы сделаете одни, а другой может сделать иные. Я не хотел бы никому ничего навязывать».

Таковы позиции автора этой книги. И с ними необходимо считаться.

Думается, читатели с радостью и благодарностью встретят книгу А. П. Сергеенко, которая даст им возможность всесторонне познать творческую лабораторию Льва Толстого при создании им повести «Хаджи-Мурат».

В. Ковалев

¹ Имеется в виду книга: Т а л и а ш в и л и Г Э Л. Толстой и Грузия. Тбилиси, «Заря Востока», 1951.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предмет настоящего исследования — работа Л. Н. Толстого над исторической повестью «Хаджи-Мурат».

Написанная на семьдесят четвертом году его жизни, повесть эта — итог 50-летнего творческого опыта и поэтому одно из совершеннейших произведений.

Судьба повести необычна. Еще не написав ее, Толстой решил не опубликовывать повесть при своей жизни. Ни одно свое произведение заранее он на это не обрекал. Кроме того, он занимался «Хаджи-Муратом», как говорил сам, «между делом», «в минуты досуга», «для себя», называя его «пустяком», «баловством».

Несмотря на это, Толстой работал над повестью чрезвычайно много, добиваясь ее наивозможного совершенства и руководствуясь главным образом потребностью в поэтическом творчестве.

Место действия повести — Кавказ «с его величественной и нежной природой», который Толстой смолоду очень любил. Повесть «Хаджи-Мурат» — до некоторой степени воспоминания Толстого о лучшей поре его жизни, проведенной на Кавказе. Один из вариантов повести им и назван: «Воспоминания старого военного» и написан в автобиографической форме.

Очень была близка сердцу Толстого и основная идея повести — идея борьбы.

По этим трем причинам: потребности в поэтическом творчестве, воспоминаний о Кавказе и идеи борьбы — Толстого неудержимо и влекло в течение многих лет к «Хаджи-Мурату».

Усилия, затраченные им на создание этого сравнительно небольшого произведения, поражают своей грандиозностью. Насчитывается 23 начала повести, 10 редакций всего произведения, 25 раз Толстой работал или, как говорил, «бил-

ся» над главой о Николае I, сохранилось 2152 черновых страницы повести, тогда как в окончательном своем виде она занимает всего 250 писанных страниц.

Если Толстой положил столько усилий на произведение, заранее не предназначенное к печати, то можно судить о высоком значении, какое он вообще придавал делу писателя, и о его неумолимо суровой взыскательности к самому себе как к художнику.

История создания «Хаджи-Мурата» — пример необычайного упорства и размаха труда Толстого, его неустанных творческих исканий и его методов работы.

Однако описанные в настоящем исследовании творческие процессы Толстого были присущи ему не только в период писания «Хаджи-Мурата». Все его произведения проходили те же этапы: сначала зарождение сюжета на основе «особенно сильного», «пережитого чувства»; затем писание множества пробных набросков, эскизов, этюдов; искание формы, тона; длительное «уяснение», «обдумывание» сюжета и образов; кропотливый исследовательский труд; напряженное творчество; апогей творчества; завершение произведения; спад вдохновения. «Хаджи-Мурат» лишь один из наиболее ярких образцов прохождения всех этих этапов.

По истории создания «Хаджи-Мурата» мною уже напечатаны две статьи — в «Литературном наследстве» (1936, № 37—38) и в 35-м томе Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Но в этих статьях, ограниченный их рамками, я не мог полностью изложить историю писания «Хаджи-Мурата» и почти не касался в них важнейшего вопроса — использования Толстым печатных источников. В настоящем же исследовании это сделано.

Впервые работа над «Хаджи-Муратом» прослежена от начала до конца, шаг за шагом, что возможно было сделать благодаря обилию сохранившихся по «Хаджи-Мурату» материалов. Этих материалов оказалось так много, что их пришлось разделить на две группы, соответственно чему книга состоит из двух частей.

Для части I («История писания») материалами послужили черновые рукописи «Хаджи-Мурата», дневники, записные книжки, письма Толстого, переписка его семейных, ряд архивов, мемуарная и критическая литература о Толстом.

В качестве материала был привлечен и трактат Толстого «Что такое искусство?», потому что Толстой приступил к этому трактату и первое время писал его параллельно с «Хаджи-Муратом», следовательно, в трактате отразились творческие процессы, только что пережитые им в связи с «Хаджи-Муратом».

Нами исследован не только окончательный текст произведения, но и его многочисленные варианты для того, чтобы история создания «Хаджи-Мурата» предстала перед читателем во всем своем масштабе и во всей своей сложности.

Так как ни по одному произведению Толстого не сохранилось столько материалов, сколько по истории создания «Хаджи-Мурата», то часть I нашего исследования может считаться единственной в своем роде до настоящего времени.

Для части II («Источники «Хаджи-Мурата») была обследована Яснополянская библиотека и сотни изданий в разных книгохранилищах.

Использование Толстым источников «Хаджи-Мурата» частично показано Н. О. Лернером в его вступительной статье к «Хаджи-Мурату»¹ и Л. М. Мышковской в ее книге «Работа Толстого над произведением»². Но как Л. М. Мышковская считала, что ее работа «не претендует на исчерпывающую полноту», так и Н. О. Лернер не ставил себе такой задачи.

Мы стремились восполнить и этот пробел — дать детальное исследование источников, использованных Толстым.

В обеих частях нами приводится лишь фактический материал без общих теоретических выводов. Но на приведенном материале такие выводы легко могут быть сделаны. И это должно, на наш взгляд, представить интерес для всех изучающих творческий путь великого писателя.

ЧАСТЬ I

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ

Глава I

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ГЕРОЕ ПОВЕСТИ

В трактате «Что такое искусство?» Толстой говорит: «Настоящее произведение искусства может проявляться в душе художника только изредка, как плод предшествующей жизни...» (гл. XVIII).

Толстой пришел в 1896 году к такому выводу после своего сорокапятилетнего литературного труда. Следовательно, данный вывод отражает его собственный опыт. Это наглядно подтверждает история писания повести «Хаджи-Мурат». Даже накопление сведений о герое повести происходило у Толстого в течение многих предшествующих лет (в 50, 60, 70, 80, 90-х годах с перерывами).

Впервые Толстой услышал о Хаджи-Мурате в двадцатитрехлетнем возрасте на Кавказе, в 1851 году, в том самом году, который был, как говорит историк Кавказской войны В. А. Потто, и «годом величайшей славы Хаджи-Мурата»¹.

К тому же 1851 году относятся строки о Хаджи-Мурате участника Кавказской войны В. А. Полторацкого: «Какие чудеса трубят об этом аварском хвате! Если верить наполовину тому, что воспевают о его безумной отваге и невероятной дерзости, то и тогда приходится удивляться, как аллах спасал его сумасбродную голову. Военная слава Хаджи-Мурата ни в ком не встречает себе соперничества и популярность его гремит от Каспийского до Черного моря»².

Впоследствии в одном из вариантов своей повести Толстой тоже говорил об этой популярности Хаджи-Мурата. «Людям, не бывавшим на Кавказе во время нашей войны с Шамилем, трудно себе представить то значение, которое имел в то время Хаджи-Мурат в глазах всех кавказцев»³.

Тем не менее молодой Толстой ни в своих письмах, ни в дневнике за первые месяцы пребывания на Кавказе не упоминает имени Хаджи-Мурата.

15 ноября 1851 года в газете «Кавказ», в Тифлисе, где находился в те дни Толстой, было напечатано сообщение о «важном раздоре между Шамилем и Хаджи-Муратом», а 11 декабря 1851 года сообщалось, что в результате этого раздора Хаджи-Мурат бежал от Шамиля и перешел к русским. «Это обстоятельство,— поясняла газета,— весьма важное... выгодное, ибо Хаджи-Мурат «самый смелый, предприимчивый, воинственный и любимый народом из набов Шамиля»⁴. После перехода к русским Хаджи-Мурат приехал в Тифлис. Его принимали здесь «с большим триумфом, ласкали... увеселяли балами и лезгинками, водили по городу, показывали все достопримечательности и даже судебные места»⁵. Хаджи-Мурат часто появлялся на улицах, и «все привыкли его видеть»⁶, «всякому хотелось взглянуть на это смирившееся, наконец, чудовище»⁷. Но Толстой не видел тогда Хаджи-Мурата. В течение всего десятидневного пребывания Хаджи-Мурата в Тифлисе Толстой был болен, не выходил из дому и, кроме того, был поглощен работой над своим первым произведением «Детство». К тому же он и отрицательно относился к Хаджи-Мурату, о чем писал брату Сергею Николаевичу 23 декабря 1851 года: «Ежели захочешь щегольнуть известиями с Кавказа, то можешь рассказывать, что второе лицо после Шамиля, некто Хаджи-Мурат, на днях передался Русскому правительству. Это был первый лихач (джигит.— А. С.) и молодец во всей Чечне, а сделал подлость»⁸.

Не видел Толстой Хаджи-Мурата и позже.

В Дневнике от 20 марта 1852 года, уже не в Тифлисе, а в станице Старогладковской, он писал «...пришел Дурда... рассказывал мне про стычку Хаджи-Мурата с Арслан-Ханом за мечеть.— Интересно бы было их посмотреть»⁹.

Из этой записи можно бы заключить, что в описываемые дни Хаджи-Мурат был в той же станице Старогладковской, где Толстой. Но в этой станице одновременно с Толстым, Хаджи-Мурат не находился. Стычка его с Арслан-Ханом произошла не в Старогладковской, а в крепости Таш-Кичу¹⁰ и не в марте, когда сделана запись Толстого, а раньше, в феврале 1852 года. Следовательно, и в Старогладковской Толстой не мог встретиться с Хаджи-Муратом.

Не дают основания для предположения встречи Толстого с Хаджи-Муратом и его слова в прологе к повести: «Мне вспомнилась одна давнишняя кавказская история, часть которой я видел...». Безусловно, тут речь идет не о Хаджи-Мурате, а о ряде эпизодов Кавказской войны, свидетелем

которой был Толстой, и некоторых персонажах повести, как Воронцов, Полторацкий, Козловский, Бярятинский и др., с которыми Толстой встречался в молодости на Кавказе.

Вопрос о том, видел ли Толстой Хаджи-Мурата, имеет большое значение для установления того, создал ли он впоследствии образ своего героя на основе личных впечатлений от него или своим творческим воображением, с использованием печатных материалов. Н. О. Лернер говорит: «Конечно, он видел и Хаджи-Мурата в Тифлисе»¹¹.

Но это предположение не может считаться обоснованным. Наоборот, все вышеприведенные данные убеждают в том, что Толстой не видел Хаджи-Мурата ни в Тифлисе и ни в каком другом месте, создал его образ своим творческим воображением и с помощью ряда материалов.

26 апреля 1852 года в газете «Кавказ» появилось сообщение о трагической смерти Хаджи-Мурата, происшедшей при необычных условиях. Недовольный русскими, Хаджи-Мурат бежал от них со своими четырьмя телохранителями. За ними была устроена погоня, их настигли, окружили, предложили сдаться, Хаджи-Мурат отказался и стал отстреливаться. На него сыпался град пуль, он несколько раз был ранен, но сопротивлялся до тех пор, пока не был сражен. Его смерть являлась долгое время предметом всеобщих разговоров на Кавказе. Толстой же ее не отметил ни в дневнике, ни в письмах.

Но по прошествии многих лет Толстой вспомнил Хаджи-Мурата. В статье «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы 1862 г.», написанной через десять лет после гибели Хаджи-Мурата, он, описывая вечерние прогулки со своими учениками, сообщает: «Мы разговорились о кавказских разбойниках. Они вспомнили кавказскую историю, которую я им рассказывал давно, и я стал опять рассказывать об абреках, о казаках, о Хаджи-Мурате»¹².

Если он рассказывал «кавказскую историю» своим ученикам уже «давно», и «опять» рассказывал, то есть не в первый раз, то, следовательно, считал ее заслуживающей этого.

В молодости, находясь на Кавказе, Толстой интересовался жизнью горцев, их бытом, нравами, их творчеством и записал тогда некоторые горские песни. Этого до него

никто не делал, и он может считаться первым исследователем кавказского фольклора.

В 1875 году Толстой приобрел «Сборник сведений о кавказских горцах» (неполный экземпляр, вып. I, II, III, IV, VI, VII, хранящийся в библиотеке Ясной Поляны). Он писал тогда А. А. Фету: «Читал я это время книги, о которых никто понятия не имеет, но которыми я упивался. Это «Сборник сведений о Кавказских горцах», изданный в Тифлисе. Там предания и поэзия горцев и сокровища поэтические необычайные»¹⁴.

Чтение в 1875 году «Сборника сведений о кавказских горцах» не было связано у Толстого с какой-либо художественной работой. Его интересовала лишь кавказская народная литература сама по себе, о чем можно судить по отмеченным им тогда в «Сборнике» песням, сказкам, поговоркам. Но выпуск VII «Сборника», где имя Хаджи-Мурата упоминается неоднократно, должен был напомнить ему о нем.

Толстой всегда следил за историческими журналами и, конечно, прочел в 1881 году в журнале «Русская старина» (№ 3) впервые опубликованные Зиссерманом «Материалы о Хаджи-Мурате».

В 1886 году Толстой, по-видимому, вновь читал «Сборник сведений о кавказских горцах», так как рекомендовал в этом году писателю из народа Н. Н. Иванову написать басню «Блоха и муха» по сюжету из этого «Сборника»¹⁵.

В 1889 году в двенадцати километрах от Ясной Поляны, в имении Лутовиново-Сапегино Тульской губернии, поселился участник и историк Кавказской войны А. Л. фон Зиссерман. Вероятно, Толстой лично знал Зиссермана, еще находясь на Кавказе. Во всяком случае, слышал в то время о нем, так как в газете «Кавказ» печатались многочисленные военные корреспонденции Зиссермана. Встречалась ему эта фамилия и в журнале «Современник» за 1854 год, в котором очерки Зиссермана «Десять лет на Кавказе» (впоследствии вошедшие в его книгу «Двадцать пять лет на Кавказе») печатались одновременно с повестью Толстого «Отрочество».

После того как Зиссерман поселился в 1889 году близ Ясной Поляны, Толстой и Зиссерман встречались. Зиссерман приезжал в Ясную Поляну. Толстой относился к нему доброжелательно (сообщено нам Сергеем Львовичем Толстым).

«Отец особенно дорожил своими воспоминаниями о Кав-

казе», — писал впоследствии Сергей Львович¹⁶. Следовательно, Толстой при встречах с Зиссерманом вспоминал Кавказ, общих кавказских знакомых, и, конечно, они много говорили о Хаджи-Мурате, большим почитателем которого всегда являлся Зиссерман.

В 1893 году в журнале «Исторический вестник» были напечатаны «Воспоминания» В. А. Полторацкого, заключающие в себе целый ряд сообщений о Хаджи-Мурате. Вероятно, Толстой прочел их в том же году. Он читал их и в 1895 году, как об этом сказано в его дневнике от 29 мая 1895 года: «Читаю все Полторацкого. Люблю эти воспоминания»¹⁷.

«Воспоминания» Полторацкого, очевидно, нравились Толстому своей искренностью, живостью и известной художественностью. И несомненно, что как эти «Воспоминания», так и встречи с Зиссерманом, поддерживая интерес Толстого к Хаджи-Мурату вплоть до 1896 года, много содействовали зарождению в этом году замысла его повести.

Глава II

ЗАРОЖДЕНИЕ СЮЖЕТА

В 1896 году Толстому было шестьдесят восемь лет. Он был полон сил, но часто бывал малодетелен вследствие угнетенного душевного состояния. Об этом читаем в его дневнике: «...чувствую упадок духа. Нет жизни. Ничего не могу работать» (22 февраля 1896 г.). «Очень хочется работать, а нет умственной энергии...» (27 февраля 1896 г.). «...чувствую слабость и умственную апатию» (6 марта 1896 г.). «Дурное расположение духа, усиливаемое пустотой, бедной, самодовольной, холодной пустотой окружающей жизни» (28 мая 1896 г.). «Дома за это время переживал много тяжелого» (19 июля 1896 г.). «Всю ночь не спал. Сердце болит, не переставая. Продолжаю страдать и не могу покорить себя...» (26 июля 1896 г.). «...боролся и все не победил...» (30 июля 1896 г.)¹.

Дочь Толстого Татьяна Львовна писала в этот период М. С. Сухотину: «У нас в Ясной последнее время было такое тяжелое настроение, что мне стало невыносимо и я малодушно бежала» (7 августа 1896 г.)².

В разговоре с В. В. Стасовым Толстой признавался в те дни: «Как мне иной раз тяжело и сказать нельзя».

О своем тяжелом настроении Толстой упоминает и в трактате «Что такое искусство?», начатом в том же 1896 году: «На днях я шел домой с прогулки в подавленном состоянии духа»³.

17 июля 1896 года Толстой поехал к своему брату Сергею Николаевичу в имение Пирогово, расположенное в тридцати пяти километрах от Ясной Поляны.

На другой день, 18 июля 1896 года, он совершал в окрестностях Пирогова прогулку. Возвращаясь домой, он увидел поразившую его картину, о которой писал в дневнике от 19 июля 1896 года:

«Вчера иду по передвобенному черноземному пару. Пока глаз окинет, ничего кроме черной земли — ни одной зеленой травки. И вот на краю пыльной, серой дороги куст татарина (репья), три отростка: один сломан, и белый, загрязненный цветком висит; другой сломан и забрызган грязью, черный, стебель надломлен и загрязнен; третий отросток торчит вбок, тоже черный от пыли, но все еще жив и в серединке краснеется.— Напомнил Хаджи-Мурата. Хочется написать. Отстаивает жизнь до последнего, и один среди всего поля, хоть как-нибудь, да отстоял ее»⁴.

К этому описанию через месяц были прибавлены слова: «...все стоит и не сдается, и один торжествует. Молодец! — подумал я,— и какое-то чувство бодрости, энергии, силы охватило меня. Так и надо! Так и надо!»

Толстого охватило «чувство бодрости, энергии, силы». Следовательно, перед этим он все еще продолжал находиться в обычном для него последние месяцы «подавленном состоянии духа», которое, сколько ни старался, не мог преодолеть. Оно овладевало им временами с такой силой, что он терял волю над собою, не знал, что ему делать, где найти выход. Теперь ему стало ясно: надо бороться, бороться и бороться. Репей и всплывший в его воображении образ Хаджи-Мурата послужили ему поучительным примером. «Так и надо! Так и надо!» — говорил он себе. Надо каждому в тяжелые минуты бороться, биться, не сдаваться — упорно, несокрушимо, до последних сил, как упорно, несокрушимо боролись, бились, не сдавались репей и Хаджи-Мурат. Надо никогда в борьбе не терять мужества, надежды, не страшиться трудностей и размеров борьбы, не останавливаться перед жертвами, сопряженными с нею... «Так и надо! Так и надо!» Это решение назревало в его душе. Но сейчас репей содействовал тому, что оно окончательно сложилось у него. Если бы он случайно не увидел репья, он все

равно, рано или поздно, пришел бы к такому же решению, потому что никакое другое не было, по его натуре, свойственно ему. Но репей усилил, обострил его внутренний процесс. Под влиянием этого он и вспомнил Хаджи-Мурата, как одного из самых ярких типов борца. Поэзия репья сделала для него и образ Хаджи-Мурата более привлекательным. «Так и надо!» Репей боролся одними средствами, Хаджи-Мурат другими, ему, Льву Толстому, надлежит бороться третьими, но во всех видах борьбы должна быть общая сущность: непреклонность, доведение борьбы до конца.

«Охватившее» его чувство было так «сильно», так «непреодолимо», что требовало от него, как от художника, своего немедленного воплощения, и он тут же в поле, стоя перед репьем, занес в свою записную книжку вспыхнувший в его уме сюжет: «Татарин на дороге. Хаджи-Мурат»⁵, а на другой день развил эту лаконическую запись в дневнике. То, что именно «охватившее» его «чувство бодрости, энергии, силы» и было толчком к возникновению замысла «Хаджи-Мурата», подтверждено впоследствии его собственным признанием в прологе к повести и косвенно его словами в трактате: «Причиной появления настоящего искусства есть внутренняя потребность выразить накопившееся чувство...»⁶ Охватившее его чувство «накапливалось» в нем не только последние месяцы, а в течение всей его жизни. Еще в молодости он пришел к выводу: «Вечная тревога, труд, борьба... необходимые условия, из которых не должен сметь думать выйти хоть на секунду ни один человек... вечно бороться...»⁷

«...Одно... счастье есть честный труд и преодоленное препятствие»⁸

Эти мысли он повторял на протяжении десятков лет.

В годы, предшествовавшие появлению «Хаджи-Мурата», опять говорил: «...нужно не переставая бодрствовать, бороться». «...опять и опять подниматься и биться с врагом». «Жизнь — борьба. Без борьбы нет жизни»⁹.

Одним из любимых его афоризмов всегда был: «Претерпевший же до конца спасется!»

Дочь его, Татьяна Львовна, говорила: «Борьба вообще воодушевляла отца и придавала ему силы»¹⁰.

Всей своей жизнью Толстой доказал, что он по природе своей был прежде всего борец, непреклонный, неутомимый, бесстрашный¹¹.

Однако до 1896 года, на протяжении всей своей сорока-

пятилетней литературной деятельности, ему не пришлось ни одно свое произведение посвятить идее борьбы. (В «Войне и мире» она не центральная.) Теперь у него явилась непреодолимая потребность это сделать на образе Хаджи-Мурата.

Но почему именно на образе Хаджи-Мурата, а не каком-либо другом?

В том же 1896 году на Кавказе происходила иная, чем у Хаджи-Мурата, но не менее замечательная по упорству и бесстрашию борьба нескольких тысяч сектантов-духоборов, сопротивлявшихся царским властям. Бывали героические случаи. Почему Толстой не сделал сюжетом своего произведения один из этих случаев борьбы, столь родственной его мировоззрению, а остановился на идейно враждебном ему представителе крайнего насилия Хаджи-Мурате?

Ответом на этот вопрос служат слова Толстого в его трактате:

«Толковать произведение художника нельзя. Если бы можно было словами растолковать то, что хотел сказать художник, он и сказал бы словами. А он сказал своим искусством, потому, что другим способом нельзя было передать то чувство, которое он испытал» (гл. XII). «Человек производит какое-нибудь художественное произведение, как и всякий художник, выражая в нем своим особенным способом пережитые им чувства» (гл. XII).

«Хаджи-Мурат» и был для него «особенным способом» выражения «испытанных» чувств.

В трактате «Что такое искусство?» Толстой настойчиво и неоднократно повторяет, что причиной появления настоящего произведения искусства есть: «непреодолимое», «всецело охватывающее художника» чувство. Следовательно, для выяснения причин возникновения тех или иных его художественных произведений надо прежде всего обращаться к тому, что он пережил перед их созданием. Не во всех случаях это возможно, так как по многим его произведениям не имеется для этого требуемых материалов. Относительно же причины зарождения сюжета «Хаджи-Мурата» не может быть никаких сомнений. Чувство, охватившее Толстого на пироговском поле при виде раздавленного и отстоявшего себя репья, являлось этой причиной.

Глава III

РЕДАКЦИЯ ПЕРВАЯ. «РЕПЕЙ»

(август 1896 г.)

Через два дня после зарождения сюжета, 20 июля 1896 года, Толстой вернулся в Ясную Поляну.

П. А. Буланже сообщает: «Мысль о писании «Хаджи-Мурата», очевидно, овладела Львом Николаевичем так сильно, что заставила его по приезду в Ясную Поляну перечитать те книги, которые были у него, для того, чтобы восстановить в своей памяти события, связанные с эпизодом о Хаджи-Мурате»¹.

Возможно, Буланже навестил в те дни Толстого и был свидетелем чтения им книг о Хаджи-Мурате, но ни у кого никаких записей об этом чтении Толстого не имеется. Сообщение Буланже, однако, подтверждается тем, что в первом наброске «Хаджи-Мурата», вскоре после этого написанном, видны следы того, что Толстой только что изучал источники. Некоторых из этих источников в Ясной Поляне в то время не было (это устанавливается из нижеприводимой записи В. Г. Черткова от 12 декабря 1896 г.). Недостающие книги Толстой мог получить в те дни только от Зиссермана, для чего должен был поехать к нему в его имение Лутовиново-Сапегино. Не подлежит сомнению, что такая поездка состоялась, хотя она нигде не отмечена. Захваченный новым сюжетом, Толстой, конечно, испытывал, как обычно в подобных случаях, «неудержимую внутреннюю потребность» немедленно приступить к работе, а для этого ему нужны были источники. Надо полагать, что он поехал к Зиссерману за книгами тотчас по своем возвращении из Пирогова, возможно, на другой же день по приезду, то есть 21 июля 1896 года. Зиссерман, как военный писатель, конечно, обладал обширной военной исторической библиотекой и, конечно, снабдил Толстого всеми нужными ему материалами.

10 августа 1896 года Толстой поехал с женой к своей сестре Марии Николаевне Толстой в Шамординский монастырь, Калужской губернии. Книг о Хаджи-Мурате он с собой не захватил (об этом сказано ниже). Следовательно, он читал материалы по Хаджи-Мурату с 21 июля по 10 августа, то есть в течение трех недель.

Касаясь вопроса об источниках Хаджи-Мурата, Н. О. Лернер говорит: «Хаджи-Мурат» — плод столько же усердного труда, сколько вдохновения, и более или менее

пристальное изучение повести заставляет преклониться перед Толстым не только как перед гением, но и как перед строгим к себе тружеником, подвиг которого тем трогательнее, что совершил его 70-летний старец»².

Лернер прав. Толстой проделал при создании повести громадную исследовательскую работу. Для одного первого короткого наброска «Хаджи-Мурата» в течение трех недель он прочел около 5000 страниц.

Если в течение трех недель Толстой напряженно изучал источники, то несомненно его мысли в это же время были сосредоточены и на «уяснении» сюжета. Этот процесс «уяснения» обычно требовал от него много усилий и времени. В Шамординский монастырь он приехал с уже вполне готовым планом произведения. Так можно предполагать на основании того, что он приступил к воплощению сюжета немедленно, на другой день после своего приезда в Шамордино, написав рассказ под названием «Репей».

Судя по цвету чернил и почерку, «Репей» был написан в три приема. В конце рукописи стоит дата: «14 августа 1896 г.», следовательно, она начата 12 августа 1896 года.

«Репей» состоит из пролога и повествования, построенного на эпизоде пребывания Хаджи-Мурата в крепости (см. ч. II, соч. А. Л. Зиссермана «Генерал-фельдмаршал князь А. И. Барятинский»).

Образ Хаджи-Мурата в «Репье» вполне законченный, и впоследствии Толстой вносил в него лишь незначительные штрихи.

Для создания образа Хаджи-Мурата Толстой располагал незначительными материалами в виде разбросанных в письмах Воронцова к Барятинскому и Чернышеву, книгах Зиссермана и «Воспоминаниях» Полторацкого случайных упоминаний об отдельных чертах его личности (см. ч. II соч. А. Л. Зиссермана «Двадцать пять лет на Кавказе», «Воспоминания» Полторацкого и заключение к нашей книге). Но и этих данных было ему достаточно для точного воссоздания исторического образа Хаджи-Мурата.

В «Репье» и в последующих редакциях, а также в окончательном тексте повести он неизменно относится к Хаджи-Мурату положительным образом. Об этом он говорит и в Дневнике от 9 марта 1897 года: «Очень захотелось писать Хаджи-Мурата и как-то хорошо обдумалось — умиленно»³.

Несомненно наиболее пленительна в Хаджи-Мурате для Толстого была его воля к борьбе, непреклонность, несокру-

шимость, бесстрашие в борьбе — «один, а не сдаётся!». Этим Хаджи-Мурат сроден самому Толстому. Во всех своих творческих, идейных, общественных, житейских боях Толстой тоже боролся до последних сил, «не сдаваясь», хотя бы оставался один.

Как многих своих героев и во многих своих произведениях, Толстой наделяет и Хаджи-Мурата некоторыми своими личными чертами.

Говоря о молодости Хаджи-Мурата, в третьей редакции Толстой пишет: «Это было веселое время,— такое, когда человек живет только своей жизненной силой, а ее было много у Хаджи-Мурата». Это свойство было присуще и Толстому. Редко кто из людей обладал «жизненной силой» в большей степени, чем он сам. Все его существо, от первых проблесков сознания (как он пишет об этом в своих «Первых воспоминаниях») до последних дней его жизни, было переполнено этой «жизненной силой»: радостью существования, привязанностью к жизни. Эта же «жизненная сила» всегда привлекала его и в других.

«Хаджи-Мурат был один из тех людей, который, когда брался за какое-нибудь дело, весь отдавался ему», — характеризует Толстой Хаджи-Мурата в редакции девятой. Это свойство было присуще и Толстому.

Никто не умел так гореть делом, так всецело, страстно, до конца отдаваться ему,— было ли то писание «Войны и мира», занятие сельским хозяйством, организация помощи голодающим, обличение правительственных насилий и проч., — как Толстой.

По этому поводу Д. Д. Оболенский, знавший Толстого в течение десятков лет, вспоминал: «Чем бы ни увлекался гр. Лев Николаевич, все делал он с убеждением, твердо веруя в то, что делает, а увлекался он всегда всюю»⁴.

В главе XI окончательного текста Толстой наделяет Хаджи-Мурата даже такой своей чертой: «Он не только никогда не перебивал речь, но всегда выжидал, не скажет ли собеседник еще чего».

Кроме Хаджи-Мурата, в «Репье» выведены начальник крепости Иван Матвеевич и его жена Марья Дмитриевна. Остальные персонажи лишь намечены.

Иван Матвеевич является копией капитана Хлопова из рассказа Толстого «Набег». Прототипом же Хлопова был капитан Хилковский, с которым Толстой в молодости вместе служил на военной службе на Кавказе.

Прототипом Марьи Дмитриевны, по-видимому, явилась гражданская жена помещика Бибикова, соседка Толстого по Ясной Поляне в 70-х годах, Анна Степановна Зыкова⁵ (обстоятельства ее самоубийства использованы для «Анны Карениной»). Софья Андреевна писала о Зыковой, что она «девушка лет тридцати пяти, которая занималась всем домом (Бибикова.— А. С.) и была его любовница ...высокая, полная женщина, с русским типом лица и характера, брюнетка с серыми глазами, но некрасивая, хотя очень приятная»⁶.

О Марье Дмитриевне в «Репье» сказано: «здоровая, полная, миловидная, всегда веселая, добродушная... любила всеми силами простой души и здорового тела одного Ивана Матвеевича», в последней редакции добавлено: Иван Матвеевич «жил супружески... с Марьей Дмитриевной. Марья Дмитриевна была красивая, белокурая, вся в веснушках, тридцатилетняя бездетная женщина».

Сходство между Зыковой и Марьей Дмитриевной, за исключением лишь того, что первая была брюнеткой, а вторая блондинкой, весьма близко по их внешним чертам, возрасту, положению незаконных жен и страстной преданности своим сожителям.

В «Репье» имеются некоторые неточности: Хаджи-Мурат приезжает в крепость к Ивану Матвеевичу в июне 1852 года, тогда как это могло произойти лишь в феврале того же года; после отъезда Хаджи-Мурата Марья Дмитриевна не видит его «до июня», но за два месяца до этого в апреле 1852 года Хаджи-Мурат уже был убит; вождь горцев Гамзат-бек ошибочно назван Казим-Магомой и т. п.

В рукописи «Репья» имеется несколько пропусков, которые Толстой был намерен заполнить после наведения справок, из чего мы заключаем, что Толстой не привозил с собою в Шамордино печатных источников, а пользовался ими по памяти.

По памяти же он привел в «Репье» ряд горских слов, которые знал еще в молодости: «мегирек» (все равно); «ана сени алесин» (да плачет его мать); «атлар» (лошади); «куди» (резать) и др.

«Репей» — короткий рассказ, имеющий мало общего с будущей повестью. Но и здесь есть сцена внезапного появления Каменева с отрубленной головой Хаджи-Мурата, тогда как перед этим еще ничего не рассказано о Хаджи-Мурате.

Этот композиционный прием Толстой сохранил и во всех последующих редакциях. Им достигается максимальная сила впечатления.

В рукописи «Репья» почти нет поправок и помарок, что служит признаком того, что она написана с большим творческим подъемом. То, что «Репей» был написан с вдохновением, подтверждает и сообщение С. А. Толстой в письме к Л. Ф. Анненковой от 5 сентября 1896 года: «Лев Николаевич писал особенно хорошо по художественной части»⁷.

Глава IV

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ

В том же письме к Л. Ф. Анненковой от 5 сентября 1896 года С. А. Толстая отмечает, что Толстой никому «не говорит, о чем именно» он писал в Шамордине, и «скрывает старательно».

С момента написания «Репья» прошло три недели, и Толстой продолжает «старательно скрывать». Сохранение в тайне начатого произведения характерно для Толстого. Еще в 1875 году он писал П. Д. Голохвастову: «Нет ничего хуже, как сообщать друг другу свои планы художественной работы»¹. В. Ф. Лазурский 7 февраля 1899 года занес в свой дневник: «Лев Николаевич не любит, чтобы его расспрашивали о литературных работах»². В. Г. Черткову Толстой сообщал 15 января 1890 года: «...пишу и все художественное. Пожалуйста, никому не говорите, я и дома не говорю»³.

Сын Толстого Сергей Львович вспоминает: «Он почти никогда не рассказывал планы своих литературных работ, говоря, что излагать свое произведение, пока оно не окончено, значит погубить его»⁴.

Нежелание сообщать другим о своих начатых работах исходило у Толстого из того же чувства, о котором он писал в молодости: «Я убежден в том, что уже по одному тому, что хорошее намерение высказано,— трудно, даже большей частью невозможно, исполнить это хорошее намерение» («Юность», гл. XXI).

Этого принципа он придерживался всегда в своей работе, так как процесс художественного творчества относил к наиболее сложной внутренней области, нуждающейся в особенно тщательном оберегании, как он говорит об этом

в статье: «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас, или нам у крестьянских ребят?».

«...не могу передать того чувства волнения, радости, страха, и почти раскаяния, которые я испытывал... (присутствуя при писании одаренным крестьянским мальчиком первого школьного сочинения.— А. С.) ...мне казалось, что я подсмотрел то, что никто никогда не имеет права видеть — зарождение таинственного цветка поэзии... Я оставил урок, потому что был слишком взволнован. «Что с вами, отчего вы так бледны, вы верно нездоровы?» — спросил меня мой товарищ. Действительно, я два-три раза в жизни испытывал столь сильное впечатление, как в этот вечер, и долго не мог дать себе отчета в том, что я испытывал. Мне смутно казалось, что я преступно подсмотрел в стеклянный улей работу пчел, закрытую для взора смертного»⁵.

В отношении самого себя Толстой тоже всегда находил, что другие не имеют права «подсматривать» зарождения в нем «таинственного цветка поэзии». В начальном творческом процессе он представлял собой человека, «в совершенной тишине и темноте прислушивающегося к шорохам и вглядывающегося в просветы мрака...»⁶. И никто не должен был мешать ему в полном уединении «прислушиваться» и «вглядываться» в то, что открывалось его художественному взору.

В подобном состоянии он находился и первое время после написания «Репья».

Однако некоторым лицам вследствие их расспросов о том, над чем он в данное время работает, ему приходилось признаваться, что он написал «Репей». 28 августа 1896 года М. О. Меньшиков об этом говорит в письме к Л. Ф. Анненковой: «Только что возвратился из Ясной Поляны... В промежутках досуга Л. Н. написал... «Кавказский рассказ»⁷.

Выражение «в промежутках досуга» Меньшиков, конечно, слышал от самого Толстого. Это выражение впоследствии не один раз употреблялось в отношении «Хаджи-Мурата».

12 сентября 1896 года Толстой вторично поехал к Зиссерману за дополнительными источниками, несомненно с целью возобновления работы над «Репьем». На книге Зиссермана «Двадцать пять лет на Кавказе», хранящейся в Яснополянской библиотеке, в этот раз была сделана надпись: «Графу Льву Николаевичу Толстому лично автором

поднесено 12 сентября 1896 г. в с. Лутовинове». В благодарность за эту книгу и другие материалы Толстой вскоре подарил Зиссерману Полное собрание своих сочинений, о чем в сентябре 1896 года писал Софье Андреевне, находившейся в Москве: «Вели выслать собрание сочинений мне для Зиссермана или при случае перешли»⁸.

Спустя два дня после второй поездки к Зиссерману Толстой отметил в Дневнике от 14 сентября 1896 года: «За это время была поездка в монастырь с Соней... Написал о Хаджи-Мурате, очень плохо, начерно»⁹.

Очевидно, по мнению Толстого, в рассказе не было достаточно ярко передано чувство, пережитое им при виде репья на пироговском поле.

Прошел еще месяц. Толстой перечитывает рассказ, впервые после его написания. В Дневнике от 23 октября 1896 года записано: «Перечел Хаджи-Мурата, не то»¹⁰. В рассказ вносится несколько вставок, одна из которых о предсмертных воспоминаниях Хаджи-Мурата развита по записи в карманной книжке (август — сентябрь 1896 г.), сделанной, вероятно, на прогулке: «И Марья Дмитриевна, и Вали-Магома, и жена, и Шамиль, и Алла»¹¹.

Впервые Толстой отдаёт переписать рассказ своим дочерям Татьяне Львовне и Марии Львовне. Он вынужден нарушить свою «тайну», потому что намерен продолжать работу, а для этого рассказ должен был быть переписан. О том же, что он намерен был продолжать работу, можно судить по тому, что он вновь принялся за изучение источников. В его записной книжке (ноябрь 1896 г.) имеется много помет, сделанных при чтении. Отмечены и материалы, упоминаемые в книге Зиссермана «История 80-го пехотного Кабардинского полка», газета «Кавказ» от 5 ноября 1891 года, брошюра Неверовского «Истребление аварских ханов», а также выписаны горские имена: «Гюль-Салим, Мариам-Шабан, Альджа, Карим-гиль, Патимат», выписаны и художественные подробности: «Из ущелья выходит пар и разошелся по горам — видны только вершины, а потом скрылись вершины» и т. п.¹².

К этому времени (ноябрь 1896 г.) относится сообщение Софьи Андреевны: «Лев Николаевич опять взялся за «Хаджи-Мурата», читая много материалов для этой повести, изучая по книгам и природу Кавказа. Прочел и знаменитую в свое время «Плен Шамиля»¹³. К тому же времени относится запись А. С. Суворина в его дневнике от 10 ноября 1896 года: «Был М. А. Стахович... Рассказывал о Л. Н. Тол-

стом... Он пишет теперь из кавказской жизни, читает о Кавказе, справляется со своим дневником и не дает переписывать даже своим дочерям. Для этого он нашел какого-то глухонемого, которому сам отдает рукопись и сам берет ее. Никто не знает, что это такое»¹⁴. Запись эта ошибочна. Софья Александровна Стахович, сестра М. А. Стаховича, сообщила нам: «Суворин перепутал. Никакого глухонемого переписчика у Толстого не было. Толстой лишь в шутку иногда говорил, что хотел бы иметь такого глухонемого переписчика для того, чтобы никто не знал до поры до времени о его начатых работах. «Хаджи-Мурата» он, действительно, первое время не давал переписывать даже дочерям, но потом все-таки дал».

5 ноября 1896 года Толстой отметил в своем Дневнике: «Вчера написал 18 страниц вступления об искусстве»¹⁵.

В последующие дни это вступление обратилось в самостоятельную статью, озаглавленную «О том, что называется искусством». Под статьей стоит дата окончания «10 ноября 1896 г.». Писал Толстой статью с большим увлечением — подлинник ее почти без помарок. Она являлась первым наброском трактата «Что такое искусство?». О том, до какой степени новая работа захватила Толстого, можно судить по его записи в Дневнике от 16 ноября 1896 года: «Не переставая думаю об искусстве... Засыпаю и просыпаюсь с этой мыслью...»¹⁶

Но одновременно с этим его продолжала увлекать и тема Хаджи-Мурата.

12 декабря 1896 года к Толстому приехал Чертков проездом в Петербург. Толстой знал, что Черткова ожидали в Петербурге многие дела по хлопотам о гонимых духоборцах. Тем не менее он не удержался от того, чтобы не просить Черткова достать для него некоторые материалы о Хаджи-Мурате. Сохранился листок, на котором рукой Черткова под диктовку Толстого написано: «Стасов — материалы о Кавказе, о Дагестане, внутренней жизни Шамиля Неверовского, «Плен Шамиля» есть и кавказские сборники есть»¹⁷.

Из этого перечня книг, а также помет Толстого в его записной книжке за ноябрь 1896 года видно, что тема «Хаджи-Мурата» расширялась. Толстой теперь намерен описать не только борьбу и гибель Хаджи-Мурата, но также его прошлое, быт горцев, охватить всю эпоху, остановиться и на ее центральной фигуре — Шамиле.

Таков обычный творческий процесс Толстого. Сначала зарождается основной замысел, затем замысел разрастается до неожиданных для него размеров.

18 декабря 1896 года Стасов сообщал Толстому: «...сегодня утром я получил от В. Г. Черткова записочку¹⁸, где он мне говорит, что вы желали бы получить отсюда, от нас, разные книги о Кавказе и Шамиле. Разумеется, я очень был обрадован таким поручением, завтра поспешу проэкзаменовать я сам, да с разными другими еще знающими, что именно может вам пригодиться, и тотчас пошлю вам изрядную партию»¹⁹.

Толстой отвечал Стасову 28 декабря 1896 года: «Не присылайте слишком много. Главное нужно мне историю, географию, этнографию Аварского ханства в нынешнем столетии»²⁰.

Книги об Аварском ханстве были нужны Толстому потому, что Хаджи-Мурат происходил из Аварии и провел в ней большую часть своей жизни. В ответном письме к Толстому от 3 января 1897 года Стасов сообщал: «...так как вы не велите посылать вам слишком много книг, посылаю вам (покуда) небольшой список важнейших книг и статей насчет Аварского племени. Чего вам не надо, пожалуйста, вычеркните на прилагаемом листке; что останется невычеркнутым, т. е. вам нужным, пошлю вам тотчас, только пришлите, оторвав его от письма, мой списочек»²¹.

К письму Стасова был приложен «Список книг о Кавказе (Дагестан-Авария)». Дочь Толстого Татьяна Львовна в письме к Стасову от 4 января 1897 года вернула этот список обратно с пометками и приписками Льва Николаевича:

«1) Неверовский: Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношении. Спб., 1847.

2) Его же: Краткий исторический взгляд на Сев. и Средн. Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. Спб., 1848.

3) Его же: Истребление аварских ханов. Спб., 1848.

4) Берже: Краткий обзор горских племен на Кавказе (напечат. в «Кавказском календаре» на 1858 г.). (Зачеркнуто Толстым.)

5) Руновский: Шамиль (напечат. в «Кавказском календаре» на 1861 г.).

6) «Низам Шамиля» (напечат. в «Сборнике сведений о кавказских горцах», выпуск III, 1872). (Тоже перечеркнуто.)

7) Н. Львов: Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени (напечат. там же). (Тоже перечеркнуто.)

8) Из путешествия по Дагестану Н. И. Воронова (напечат. там же). (Тоже перечеркнуто.)

9) Дубровин: История войны и владычества русских на Кавказе. 6 томов (последний, изданный в 1888 г., доведен только до 1827 г.). (Тоже перечеркнуто.)

10) «Описание племен Кавказа», 20 томов (издание попечителя Кавказского учебного округа).

Рукою Толстого приписано:

«Нет ли записок, кроме Полторацкого и Зиссермана, касающихся Кавказа и войны 40—60 годов? Вот мои дерзкие и покорные просьбы. Прошу простить и не бранить».

В списке против № 10 рукою Толстого приписано: «Из этих 20 томов те, которые касаются Аварии и Чечни»²².

То, что Толстым зачеркнуто в этом списке, очевидно было раньше прочитано им в числе материалов, полученных от Зиссермана. Это соображение подтверждается и тем, что в приведенном списке зачеркнуты статьи Львова и Воронова, безусловно читанные им, так как на них имеются его пометы в принадлежащем ему экземпляре «Сборника сведений о кавказских горцах».

В первых числах января 1897 года к Толстому, находящемуся в Москве, приезжал Зиссерман, может быть также по вопросу об источниках. В тот период все их свидания были связаны с работой Толстого над «Хаджи-Муратом». Однако в этот раз они не выдалась. 6 января 1897 года Зиссерман сообщал П. И. Бартеневу: «Л. Н. Толстого я тогда не видел. Он спал. Каков! Во 2-м часу дня!» (ГЛМ).

10 января 1897 года В. В. Стасов писал Толстому:

«Лев Николаевич, сегодня я послал к вам, по почте, те книги о Кавказе, которые вы выбрали, а именно:

а) Кавказский Календарь на 1861 г. (Шамиль).

б) Неверовский. Краткий взгляд и проч. 1847 (этногр. и топогр.).

в) Неверовский. Краткий взгляд и проч. (исторический) 1847.

г) Неверовский. Истребление аварских ханов.

Сверх того я прибавил еще:

д) Краткий список статей и изданий по кавказоведению.

Буду, конечно, радехонек, если эти книжки вам пригодятся.

Что же касается 20-ти томов издания «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», то я эти 20 томов процедил, и все, что там нашел про лезгинское племя, про аварцев и про Дагестан, все я выписал на маленький листок, который при сем и прилагаю,— и опять-таки с просьбой вычеркнуть там вон то, чего вам не надо, и прислать мне тот листок с незачеркнутыми заглавиями (если такие окажутся), а я тотчас же и пошлю вам что вам надо»²³. К письму был приложен список статей «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа».

Несмотря на усиленное собирание материалов, Толстой в течение полугода после написания «Репья» только один раз поработал над рассказом, так как был занят в то время другими работами — статьями «Приближение конца» и «Carthago delenda est», а также работал над книгами «Изложение веры» и «Что такое искусство?». Собираанием и изучением материалов по Хаджи-Мурату он занимался «в промежутках досуга».

6 февраля 1897 года Толстому сообщили о том, что Чертков за свою антиправительственную деятельность высылается за границу. Толстой в тот же день поехал в Петербург проститься со своим ближайшим другом. 7 февраля 1897 года он приехал в Петербург, где пробыл пять дней; на другой день после приезда, 8 февраля, отправился в Публичную библиотеку. Он хотел при содействии В. В. Стасова получить некоторые источники. Но В. В. Стасова в библиотеке не было, и он оставил ему записку от 8 февраля 1897 года: «Хотел вас видеть, не застал, зайду еще...»²⁴

В своих воспоминаниях Е. М. Бем, служившая в то время в Публичной библиотеке, сообщает, что «в Публичную библиотеку Толстой пришел очень рано, он собирал и просматривал какие-то материалы для своих работ»²⁵. Эти материалы были по «Хаджи-Мурату» и трактату «Что такое искусство?», как это явствует из письма Толстого В. В. Стасову от 16 февраля 1897 года, в котором он писал: «Со мной случилась беда. Ваша выписка и слова восточных языков должно быть остались в первом томе книги Найта, которую я вам возвратил. Пришлите, пожалуйста»²⁶.

Стасов отвечал: «Лев Николаевич, получив ваше письмо, тотчас пошел взять 1-й том Knight'a, и конечно, нашел там:

- 1) турецких и персидских выписку,
- 2) выписку новейших сочинений об эстетике,
- 3) мою выписку из «Лексикона» Ларусса о Бенаре»²⁷.

«Слова восточных языков» относились к «Хаджи-Мурату», книга Найта и «Новейшие сочинения по эстетике» нужны были Толстому для трактата «Что такое искусство?». Таким образом, работа над этими двумя произведениями все еще происходила параллельно.

Во время пребывания в Петербурге Толстой навещал и генерала К. А. Дитерихса, участника Кавказской войны, несколько раз встретившегося на Кавказе с Хаджи-Муратом и в стычках, и после перехода его к русским. Дитерихс целый вечер рассказывал Толстому о Хаджи-Мурате, о его внешности, личности, о том, как он хромал, как кинулся со скалы и пр. (Сообщено нам дочерью К. А. Дитерихса — О. К. Толстой.)

Это собирание материалов по «Хаджи-Мурату» в Петербурге характерно для Толстого. Высылка Черткова за границу была для него большим ударом, в Петербурге он жил в суете, со многими виделся, тем не менее, захваченный темой Хаджи-Мурата, находил время усиленно собирать материалы. Так всегда было у него. Творческий труд его не нарушался ни при каких обстоятельствах. Творческая энергия была настолько велика, что требовала всегда своего проявления.

По возвращении из Петербурга Толстой работал над книгой «Что такое искусство?», но одновременно продолжал обдумывать «Хаджи-Мурата». В этот раз Толстой, однако, не приступал к работе над «Хаджи-Муратом». Собирание же материалов продолжалось. Г. А. Джаншиев, автор известной в свое время книги «Эпоха великих реформ», по происхождению армянин и уроженец Кавказа, писал Толстому 7 марта 1897 года: «Приятель мой, С. И. Танеев передал мне вчера, что вы желали бы иметь типы и виды кавказские. Позвольте предложить вам все, что у меня оказалось. Если найду еще что-нибудь у знакомых, то не замедлю прислать»²⁸. На конверте письма Джаншиева рукою Толстого проставлено: «Отошли книги». Это распоряжение дочери вернуть книги обратно Джаншиеву ввиду их использования. Толстому понадобились даже «типы и виды кавказские» — настолько серьезно он изучал все, что могло относиться к его теме.

Глава V

РЕДАКЦИЯ ВТОРАЯ

(октябрь 1897 г.)

4 апреля 1897 года у Толстого в Дневнике записано: «Вчера думал очень хорошо о Хаджи-Мурате... Как он был бы хорош, если бы не этот обман веры»¹. Под «обманом веры» Толстой несомненно разумел фанатическое признание Хаджи-Муратом мусульманских догматов, принципа кровомщения, хазавата и пр. Конечно, мысль об «обманах веры» Хаджи-Мурата возникла у Толстого в связи с его работой над книгою «Изложение веры».

В данной записи и Толстой отступает от первоначального замысла. Теперь ему хочется изобразить не только борьбу в жизни Хаджи-Мурата, но и показать на нем зло религиозных суеверий. Однако эта тема никогда не была им осуществлена.

Через десять дней после этой записи, 13 апреля 1897 года, Толстой писал П. И. Бирюкову: «...назойливо пристают мысли художественные; одна кавказская, все не оставляющая меня в покое, другая драма («И свет во тьме светит»)².

Выражение «художественная мысль» означает то же, что слово «сюжет». В трактате «Что такое искусство?» употребляется соответственно этому выражение «музыкальная мысль».

Однако, как «назойливо» ни «приставала» к Толстому «кавказская мысль» и как много он ни обдумывал ее уже на протяжении целого года, он все же не возобновлял работы над нею, считая себя еще недостаточно для этого подготовленным.

9 сентября 1897 года Толстой в третий раз поехал к Зиссерману, очевидно опять за книгами, но не увидел его, так как оказалось, что пять дней назад Зиссерман на рубке леса был насмерть задавлен упавшим деревом.

Смерть Зиссермана явилась большим ущербом для Толстого в его работе над «Хаджи-Муратом», так как другого такого знатока истории жизни Хаджи-Мурата, Кавказской войны и быта горцев, как Зиссерман, Толстой никого не знал.

Однако утрата Зиссермана не отвлекла его от работы. В Дневнике 14 октября 1897 года он записал: «К Хаджи-Мурату подробности: 1) Тень орла бежит по скату горы,

2) У реки следы по песку зверей, лошадей, людей, 3) Въезжая в лес, лошади бодро фыркают, 4) Из куста держидерева выскочил козел»³. Желание работы над «Хаджи-Муратом» нарастало у Толстого. В Дневнике его от 16 октября 1897 года читаем: «Вчера вечером и нынче хотел писать Хаджи-Мурата. Начал. Похоже что-то, но не продолжал, потому что не в полном обладании. Не надо портить и насильно»⁴.

Толстой чувствовал себя еще не готовым к работе, несмотря на то что обдумывал сюжет и изучал материалы в течение года. Тема еще не окончательно созрела в его сознании, а потому не надо было принуждать себя к писанию, надо было еще сколько-то времени выждать.

С. А. Толстая в своих записках «Моя жизнь» объясняет причину неуспеха работы Толстого над «Хаджи-Муратом» в октябре 1897 года по-другому: «Лев Николаевич брался и за излюбленного им «Хаджи-Мурата», но с этим дело не пошло и пришлось оставить. Художественные работы, на мой взгляд, всегда требовали полного спокойствия, как физического, так и нравственного, духовного. Без него работа не шла»⁵.

Но Софья Андреевна не права. Для осуществления художественных работ Толстой нуждался не в «полном спокойствии, как физическом, так и нравственном», а относительном. «Севастопольские рассказы» он писал в обстановке войны, под постоянной угрозой смерти, в период создания «Войны и мира» и «Анны Карениной» пережил много утрат, болезней, семейных огорчений и на протяжении всех лет работы над «Хаджи-Муратом» находился в напряженном душевном состоянии и болезнях.

Спустя месяц Толстой делает новую попытку писать «Хаджи-Мурата». В Дневник от 11 ноября 1897 года занесено: «С утра писал Хаджи-Мурата. Ничего не вышло. Но в голове уясняется. И очень хочется»⁶.

Через год и три месяца после зарождения сюжета Толстой отмечает, что сюжет «уясняется» — так медленно проходил у него этот творческий процесс.

Написанные 15—16 октября и 11 ноября 1897 года варианты представляют собой начало второй незаконченной редакции произведения. В нем четыре главы. Тема шире, чем в «Репье», композиция и форма другие. В главе I описывается выход солдат «в секрет»; главе II — вечер у молодого Воронцова; главе III — пребыва-

ние Хаджи-Мурата у кунака Сафедина; глава IV — рубка леса, смерть Никитина, выезд молодого Воронцова, встреча его с Хаджи-Муратом, прием Хаджи-Мурата Марией Васильевной, столкновение молодого Воронцова с Меллер-Закомельским.

Материалом для главы I послужила книга Зиссермана «Двадцать пять лет на Кавказе», остальное написано по «Воспоминаниям» В. А. Полторацкого. События происходят в передовой крепости Воздвиженской, в которой Толстой сам бывал в молодости. Выведен и Полторацкий, первоначально названный настоящей своей фамилией, затем «Полторасовым», потом «краснолицым» и «широколицым офицером» без фамилии. Толстой знал Полторацкого в бытность на Кавказе, но внешность его мог ему напомнить и портрет Полторацкого, приложенный к журналу «Исторический вестник» за июль 1895 года. Молодой Воронцов и его жена Мария Васильевна описаны отчасти по личным воспоминаниям (Толстой в молодости встречался с ними на Кавказе), отчасти по «Воспоминаниям» Полторацкого. В рассказе упоминается сын Марии Васильевны Воронцовой от первого брака, Булька, названный «кудрявым мальчиком». Как сообщила нам С. А. Стахович, она знала этого Бульку взрослым. С. А. Стахович считала примером замечательной художественной памяти Толстого то, что он через пятьдесят лет вспомнил курчавые волосы Бульки, о чем ни в каких печатных источниках, известных Толстому, не упоминалось.

Первая глава второй редакции далась Толстому трудно. Рукопись ее испещрена бесчисленными вставками и исправлениями. С еще большим упорством Толстой работал над коротенькой III главой этой редакции, принимаясь за нее девять раз. Страницы ее едва поддаются прочтению. Как отсутствие поправок в рукописях Толстого обычно является признаком его творческого подъема, так, наоборот, обилие помарок означает неуспех работы. По данной рукописи видно, что Толстой, действительно, писал «насильно». У него ничего и «не вышло», и он прервал работу.

В Дневнике от 14 ноября 1897 года записано: «Думал в pendant * к «Хаджи-Мурату» написать другого русского разбойника Григория Николаега...»⁷ (Выведен Толстым впоследствии под именем дворника Василия в повести «Фальшивый купон».)

* Параллельно.

Через неделю Толстой снова берется за работу. В письме к Софье Андреевне от 17 ноября 1897 года он сообщает: «...начал новое: художественный кавказский рассказ, который *me hante** уже давно». Через три дня, 20 ноября 1897 года Толстой опять писал жене: «Мысли же все и занятия мои направлены на Кавказскую повесть, которой мне совестно заниматься, тем более, что она нейдет,— но от которой не могу отстать»⁸.

Впервые по поводу «Хаджи-Мурата» Толстым употреблено выражение «совестно». В последующие годы оно будет много раз повторяться. Но оно не ново у Толстого в применении к своему художественному творчеству.

Еще в раннем периоде своей литературной деятельности он писал А. А. Фету (октябрь 1859 г.): «...я вас люблю, дяденька, руку на сердце. А повести писать все-таки не стану. Стыдно, когда подумаешь: люди плачут, умирают, женятся, а я буду повести писать, «как она его полюбила». Глупо, стыдно»⁹. Толстой неоднократно это говорил и позднее. «Примеривался к художественной работе — совестно» (письмо к Черткову, 4 июня 1893 г.)¹⁰. «Совестно писать неправду, что было, чего не было. Если хочешь что сказать, скажи прямо» (Дневник. 18 июля 1893 г.)¹¹, «...стыдно писать эти вымыслы» (Дневник. 26 сентября 1895 г.)¹². «Не могу теперь заниматься художественным писанием... совестно. ...начнешь писать: «Иван Иванович лежал на постели...». Никакого не было Ивана Ивановича. Совестно»¹³.

Толстому бывало «совестно» от художественной работы не только потому, что она построена на «вымыслах», но и потому, что она казалась ему несоответствующей его положению и возрасту. По поводу своей работы над «Плодами просвещения» он писал Черткову 15 января 1890 года: «Человеку нынче-завтра умереть, и вдруг он озабоченно записывает фразу, которая в духе известного лица и смешна; и радуешься, что нашел. Вообще было совестно...»¹⁴

Но как ему ни было «совестно», сюжет продолжал «преследовать» его и требовал своего осуществления.

* Меня преследует (*фринц.*).

Глава VI

РЕДАКЦИЯ ТРЕТЬЯ

(ноябрь 1897 г.)

В письме к А. В. Жиркевичу от 30 июня 1890 года Толстой говорит: «Писать надо только тогда... когда потребность выразить... не дает покоя»¹. В письме к Ф. А. Желтову от 21 апреля 1897 года эта же мысль выражена так: «...опасно: писать только вследствие рассуждения, а не такого чувства, которое обхватывало бы все существо человека»².

Такое чувство «обхватывало» теперь и «все существо» Толстого. В ноябре 1897 года он пишет новую, третью, редакцию повести. Содержание ее существенно отличается от содержания двух предыдущих. Начинается она сценой обеда в тифлисском дворце наместника Кавказа Воронцова (написано по Зиссерману)³, после этого идет сцена приема Воронцовым Хаджи-Мурата (принадлежит целиком Толстому), приведено письмо Воронцова к Чернышеву (взято из материалов Зиссермана)⁴. Две главы, в одной из которых описывается ранняя пора жизни Хаджи-Мурата (материалом для нее послужили «Воспоминания муталима» из «Сборника сведений о кавказских горцах», вып. I и II)⁵, а в другой приводится рассказ Хаджи-Мурата Лорис-Меликову о своем прошлом (по материалам Зиссермана)⁶, были по написанию исключены Толстым.

Характеристика старого Воронцова, данная в этой редакции, сделана отчасти по книге В. В. Огаркова «Воронцовы»⁷, отчасти по личным впечатлениям Толстого, встречавшегося в своей молодости с Воронцовым, а также по книге Зиссермана «Двадцать пять лет на Кавказе». Использование в этой редакции разных деталей из печатных источников указывает, что Толстой вновь внимательно штудировал их.

Третья редакция, как и вторая, не закончена. Толстой остался ею недоволен, по-видимому также потому, что и она не передавала ярко того «чувства», которое он пережил при виде репья в поле. 20 ноября 1897 года отмечено в Дневнике: «Много обдумал Хаджи-Мурата и приготовил материалы. Все тон не найду»⁸. Искание «тона» — новая стадия работы. «Тону» всякого произведения Толстой придавал большое значение. В письме к Черткову от 14 декабря

1891 года он писал: «Это нарушает весь тон, а тон выражает чувство...»⁹ И. И. Горбунову в письме от 19 апреля 1892 года говорит: «...тон, отношение к предмету мне не понравилось» (19 апреля 1892 г.)¹⁰. «Получил рукопись... Только этот певучий фальшивый тон надо стереть весь. Тон этот вообще дурен... но при той значительности содержания... он ужасен. Точно, как если бы Евангелие написать так: «А копь в щеку сразит тебя злой, лихой человек, ты подставить ему, добрый молодец, и другую щеку, не жалеючи и т. п.» (Черткову, 18 марта 1889 г.)¹¹.

Искание тона для «Хаджи-Мурата» возникло после писания третьей редакции, в которой Толстой взял тон некоторого любования героем.

«На празднике Курбан-байрам он обскакал всех и лошадь его была увешана кинжалами и увязана платками, так что насилу могла идти. На праздник весны, когда выезжают в первый раз с плугом, он, засучив рукава и штаны, бегал и тоже обежал всех и обвешанный кинжалами был введен в круг. Он же одним ударом шашки срубил голову барану и разрезал платок. Это было самое лучшее, бодрое, веселое время, такое, когда человек живет только своей жизненной силой, а ее было много у Хаджи-Мурата»¹².

В конце концов Толстой принял для «Хаджи-Мурата» свой обычный спокойно-эпический тон и все последующие годы работы строго следил за сохранением этого тона, лишь иногда в процессе работы случайно нарушая его. Один раз у него прорвался тон презрения: «Ходить же каждую ночь в секреты... (для удобства любовных отношений господина Бяратинского и госпожи Воронцовой.— А. С.) было оскорбительно и противно...»¹³

В резко-бранный тон Толстой несколько раз впадал при описании Николая I: «...едва ли была в то время какая-либо более отвратительная мерзость... нежели Николай I»¹⁴.

Проявлял иногда Толстой неумеренно юмористический тон. Комическое прибавление Козловского к своим словам союза «как» приводилось Толстым раньше в нескольких случаях; кроме Козловского, оно было вложено и в уста Ивана Матвеевича и в речь генерала на обеде Воронцова, но потом было оставлено только в главе XXI в речи Козловского.

Допустил один раз Толстой и сентиментальный тон: «Петраков лежал навзничь с взрезанным животом, и белое лицо было обращено к небу, и он, как рыба всхлипывая, умирал. А старушка его на тихом Доне в это время свата-

ла ему невесту, красневшую при имени Степана Петракова»¹⁵.

При позднейших «отделках» все эти отступления от основного тона и всякое субъективное отношение к тому или иному персонажу или событию были устранены.

Спокойно-эпическому тому содействовали и некоторые сцены, органически не связанные с главным сюжетом, как разговоры солдат, сцена умирания Авдеева, сцена работы на гумне и др.

Глава VII

РЕДАКЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

(ноябрь 1897 г.)

21 ноября 1897 года Толстой записал в дневнике: «Все обдумываю и собираю материалы для «Хаджи-Мурата». Нынче много думал, читал, начал писать, но тотчас же остановился»¹.

В этот раз были написаны шесть коротких набросков, представляющих собой четвертую по счету редакцию повести. Всем им дано название «Хаджи-Мурат». До сих пор произведение называлось «Репей».

Перемена названия — важный факт в истории создания повести. Раньше эпизод с репьем играл в произведении не меньшую роль, чем судьба Хаджи-Мурата, это и подчеркивалось его названием «Репей». Теперь случай с репьем — побочный эпизод. Основная тема — Хаджи-Мурат.

Шесть набросков однородны по содержанию. В них описывается самый ранний период жизни Хаджи-Мурата и наступление вождя горцев Кази-муллы на столицу Аварии в 1830 году (материалом послужила книга Зиссермана «История 80-го пехотного Кабардинского полка», т. II, гл. III). Во время этого наступления Хаджи-Мурат убивает мюрида, завещавшего ему идею хазавата (эпизод вымышленный, такого в жизни Хаджи-Мурата не было), написано по «Сборнику сведений о кавказских горцах»². Из шести набросков только один был отдан Толстым в переписку, остальные забракованы.

Перед написанием этих набросков Толстой отметил в вышеприведенной дневниковой записи от 21 ноября 1897 года, что он «много читал». Чтение состояло в новом штудирова-

нии «Сборника сведений о кавказских горцах». Было отмечено около трехсот мест, для чего Толстой составил особый список, озаглавленный «Материалы Хаджи-Мурата». Судя по обозначенным в этом списке пометам, Толстой стремился с наибольшей полнотой уяснить себе жизнь горцев, их быт, нравы, верования, обряды, способы обработки земли, ремесла, охоту. Отмечены также пословицы, сказки, песни.

Некоторые места перечитывались им не один раз, как свидетельствуют приписки: «Подробности обычаев мало читаны». «Сказки читать». «Всю статью читать». Фольклор горцев восхищал Толстого теперь не меньше, чем двадцать лет назад, как это видно из его надписей: «Чудные песни о мщении и удалстве». «Прелестная песня». «Песня о Хабаре — удивительная». «Сказка прекрасная».

Обстоятельное изучение материалов было вызвано в этот раз тем, что Толстой все еще чувствовал себя малоподготовленным к работе, а он считал возможным писать только о том предмете, который был ему досконально известен. «...спокоен, только когда пишу всюю то, что знаю...» (Дневник, 26 сентября 1895 г.)³. «...люблю писать только то, что я хорошо понимаю» (Письмо к А. А. Толстой от 26 января 1903 г.)⁴.

Приступив теперь к изучению материалов, Толстой, однако, не удовлетворился только теми материалами, которые уже имел, а поручил ехавшей в Москву дочери Татьяне Львовне достать еще новые, по поводу чего Татьяна Львовна писала ему 27 ноября 1897 года: «О кавказском твоём поручении помню, но не удастся еще ничего сделать»⁵.

Через два дня, 29 ноября 1897 года, она сообщала: «Посылаю тебе «Муллу-Нур» и книгу Маркова, которую мне рекомендовали. Есть еще две книги о Кавказе в том же роде с картинками — одна Надеждина «Кавказский край, природа и люди», а другая забыла, как называется, но тоже описывающая край, а не вроде дневника, как ты хотел иметь. Сейчас ее принесли от Вольфа *, посылаю ее тебе. Если книги не годятся, их можно отдать назад»⁶.

Под «дневником» Татьяна Львовна разумела мемуары кавказских деятелей наподобие записок Зиссермана, Полторацкого и других. В них Толстой рассчитывал найти больше

* Книжный магазин фирмы Вольф.

нужных ему материалов, чем в этнографических и географических изданиях.

Книга «Мулла-Нур», упоминаемая Татьяной Львовной, — известная повесть А. А. Бестужева-Марлинского. К сочинениям Марлинского Толстой относился в молодости критически за их романтическое содержание, но теперь он перечитал «Муллу-Нура» и, вероятно, также другую известную кавказскую повесть Марлинского «Аммалат-Бек», в которой дан образ Салтанет, упоминаемой Толстым в редакции шестой и в редакции десятой (гл. XIII). Книги Маркова «Очерки Кавказа» и Надеждина «Кавказский край» указывают, что Толстой опять интересовался географическими и этнографическими материалами по Кавказу в связи с «Хаджи-Муратом».

21 ноября 1897 года Толстой отметил в Дневнике: «...начал писать, но тотчас же остановился»⁷, то есть опять бережно отнесся к своему внутреннему творческому состоянию, почувствовав, что еще не наступило время для творчества, что еще не завершился процесс зарождения художественного «плода».

Не допуская возможности и в этот раз «насиловать» себя, он прекратил 21 ноября 1897 года работу и последующие три дня был занят только «обдумыванием» произведения и изучением материалов, как это видно из его дневниковой записи от 24 ноября 1897 года: «Вчера готовил Хаджи-Мурата. Как будто ясно...»⁸

Процесс «уяснения» темы длился уже более года. Этот процесс у Толстого бывал самый трудный. По его определению, этот процесс состоял в том, что художник сначала «предполагает» «или смутно чувствует нечто для себя совершенно новое... Это нечто новое поражает его...». «Человек напрягает все свои силы на то, чтобы самому для себя уяснить это нечто... Вот это-то стремление сделать для себя и других ясным и несомненным то, что представляется другим и самому себе смутным и неясным, и есть тот источник, из которого является произведение»⁹.

Толстой пытался в четырех редакциях сделать «ясным и несомненным» то, что «поразило» его. Но ему это не удалось. Теперь он вновь и вновь занят «уяснением». Е. И. Попов сообщал 6 декабря 1897 года Л. Ф. Анненковой: «Л. Н. вчера приехал в Москву. Он кончил статью об искусстве и теперь занят рассказом из кавказской жизни»¹⁰.

Работа опять не пошла. С. А. Толстая рассказывает: «Возвращался он и в Ясной Поляне и в Москве к «Хаджи-

Мурату», и почему-то не спорилась эта работа. Недовольство огорчало его»¹¹.

Мысли о «Хаджи-Мурате» все сильнее овладевали им и возникали даже по неожиданным поводам. В его Дневнике от 13 декабря 1897 года записано: «У Русанова голова Хаджи-Мурата»¹². (Гавриил Андреевич Русанов, близкий знакомый Толстого, имел форму головы и овал лица, напоминавшие внешность Хаджи-Мурата.— А. С.) В этот же день Толстой записал в Дневнике: «Нынче утром хотел писать Хаджи-Мурата. Потерял конспект».

Среди сохранившихся рукописей повести не имеется «конспекта», относящегося к данному периоду. Может быть, он существовал и Толстой действительно потерял его, но скорее всего Толстой назвал «конспектом» тот список помет к «Сборнику сведений о кавказских горцах», который был составлен им месяц назад. Того же 13 декабря 1897 года Толстой отметил в Дневнике: «Хочу записать теперь сюжеты, которые стоит и можно обработать...» Он перечисляет тринадцать сюжетов, из которых седьмым является «Хаджи-Мурат». Это указывает на то, что он твердо намерен рано или поздно закончить «Хаджи-Мурата». 29 декабря 1897 года в его Дневнике записано: «Думал о Хаджи-Мурате»¹³.

К этому времени относится сообщение П. А. Сергеенко о том, как он однажды поздно вечером провожал Толстого в Москве домой: «Лев Николаевич вдруг остановился и, потянув жадно воздух в себя, проговорил с страстным чувством: «Боже, как мне писать хочется! Голова моя кишит образами». Через несколько дней после этого,— рассказывает П. А. Сергеенко,— одна дама спросила Толстого: «Правда ли, что вы пишете в настоящее время повесть из кавказской жизни, где фигурирует один из сподвижников Шамиля?», он скороговоркой и неохотно ответил: «Да, да, пишу. Я все пишу...»¹⁴.

В этом сообщении характерно восклицание Толстого: «Боже, как мне писать хочется!» В те дни это восклицание прежде всего относилось к «Хаджи-Мурату». Характерно и то, что он неохотно, скороговоркой ответил: «Да, да, пишу. Я все пишу...» Этим уклончивым ответом он хотел прекратить дальнейшие расспросы о «Хаджи-Мурате», чтобы сохранить свой сюжет насколько возможно дольше в тайне от всех.

Глава VIII

РЕДАКЦИЯ ПЯТАЯ

(январь 1898 г.)

РЕДАКЦИЯ ШЕСТАЯ

(март 1898 г.)

В первых числах января 1898 года Толстой в четвертый раз принимается за изучение материалов. Софья Андреевна сообщает об этом: «Лев Николаевич не весел, потому что ему все еще не работается. ...все читает материалы кавказской жизни, природы, всего, что касается Кавказа» (Дневник, 6 января 1898 г.)¹.

Черткову Толстой писал: «Хотел я всё это время написать художественное что-нибудь, такое, что содействовало бы мною же поставленным требованиям. Но ничего не мог» (9 января 1898 г.)². Под словами «что содействовало бы мною же поставленным требованиям» Толстой разумел те принципы «общедоступности» и «значительности содержания», о которых писал в только что законченном трактате об искусстве.

Толстой написал шесть новых набросков «Хаджи-Мурата», являющихся пятой по счету редакцией произведения.

В одном из этих набросков описывается сцена ранения матери Хаджи-Мурата его отцом — за отказ стать кормилицей ханского ребенка (сцена вымышленная, в источниках ее нет). Написав четвертый набросок, Толстой обрывает его и делает для себя приписку: «Опять сначала», после этого пишет пятый набросок, затем пишет шестой набросок, уподобляясь в упорстве своему герою.

В последнем, шестом наброске изображена сцена прогнания горцев сквозь строй (написано по книге Зиссермана «25 лет на Кавказе», ч. I, с. 340—342). Под влиянием чтения этой сцены в книге Зиссермана Толстой был охвачен столь сильным чувством негодования по поводу жестокости царских властей, что не смог не излить этого чувства в художественной форме. Сцена прогнания горцев сквозь строй происходит якобы на глазах десятилетнего Хаджи-Мурата, что тоже вымышлено, у Зиссермана об этом не сказано, но обстоятельства экзекуции те же, что у Зиссермана. Заимствованы у Зиссермана даже разные детали, вплоть до курения начальником трубки во время экзекуции и пр.

В наброске нет поправок, — следовательно, он написан с творческим подъемом. Тем не менее Толстой, проведя под этим наброском черту, пишет: «Не годится», признав его таковым, по-видимому, потому, что в этом наброске передано совсем другое чувство, чем то, которое он пережил на пиროговском поле и которое должно было лечь в основу произведения.

На другой день после написания этого шестого наброска Толстой в Дневнике от 13 января 1898 года записал: «Все пытаюсь найти удовлетворяющую форму Хаджи-Мурата и все нет. Хотя как будто приближаюсь»³.

Найти для произведения форму, полностью совпадающую с содержанием, Толстой считал очень важным. «Главное свойство произведения искусства — цельность, органичность того, чтобы форма и содержание составляли одно неразрывное целое, выражающее чувство, которое испытал художник», — говорит Толстой в трактате «Что такое искусство?» (гл. XI). Этой соответствующей Хаджи-Мурату формы Толстой не мог найти в течение полутора лет. Теперь он решил помочь себе составлением подробного «конспекта». 18 января 1898 года он записывает в Дневнике: «Нынче уяснил план «Хаджи-Мурата» больше, чем когда-либо»⁴. «План» состоял из 25 параграфов. 13 параграфов заимствованы из текста наброска об экзекуции, 12 параграфов — новые. Толстой в этот же день, 18 января 1898 года, с некоторым упреком самому себе сообщал Черткову: «Занят... маловажными делами»⁵.

В конце января 1898 года Толстой получил от Черткова ответ на то свое письмо от 9 января 1898 года, в котором сообщал Черткову, что «ничего не мог» написать согласно им же «поставленным требованиям». Чертков отвечал: «Что касается до образцов художественного произведения, то вы таких уже много написали... Писать же нарочно для того, чтобы дать образец, не есть подходящее побуждение для произведения искусства. А пока есть потребность и силы, пишите такое, какое вы теперь затеяли»⁶.

Однако это поощрение Черткова не возымело действия, ибо «производить же искусство... — говорит Толстой, — нельзя по произволу, — надо, чтобы оно само родилось в художнике» («Что такое искусство?», гл. XI)⁷. Около двух месяцев после этого Толстой не приступал к «Хаджи-Мурату», но продолжал собирать материалы.

Навестивший его в те дни писатель и актер князь А. И. Сумбатов-Южин, грузин по происхождению и уро-

женец Кавказа, вспоминал впоследствии: «Он тогда (в 1898 г.— А. С.) начал писать «Хаджи-Мурата» и просил меня прислать ему книг о Кавказе. Я, конечно, все исполнил»⁸.

Хотя Толстой не писал «Хаджи-Мурата» и не внял совету Черткова, но 25 февраля 1898 года отметил в Дневнике: «...не перестаю думать о Хаджи-Мурате»⁹.

В этот же день, 25 февраля 1898 года, им было получено из Англии от Черткова письмо с сообщением о тяжелом положении его издательства.

Чертков писал, что если бы Толстой дал ему какое-либо свое новое художественное произведение, которое он мог бы напечатать во многих иностранных журналах, то оно принесло бы ему значительную прибыль и спасло бы его издательство от краха. Толстой весьма сочувствовал издательству Черткова и считал себя как бы в долгу у Черткова за то, что тот тратил все свое состояние на печатание его сочинений, а потому пожелал сейчас же помочь ему. Он отвечал Черткову: «Я постараюсь угодить вам повестью, послав ее прежде всего вам. Но горе в том, что все не пишется, да и перед богом не следует этим заниматься, если только можно не писать»¹⁰, то есть если нет неудержимой потребности. Однако Толстой сделал в этот раз над собой усилие.

Извлеки отдельные тексты из редакции первой (1896 г.), второй (1897 г.) и пятой (1898 г.), он написал к ним дополнительные вставки. Возникла новая редакция, шестая по счету. Произведение получило теперь третье название «Хазават». В нем изображена психология Хаджи-Мурата, как правоверного фанатика-мусульманина, исповедующего веру в «хазават» — идею священной борьбы против иноверцев.

Вспоминая все свое прошлое, Хаджи-Мурат решает, что после всякого его отступления от «святого хазавата» его преследовали жестокие страдания. Теперь его семья, жена, мать оказались в плену у Шамиля, и это произошло вследствие нарушения им хазавата — перехода его к русским. Поэтому он должен бежать от русских, должен тем или иным способом вырвать свою семью из плена Шамиля. Если же это не удастся, то лучше ему погибнуть, чем быть преступником хазавата. И Хаджи-Мурат бежит от русских, но семьи не спасает и погибает, потому что последнее нарушение им «святого хазавата» (переход к русским) было уж слишком велико и непоправимо.

Софья Андреевна являлась в этот раз единственной переписчицей Толстого, и она отмечала в своем дневнике: «Переписывала с большим удовольствием повесть Л. Н. «Хаджи-Мурат» кавказскую» (10 марта 1898 г.). «Одну ночь я всю просидела до 4¹/₂ часов утра и переписывала для Л. Н. «Хаджи-Мурата» (14 марта 1898 г.)¹¹.

Спешная переписка «Хазавата» была вызвана тем, что Толстой хотел поскорее закончить рассказ для отсылки его Черткову. Но как ни велико было его желание помочь Черткову, он не смог работать. Желание помочь Черткову оказалось не только недостаточным, но даже губительным для работы. Основным побуждением к работе были в этот раз материальные соображения, а по собственному опыту Толстого, «чтобы удовлетворить внутреннему требованию, нужно художнику стать выше корыстных и тщеславных целей»¹².

Работа не захватила Толстого как по этой причине, так и потому, что идея хазавата была чужда ему и вовсе не отвечала его первоначальному замыслу. Он прервал работу, но мысли о «Хаджи-Мурате» все же продолжали занимать его.

21 марта 1898 года он записал в Дневнике: «Есть такая игрушка английская «reepshow»*: под стеклышком показывается то одно, то другое. Вот так-то показывать надо человека Хаджи-Мурата: мужа, фанатика и т. п.»¹³. В те дни Толстой увлекался идеей о «текучести» человека, выраженной им в Дневнике от 3 февраля и 19 марта 1898 года и в беседе с П. А. Сергеенко: «...очень интересует меня одна тема: это тесное соединение разнообразных духовных качеств в одном и том же человеке. Тот самый человек, который в сущности очень умен, проникателен и благороден, в то же время и очень ограничен, и мелок, и ничтожен»¹⁴.

Перед записью об английской игрушке Толстой записал: «Как бы хорошо написать художественное произведение, в котором бы ясно высказать текучесть человека, то что он один и тот же, то злодей, то ангел, то мудрец, то идиот, то силач, то бессильнейшее существо». Толстому хотелось это показать и на Хаджи-Мурате. Но и эта тема, так же как тема об обмане веры и хазавате, в окончательный текст повести не были включены.

* Ручная цветная папорама, вроде калейдоскопа.

Через три недели Толстой опять принялся за «Хаджи-Мурата». В Дневнике его от 12 апреля 1898 года отмечено: «Занятия «Carthago delenda est» и Хаджи-Мурат»¹⁵.

В этот раз Толстой работал не над продолжением «Хазавата», а над редакцией третьей (1897 г.), расширив в ней рассказ Хаджи-Мурата Лорис-Меликову о своем прошлом.

23 апреля 1898 года Толстой уехал на юг Тульской губернии, за сто километров от Ясной Поляны, в имение своего сына Ильи Львовича Гриневку для оказания помощи голодающему крестьянству посредством устройств бесплатных столовых. Несмотря на его напряженную организационную деятельность, «Хаджи-Мурат» продолжал привлекать его внимание. 30 апреля 1898 года он просил С. А. Толстую выслать ему для «Хаджи-Мурата» из Москвы книгу Зиссермана — «Двадцать пять лет на Кавказе»¹⁶. 4 мая 1898 года пишет в Дневнике: «Нынче, да и в прежние дни как будто уясняю себе Хаджи-Мурата, но не могу писать. Правда, что мешают»¹⁷. Толстой не уверен, потому ли он не писал, что в нем еще не вполне закончился процесс «уяснения», или потому, что не мог сосредоточиться на работе из-за того, что множество народа обращалось к нему по делу помощи голодающим.

Примечательно, что в Гриневке, где все его силы и время были поглощены борьбой с крестьянским бедствием, у него не ослабевал интерес к теме, не имевшей ничего общего с его деятельностью тех дней. Косвенно, как нередко случалось у него, этот интерес, может быть, отчасти поддерживался тем, что в Гриневке проживал черкес-объездчик, высланный с Кавказа за какое-то уголовное преступление. Толстой неоднократно слушал его песни и рассказы о Кавказе (сообщено нам дочерью Ильи Львовича Анной Ильиничной Поповой-Толстой).

Спустя полторы недели после предыдущей записи Толстой записал 15 мая 1898 года в Гриневке: «Писал Хаджи-Мурата неохотно»¹⁸. Он возобновил работу в этот раз над «Хазаватом». Но и теперь чуждая ему тема не увлекала его. Больше он к «Хазавату» не возвращался.

Явно, он потерпел с «Хаджи-Муратом» фиаско. В течение двух лет ему не удалось ни в одной из шести редакций выразить своего замысла.

С мая по декабрь 1898 года он больше и не приступал к «Хаджи-Мурату». В начале 1899 года, по-видимому вследствие всех своих предыдущих неудач, даже решил вовсе отказаться от темы. В письме С. А. Толстой к Стасову от

22 февраля 1899 года, написанного по поручению Толстого, говорится: «Книги о Кавказе находятся в Ясной Поляне и Лев Николаевич обещает их выслать, как только приедет в Ясную Поляну»¹⁹. Это означало, что книги больше Толстому не понадобятся ввиду того, что «Хаджи-Мурат» им навсегда оставлен.

Но через два месяца после этого решения, 26 апреля 1899 года, Толстого посетил писатель И. Н. Захарьин-Якунин, из письма которого к Толстому видно, что тема «Хаджи-Мурата» вновь его привлекла.

«Вы выразили желание,— писал Захарьин-Якунин 3 декабря 1899 года Толстому,— чтобы я описал сцены расстреливания и прогнания сквозь строй, коих мне довелось быть когда-то невольным свидетелем. И вот одну из этих сцен я описал и напечатал в «Историческом вестнике», а вторую сцену не в силах кончить: тяжело писать... Посылаю вам оттиск из «Исторического вестника», а также и мою статью в «Вестнике Европы» о Шамиле, личностью которого Вы, в разговоре со мною, так интересовались»²⁰.

В течение всего 1899 года Толстой, однако, над «Хаджи-Муратом» не работал, как и в 1900 году; за этот период никаких упоминаний о «Хаджи-Мурате» ни в его Дневнике, ни в его письмах не встречается. Помимо охлаждения к теме, он не мог заниматься «Хаджи-Муратом» и потому, что был в эти годы отвлечен огромной работой над романом «Воскресение».

Глава IX

РЕДАКЦИЯ СЕДЬМАЯ

(март 1901 г.)

РЕДАКЦИЯ ВОСЬМАЯ.

«ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО ВОЕННОГО»

(март — июль 1901 г.)

В начале 1901 года Толстой жил в Москве. Он много болел, страдая приступами малярии и болезнью печени, ощущал, как отмечал в Дневнике, «общую слабость» и «умственную неработоспособность». Он находился и в пониженном душевном состоянии, вследствие ряда семейных неприятностей и общественных событий: массовых высылки

и арестов в связи со студенческими беспорядками. В феврале 1901 года произошло прогремевшее на весь мир отлучение его от православной церкви и предание «анафеме». Но к этому событию он отнесся равнодушно. Его лишь утомляли бесчисленные посетители и делегации, являвшиеся к нему для выражения сочувствия по поводу этого события. Несмотря на все неблагоприятные для творчества обстоятельства, он неожиданно по случайному поводу после почти трехлетнего перерыва принялся за работу над «Хаджи-Муратом». Произошло это следующим образом.

С. А. Толстая состояла председателем Московского общества попечения о детских приютах. Она задумала устроить благотворительный концерт в пользу приютов и решила в программу концерта для большего успеха включить чтение какого-либо неизданного рассказа Толстого. Толстой сначала не дал ей на это своего согласия, не любя оглашения своих незаконченных произведений, затем уступил. Ю. И. Игумнова сообщила об этом 2 марта 1901 года Т. Л. Сухотиной: «Сейчас переписываю «Хаджи-Мурата», за которого принялся Л. Н., Софья Андреевна все-таки выпросила, чтобы он дал из него отрывок для чтения. А он, просматривая его, увлекся и начал работать над ним»¹. В день написания этого письма, 2 марта 1901 года, Ю. И. Игумнова, как сообщает, уже переписывала рукопись, следовательно, Толстой начал работу над «Хаджи-Муратом» в последних числах февраля 1901 года. В начале марта «Хаджи-Мурат» уже стал его основной работой, и 6 марта 1901 года С. Т. Семенов извещал Л. Ф. Анненкову: «Л. Н. ...начал работать над отрывками «Хаджи-Мурата» для концерта Софьи Андреевны»².

Сначала работа Толстого состояла во внесении в «Репей» двух новых вставок. В первой вставке, помещенной непосредственно за сценой приезда Хаджи-Мурата в крепость, излагается прошлое Хаджи-Мурата. Вторая вставка заменила всю прежнюю последнюю часть «Репья» и заключала рассказ Каменева о предсмертной борьбе Хаджи-Мурата.

Вместо подробностей умирания Хаджи-Мурата, имевшихся в «Репье», теперь дава сцена появления Гаджи-ага, отрубавшего голову Хаджи-Мурату (написано по книге Зиссермана «Двадцать пять лет на Кавказе», ч. II, с. 95). Композиция и содержание рассказа иные, чем в «Репье», почему эта работа должна считаться самостоятельной, то есть по счету седьмой редакцией повести.

Рассказ с двумя новыми вставками был весь целиком переписан Ю. И. Игумновой. Толстой стал исправлять его копию и вдруг коренным образом переделал рассказ по форме. Все предыдущие семь редакций были написаны в обычной повествовательной манере от имени третьего лица. Теперь рассказ написан от первого лица, как личные воспоминания. Под заглавием «Хаджи-Мурат» ставится подзаголовок: «Воспоминания старого военного». Рассказ начинается словами: «Я служил в одном из Кавказских полков, стоявших на левом фланге в Чечне. Я заболел лихорадкой, и полковой командир, принимающий во мне участие, прикомандировал меня к линейному батальону в предгорья здоровой местности».

Возможно, что только что перенесенная Толстым малярия, или, как он ее называл, «лихорадка», послужила поводом для такого начала.

«Воспоминания старого военного» настолько отличаются по форме и композиции от всех предыдущих семи редакций, что должны считаться новой, восьмой, редакцией.

После переписки «Воспоминаний старого военного» Толстой вносит в них добавления: историю прошлой жизни героя и включает сцену стычки Хаджи-Мурата с Арслан-Ханом. При дальнейшей работе изменяется композиция.

История прошлой жизни Хаджи-Мурата, которая раньше находилась во второй половине рассказа, переносится в его середину для усиления общей характеристики героя. Затем пишутся новые вставки и присоединяется из предыдущей седьмой редакции рассказ Каменева о предсмертной борьбе Хаджи-Мурата.

Автор «Воспоминаний» изображает и самого себя таким, каким он был 50 лет назад. Он был молодой офицер, полон энергии и жизни. Толстой писал: «...весело и успокоительно было смотреть... на матовую цепь снеговых гор, я смотрел на эти горы, дышал во все легкие и радовался тому, что я живу, и живу именно я, и на этом прекрасном свете...» К «Хаджи-Мурату» автор в молодости относился восторженно. Хаджи-Мурат представлялся ему «очень определенным, красивым и цельным типом настоящего горца». Вместе с тем Хаджи-Мурат огорчал его. Он, автор «Воспоминаний», увлекался Марьей Дмитриевной, «не мог не любоваться ее женской бессознательной прелестью», «не испытывать к ней какого-то особенного поэтического чувства». Но он «...увидел, что Хаджи-Мурат произвел на Марию Дмитриевну впечатление, как мужчина на женщину... видел это по ее

одежде, причёске, более нарядным, чем обыкновенно, по тому, что о чем бы ни говорили, она находила случай упомянуть о Хаджи-Мурате, и ему от всего этого... было ужасно грустно...».

Новое произведение проникнуто духом жизнерадостности и бодрости.

Когда-то еще в рассказе «Альберт» молодой Толстой говорил: «Художник не должен быть стар. Много нужно для искусства, но главное — огонь» (гл. V). «Воспоминания старого военного» свидетельствуют, что и в 73-летнем Толстом «огонь» художника не угасал.

В. И. Немирович-Данченко в книге «Из прошлого» сообщает о своем знакомстве с Толстым в описываемое время. Немирович-Данченко что-то читал Толстому вслух. Его манера чтения понравилась Толстому. Вскоре после этого, в начале марта 1901 года, С. А. Толстая приезжала к Немировичу-Данченко с просьбой прочесть «Хаджи-Мурата» на ее благотворительном вечере, заявив, что таково желание самого Льва Николаевича³. Это, однако, не осуществилось, так как к вечеру Софьи Андреевны, назначенному на 17 марта 1901 года, Толстой не успел закончить «Воспоминаний старого военного».

19 марта 1901 года Толстой отметил в Дневнике: «За все это время ничего не написал, кроме «Обращения к царю и его помощникам» и кое-какие изменения, и все скверные, в «Хаджи-Мурате», за которого взялся не по желанию»⁴. Слова «взялся не по желанию» означают, что работа в этот раз была начата только ради Софьи Андреевны, а не по творческому влечению Толстого.

Ввиду этого Толстой не смог довести работу до требуемой им художественной высоты. Произошло то же, что три года назад, когда он хотел закончить «Хаджи-Мурата» с целью материальной помощи Черткову. Как тогда, не ощущая собственной непреодолимой творческой потребности, он вынужден был прервать работу, так прервал ее и теперь. Но через две недели Толстой пытается возобновить ее. В Дневнике его от 31 марта записано: «Хотел кончить Хаджи-Мурата...»⁵ Ему снова это не удалось. Через три недели, 22 апреля 1901 года, перечисляя в Дневнике свои занятия, он напоминает себе: «нужно... окончить Хаджи-Мурата»⁶. Но опять это не удалось. В первой половине мая 1901 года он в третий раз пытается это сделать. 7 мая 1901 года в его Дневнике записано: «Видел во сне тип старика, который у меня предвосхитил Чехов. Старик был тем

особенно хорош, что он был почти святой, а между тем пьющий и ругатель. Я в первый раз ясно понял ту силу, какую приобретают типы от смело накладываемых теней. Сделаю это на Хаджи-Мурате и Марье Дмитриевне»⁷. Следуя примеру Чехова, он вносит в образ Хаджи-Мурата отрицательный штрих: «Хаджи-Мурат, как мне казалось, всегда играл двойную игру и старался быть с теми, с кем ему было выгоднее». В образ Марьи Дмитриевны внесено: «Она уговорила мужа отдарить Хаджи-Мурата неидушими золотыми часами».

П. А. Буланже сообщал В. Г. Черткову 14 мая 1901 года: «Последнее время Л. Н. все занят «Хаджи-Муратом»⁸. А. Б. Гольденвейзер в своих записках от 20 июня 1901 года отмечает: «Лев Николаевич работает... над «Хаджи-Муратом» и просил найти ему в Москве какую-то книжку с портретом Хаджи-Мурата»⁹.

Портрет Хаджи-Мурата был напечатан в журнале «Русская старина» за 1881 год в № 3. В других изданиях портрет Хаджи-Мурата не помещали, кроме как в «Художественном листке» Тима за 1857 года, вряд ли известном Толстому. Журнал «Русская старина» за 1881 год, № 3, с портретом Хаджи-Мурата не раз бывал в руках Толстого, так как в нем напечатаны «Материалы» Зиссермана, которыми широко пользовался Толстой. Однако он, очевидно, раньше недостаточно изучил по нему наружность Хаджи-Мурата, а теперь был намерен это сделать обстоятельно, со свойственной ему художественной взыскательностью.

В письме к В. Г. Черткову от 23 июня 1901 года П. А. Буланже сообщал: «Относительно художественных вещей ничего не знаю. Я спросил его про «Хаджи-Мурата», скоро ли он пошлет его тебе, но он промолчал совсем этот вопрос»¹⁰.

То, что Толстой «промолчал» этот вопрос, крайне для Толстого характерно. Вопрос Буланже был своего рода давлением на него. «Настоящее» же художественное произведение — не уставал повторять на основании собственного опыта Толстой — «нельзя делать по заказу», «оно по неопостижимым для нас законам совершается в душе художника»¹¹.

22 июля 1901 года Буланже извещал Черткова, что Толстой занят предисловием к русскому переводу романа фон Поленца «Крестьянин», а также «Хаджи-Муратом»¹². Это последнее свидетельство о работе Толстого над «Воспоминаниями старого военного», длившейся с перерывами в течение пяти месяцев.

«Воспоминания старого военного» — вполне законченное произведение, состоит из шести глав:

Глава I — Приезд Хаджи-Мурата в крепость.

Глава II — Прощальный вечер у Ивана Матвеевича накануне отъезда Хаджи-Мурата и рассказ Хаджи-Мурата о своей прошлой жизни.

Глава III — Стычка Хаджи-Мурата с Арслан-ханом.

Глава IV — Отъезд Хаджи-Мурата из крепости и его разговор с Марьей Дмитриевной.

Глава V — Приезд Каменева с головой Хаджи-Мурата.

Глава VI — Рассказ Каменева о последней борьбе и смерти Хаджи-Мурата.

Приведенная в этой редакции сцена стычки Хаджи-Мурата с Арслан-ханом указывает, что Толстой пересмотрел свои кавказские дневники, так как лишь в его записи от 2 марта 1852 года упоминается эта стычка (в источниках о ней не говорится). Чтение кавказских дневников, вероятно, было вызвано и желанием внести в рассказ автобиографические данные, что и сделано. Многие в восьмой редакции взято Толстым из личных воспоминаний. Но некоторые события, особенно факт встречи рассказчика с Хаджи-Муратом, не автобиографичны.

Глава X

ПЕРЕД ОСНОВНОЙ РАБОТОЙ НАД «ХАДЖИ-МУРАТОМ» (1901—1902 гг.)

Вскоре после работы над «Воспоминаниями старого военного» Толстой вновь тяжело заболел малярией. Болезнь тянулась весь август 1901 года. Врачи настаивали на перемене климата и переезде в Крым. Толстой поехал в Крым 8 сентября 1901 года. Он поселился в усадьбе графини С. В. Паниной в Гаспре, близ Ялты. Здесь он сразу почувствовал себя лучше и начал совершать прогулки через неделю после приезда. 16 сентября 1901 года, как сообщает А. Б. Гольденвейзер в своих записках, он «ходил пешком в Алупку» с целью осмотра дворца Воронцова, наместника Кавказа времен Хаджи-Мурата, конечно, в связи с тем, что Воронцов изображен в «Хаджи-Мурате»¹. Но Толстой осмотрел 16 сентября 1901 года алушкинский дворец лишь

снаружи, так как дворец в этот день был закрыт для обозрения публики (сообщено нам лично А. Б. Гольденвейзером, который сопровождал Толстому).

3 декабря 1901 года Толстой вторично посетил Алупку, что отмечено С. А. Толстой в ее дневнике². Однако у Софьи Андреевны не сказано, осматривал ли Толстой в этот раз дворец. Очевидно, нет, иначе Софья Андреевна об этом упомянула бы.

Весь декабрь 1901 года и первые пять месяцев 1902 года Толстой тяжело болел.

Писатель и врач С. Я. Елпатьевский, лечивший его, рассказывает: «Не знаю, писал ли он тогда «Хаджи-Мурата», но, очевидно, много думал о нем. Он часто говорил мне о «Хаджи-Мурате» и когда узнал, что я был на войне на Кавказе (в турецкую кампанию), расспрашивал, слышал ли я о нем, сохраняются ли еще там воспоминания. К сожалению, я смутно помнил рассказы старых кавказских офицеров о том, как Хаджи-Мурат похитил, кажется, княгиню Чавчавадзе и еще какую-то даму и как рыцарски обращался с ними³, да еще смутно мелькало воспоминание о какой-то книжке «Хаджи-Мурат». Книжкой этой Л. Н. особенно интересовался, говорил, что он искал ее и не мог найти, и даже просил меня помочь разыскать ему»⁴.

Единственной книгой о Хаджи-Мурате была тогда повесть Мордовцева «Кавказский герой», которую Толстой впоследствии, по-видимому, и прочел (см. об этом во II части нашей работы).

Сообщение Елпатьевского о частых разговорах Толстого по поводу «Хаджи-Мурата» указывает, что его интерес к образу Хаджи-Мурата в течение всего периода его тяжелых болезней нисколько не ослабевал. Даже, наоборот, усилился.

Раньше Толстой иногда обращался мыслями к образу Хаджи-Мурата в периоды душевного упадка. Теперь в иные минуты обращался к этому своему символу борьбы для усиления воли к преодолению физических немощей. Любопытно, что во время болезни он применял к себе то же выражение «не сдаваться», что к репью и к Хаджи-Мурату. С. А. Толстая сообщала Т. Л. Сухотиной-Толстой в 1902 году о том, как он говорил врачу: «А я все не сдаюсь».

Впоследствии его мысли о Хаджи-Мурате также совпадали с его стремлением самоукрепления в какой-либо борьбе. Так было на протяжении почти семи лет, с 1896 по 1903 год. Следовательно, «чувство бодрости, силы, энергии»,

охватившее его на пироговском поле, являлось неизменной основой его работы над «Хаджи-Муратом».

12 января 1902 года, едва оправившись от приступа грудной жабы, Толстой записал в «Календарном блокноте»: «Пересмотрел Хаджи-Мурата»⁵. Очевидно, он намеревался при первой же возможности возобновить работу, но несмотря на неспадавший его интерес к Хаджи-Мурату, он в течение всего своего пребывания в Крыму ни разу не приступал к писанию повести.

Сообщение П. А. Буланже в его статье «Болезнь Л. Н. Толстого в 1901—1902 гг.» («Минувшие годы», 1908, № 9) о том, что по приезде в Крым Толстой стал работать над «Хаджи-Муратом» (отсюда взята и регистрация нового этапа работы над «Хаджи-Муратом» — 28 сентября 1901 г. в «Хронологической канве» в Юбил. изд. соч. Толстого, т. 54, с. 365), ошибочно.

Рукописи «Хаджи-Мурата», «пересмотренные» им 12 января 1902 года, были не только что им написанные, а старые, привезенные с собою четыре месяца назад из Ясной Поляны. Это любопытно отметить. Другие свои неоконченные произведения он не возил с собою и не перечитывал. Софья Андреевна была поэтому права, говоря, что «Хаджи-Мурат» был у него «излюбленным».

Вскоре Толстой заболел воспалением легких. Некоторое время он находился между жизнью и смертью. Едва почувствовав себя лучше, он тотчас составляет список незавершенных тем и включает в него, как обязательную для себя работу, «Хаджи-Мурата» (26 февраля 1902 г.)⁶.

18 марта 1902 года Толстой сообщал Буланже: «Лежу и ничего не делаю и совершенно неожиданно для меня все обдумываю самую неинтересную для меня вещь — Хаджи-Мурата»⁷.

Слово «неинтересную» надо понимать в том смысле, что ряд своих работ Толстой считал более важными, чем «Хаджи-Мурат». Но помимо его воли «Хаджи-Мурат» овладевал его художественным сознанием. Это происходило не только потому, что его привлекала самая идея повести, но и потому, что обдумывание в те дни «Хаджи-Мурата» не требовало от него того утомительного при его физической слабости умственного напряжения, как требовали работы публицистические.

Вместе с «обдумыванием» «Хаджи-Мурата» Толстой одновременно возобновил и изучение относящихся к повести материалов. В письме к Т. Л. Сухотиной от 22 апреля

1902 года из Крыма Ю. И. Игумнова сообщала: «Сейчас вечер, и мы все сидим в гостиной. Колечка * читает о Шамиле»⁸ — книгу Вердеревского «Плен у Шамиля» (Спб., 1856), или привезенную Толстым из Ясной Поляны (хранится в его библиотеке), или доставленную ему Елпатьевским.

20 июня 1902 года, после выздоровления от брюшного тифа, Толстой ездил в третий раз в Алупку. Через несколько дней он уезжал из Крыма в Ясную Поляну и не захотел упустить случая побывать в Алупке, чтобы поглядеть Воронцовский дворец, что до сих пор ему не удавалось, но что могло кое-что дать для его работы.

Об этой поездке П. А. Буланже сообщает в статье «Как Л. Н. Толстой писал «Хаджи-Мурата»: «Мы отправились в Алупку и там осматривали дворец кн. Воронцова, Л. Н. с особенным вниманием останавливался на портретах Воронцовых и рассказывал разные подробности о Воронцовых, в особенности о жене Михаила Семеновича — гр. Браницкой. Его острый взгляд как бы запечатлевал все штрихи и оттенки глядевших из рам портретов лиц»⁹.

Намерение Толстого вернуться к работе над повестью поддерживалось в нем в течение всего его десятимесячного пребывания в Крыму. Крым с его южной природой, аулами, с его восточными обычаями живо напоминал ему Кавказ, горцев, и прежде всего Хаджи-Мурата.

Другим обстоятельством являлись его частые встречи с Елпатьевским, рассказывавшим ему о Кавказе и Хаджи-Мурате.

Третьим обстоятельством было то, что идея борьбы теперь была дорога ему, может быть, еще больше, чем раньше. В письмах к П. А. Буланже он писал из Крыма: «...всякие условия могут быть побеждены...» (11 апреля 1902 г.). «...можете победить и можете быть побеждены. Старайтесь, чтобы было первое...» (16 апреля 1902 г.)¹⁰. Но он призывал к борьбе не только в личной жизни, а и в общественной. В те дни он писал статью «К рабочему народу», в которой говорил: «ясно... что если у крестьянина, всю жизнь работавшего и работающего, нет достаточно хлеба, потому что не на чем посеять его, нет молока детям и старым, потому что нет пастбища, нет своего прута леса, чтобы починить гнилую избу и протопить ее, а рядом с ним неработающий помещик, живя в своей огромной усадьбе, кормит щенят

* П. Н. Ге-младший.

молоком, строит беседки и конюшни с зеркальными стеклами, на десятках тысяч десятин земли разводит овец, леса, парки, проживает и проедает в неделю то, что прокормило бы целый год соседнюю голодающую деревню, то, что такое устройство жизни не должно быть... Земельная собственность неизбежно должна уничтожиться...» «Она отнимется от тех, кто теперь ею владеет, и станет, как и должна быть, общим достоянием...» «Земля есть главный предмет борьбы... Из-за этого должны бороться в парламентах депутаты рабочих, это должна проповедовать пресса, стоящая на стороне рабочих, к этому должны готовиться сами фабричные рабочие»¹¹. Эти призывы к борьбе необычны в публицистических статьях Толстого и характерны для его настроения того времени.

Четвертой причиной являлось то жизнеутверждающее начало, которым проникнута повесть «Хаджи-Мурат». Особенно ярко это жизнеутверждающее начало выражено в характеристике молодого Бутлера¹²: он «радовался тому, что он живет, и живет именно он, и на этом прекрасном свете». Подобное чувство охватывало теперь и старого Толстого, выздоравливавшего от долгих томительных болезней. В Дневнике своем он восклицал: «Жизнь, какая бы ни была, есть благо, выше которого нет никакого» (21 марта 1902 г.)¹³. «Теперь плоть... забирает свои права»,— писал он о себе Е. В. Оболенской 15 марта 1902 г.¹⁴ «Мое здоровье улучшается, но я не верю этому, чтоб не привязаться опять к жизни»,— писал он дочери Марье Львовне 28 мая 1902 года¹⁵.

Но «плоть» все более и более «забирала свои права», и он все более и более «привязывался к жизни». В. Г. Короленко, посетивший его в те дни, был поражен, насколько он, при его еще большой физической слабости, был уже полон жизни и интересов. «Удивительный старик! Тело умирает, а ум горит пламенем»,— восклицал Короленко в письме к Ф. Д. Батюшкову¹⁶. При врожденной потребности Толстого проявлять в литературной форме все сильно им чувствуемое, ему и надо было теперь выразить свою радость возвращения к жизни. А «Хаджи-Мурат» был наиболее подходящим для этого способом.

Пятую причину составляло отсутствие в то время у него художественной работы, что всегда влияло на него морально. Однажды он признавался П. И. Бирюкову: «Когда не было художественной работы, я по ней скучал...» (1 августа 1899 г.)¹⁷

Шестая причина лежала в его привычке доводить любую работу до конца. Мы уже видели, как несколько раз он упорно желал окончить «Хаджи-Мурата».

Седьмая причина заключалась в его чувстве неудовлетворенности, томления при неосуществлении того или иного давно вынашивавшегося замысла. По поводу статьи о Шекспире он писал 9 октября 1903 года В. В. Стасову: «...мне нужно было высказать то, что сидело во мне полстолетия»¹⁸. Ему нужно было теперь и в «Хаджи-Мурате» высказать то, что тоже «полстолетия сидело» в нем,— идею борьбы.

В Ясную Поляну Толстой вернулся из Крыма 27 июня 1902 года. Первые два дня писал статью «К рабочему народу» и сообщал брату: «Я теперь пишу обращение к рабочему народу... Когда кончу, хочу кончить рассказ о Хаджи-Мурате. Это баловство и глупость, но начато и хочется кончить...» (29 июня 1902 г.)¹⁹

«Хаджи-Мурат» для него «баловство и глупость», в сравнении с только что написанными статьями: «Что такое религия», «Письмо к царю» и «К рабочему народу». О последних он говорил: «Приписываю... большую важность» этому писанию (письмо к В. Г. Черткову, 6 ноября 1901 г.)²⁰, «...работу же считаю себя обязанным сделать» (И. М. Трегубову, 2 декабря 1901 г.)²¹, «написал это письмо (царю.— А. С.), не желая умереть, не высказав того, что думаю об его деятельности...» (к вел. кн. Ник. Мих., 5 января 1902 г.)²². В «Хаджи-Мурате» не затрагивались столь серьезные вопросы жизни, как в этих статьях.

Но несмотря на то что «Хаджи-Мурат» «баловство и глупость», Толстому во что бы то ни стало «хочется кончить» повесть. Как раз в те дни к нему обратился его немецкий биограф Р. Левенфельд с вопросом, будет ли напечатана его пьеса «Живой труп», Толстой отвечал: «Драма «Труп» только набросана мною вчерне, и я едва ли скоро или когда-нибудь возьмусь за нее, так как все еще слаб от болезни, а сделать более важного и нужного хочется еще много. *Arg longa, a vita, особенно в 74 года, очень brevis **» (15 июля 1902 г.)²³.

Но для «Хаджи-Мурата» Толстой делает исключение, потому что это произведение не одно лишь «баловство», а несомненно выражает особенно ценимую им идею борьбы.

* Искусство обширно — жизнь коротка (лат.).

Глава XI

РЕДАКЦИЯ ДЕВЯТАЯ

(август 1902 г.)

Статью «К рабочему народу» Толстой закончил 22 июля 1902 года. Через два дня после ее окончания (24 июля 1902 г.) он записал в «Настольном календаре»: «Пересмотрел весь Хаджи-Мурат»¹. Толстой остался неудовлетворенным прочитанным. 25 июля он отметил в «Настольном календаре»: «Начал Хаджи-Мурата с его рождения ...пересмотрел старое. Много годного»². Только что написанное начало он откидывает. Для описания жизни Хаджи-Мурата берет выпущенную когда-то из третьей редакции (1897 г.) главу, начинавшуюся словами: «Хаджи-Мурат родился в 1812 г. в небольшом аварском семействе Гаджиевых». К этой главе присоединяется отрывок из редакции шестой (1898 г.), в котором говорится о страстной любви матери к Хаджи-Мурату-ребенку и о его детской привязанности к ней. После этого пишется новая сцена: знакомство пятнадцатилетнего Хаджи-Мурата с мюридами. Хаджи-Мурат приходит к деду, слышит от него проповедь мюрида о хазавате, это производит переворот в его душе, он хочет бежать в горы. Написано по «Воспоминаниям Муталима», опубликованным в «Сборнике сведений о кавказских горах».

Через два дня Толстой отказывается и от этого начала и пишет новое, третье. 27 июля 1902 года в «Настольном календаре» отмечено: «Работаю охотно Хаджи-Мурата — все сначала»³. Одновременно пишется короткая вступительная глава о царской политике на Кавказе с приведением фактов из книги Зиссермана «История 80-го пехотного Кабардинского полка» (т. II, с. 327—332) и из «Записок Н. Н. Муравьева-Карского» («Русский архив», 1899, кн. 1, с. 575). Глава в последующие дни сильно разрастается. Толстой много и упорно работает над нею, но в конце концов отказывается и от нее по тем соображениям, что она — отклонение в сторону и не отвечает его основному художественному замыслу. Глава эта выкидывается, Толстой продолжает писать историю ранней жизни Хаджи-Мурата.

Бежавшего в горы пятнадцатилетнего Хаджи-Мурата ловят с его товарищами (тоже написано по «Воспоминаниям Муталима»), приводят к правительнице-ханше для наказания. Дочь ханши, красавица Салтанет, уговаривает

ханшу простить Хаджи-Мурата. Его берут в ханский дворец. Жизнь в роскоши и увеселениях в ханском дворце отвлекает Хаджи-Мурата от учения мюридов, и теперь он не намерен противиться русским, а признает себя им подвластным.

Дальнейший текст написан по историческим источникам. Гамзат-бек грозит овладеть родиной Хаджи-Мурата Аварией, двадцатилетний Хаджи-Мурат вместе с Омар-ханом едет в Тифлис к русским просить помощи для борьбы с Гамзат-беком. Русские отказывают им в помощи, и Гамзат-бек овладевает Аварией, захватывая в плен всех ханов. Хаджи-Мурат не попадает в его руки и вместе со своим братом убивает Гамзат-бека в мечети. После этого народ Аварии избирает Хаджи-Мурата своим правителем. Русские власти признают его, но затем по ложному доносу подозревают его в неверности. Его арестовывают, ведут на допрос, он по пути бросается с обрыва, разбивается, выздоравливает и, изменив русским, присоединяется к Шамилю.

Эта девятая по счёту редакция существенно отличается по своей форме и композиции от всех предыдущих редакций. Она не является обычным художественным произведением с сюжетной линией и сценами, а представляет собою биографию Хаджи-Мурата с перечислением основных событий из его жизни. Такого рода работа не могла, естественно, удовлетворить Толстого, но сначала он писал ее успешно и даже, как отметил 27 июля 1902 года, «охотно»⁴; в течение недели им было написано около десяти глав. Увлечение такой работой не могло, однако, быть продолжительным. 29 июля 1902 года Толстой уже отмечал: «работаю неохотно», 30 июля: «Пишу неохотно — стыдно»⁵ («стыдно» больше всего, как увидим, за неудачную форму).

А. Б. Гольденвейзер, находившийся в те дни в Ясной Поляне, сообщает: «По поводу того, что Лев Николаевич пишет сейчас «Хаджи-Мурата», он сказал: «Я помню давно уж, мне кто-то подарил очень удобный дорожный подсвечник. Когда я показал этот подсвечник яснополянскому столу, он посмотрел, посмотрел, потом вздохнул и сказал: «Это все младость!» Вот и эта моя теперь работа, это все младость!»⁶ Брату Сергею Николаевичу 30 июля 1902 года Толстой писал: «Я теперь занят писанием кавказской истории. И это мне стыдно. И я, кажется, брошу»⁷.

Тем не менее работа продолжалась. 1 августа в «Настольном календаре» отмечено: «Плохо писал. Совесть писать пустяки»⁸. А на другой день Толстой совсем бросает

работу, будучи ею окончательно неудовлетворен. 2 августа 1902 года отмечено: «Ничего не писал»; 3 августа также: «Ничего не писал»; 4 августа: «Ничего не пишу...»; 5 августа: «Ничего не писал»⁹.

Навестившему его в эти дни Х. Н. Абрикосову он сказал: «Перечел все варианты повести, все, что было раньше написано и все, что написал теперь. «Вел, вел и запутался». «И не знаю, что лучше: то ли, что написано раньше было, или то, что написал теперь. Раньше повесть была написана как бы автобиография, теперь написана объективно. И та и другая имеет свои преимущества»¹⁰. «Автобиографией» Толстой назвал предыдущую редакцию: «Воспоминания старого военного». После этого к девятой редакции повести Толстой больше не приступал.

Глава XII

ПРОЛОГ И НАЧАЛО ДЕСЯТОЙ РЕДАКЦИИ

(август 1902 г.)

Как пять лет назад (в ноябре 1897 г.) Толстому было «совестно» писать «Хаджи-Мурата» не только из-за темы, но и из-за своего неуспеха в работе, так и теперь. И он не намерен бросать работы. Напротив, все четыре дня, что он не писал, он упорно и неустанно обдумывает новый план произведения. В Дневнике от 5 августа 1902 года отмечает: «Разстрялся * мыслями о Хаджи-Мурате. Теперь, кажется, уяснил»¹.

Того же 5 августа 1902 года в письме к В. Г. Черткову Толстой говорит: «Вам не работается, и мне тоже четыре последние дня. Писал «Хаджи-Мурата», но стало совестно, а между тем надо кончить»².

Брату две недели назад Толстой писал нерешительно: «Хочется кончить», Черткову теперь говорит уже категорично: «Надо кончить», то есть во что бы то ни стало осуществить свой замысел. В течение того времени, что он не писал, в его творческом сознании не переставая происходил тот процесс, о котором он когда-то говорил: «Обдумать и пере-думать все, что может случиться со всеми будущими людьми предстоящего сочинения ...и обдумать миллионы возмож-

* «Разстряться» — по терминологии Толстого — «запутаться», «застрять».

ных сочетаний, для того, чтобы выбрать из них одну миллионную, ужасно трудно» (письмо А. А. Фету 17 ноября 1870 г.)³.

6 августа он приступает к новой работе. В этот день отмечено в «Настольном календаре»: «Писал сначала «Хаджи-Мурата»⁴.

Толстой пользуется для своей работы, как материалом, старыми вариантами «Хаджи-Мурата». Еще в 1899 году Татьяна Львовна на только что появившейся тогда пишущей машинке переписала в одну общую тетрадь в 137 страниц следующие варианты «Хаджи-Мурата»:

- 1) Пролог из редакции первой (1896 г.).
- 2) Редакцию вторую (1897 г.), полностью.
- 3) Редакцию третью (1897—1898 гг.), полностью.
- 4) Выпущенную из редакции третьей главу II.
- 5) Часть текста редакции первой («Репей») от слов: «Вспоминал он про бал, на котором присутствовал» до слов: «Сафедин вздрогнул и злобно улыбнулся, оскалив зубы.— Все будет. Завтра».

6) Одну страницу из редакции шестой (1898 г.) от слов: «Два раза в своей жизни Хаджи-Мурат изменял хазавату и вот теперь изменил ему в третий раз» до слов: «И теперь должно было разрешиться тем же».

7) Часть редакции первой, начало: «Он представил себе то, что было им пережито», конец: «Ана, Ана,— проговорил Хаджи-Мурат, упал навзничь и уже не двинулся».

8) Прибавку к заключительной сцене первой редакции для «Хазавата», начало: «Тогда Ахмет-хан подбежал, наступил на шею Хаджи-Мурата», конец: «И он погиб».

Эти отрывки и «Воспоминания старого военного» легли теперь в основу новой работы.

Из редакции второй была вынута страница, начинавшаяся словами: «Хаджи-Мурат был один из искуснейших и храбрейших и потому опаснейших для русских наивов Шамиля». По этой странице развито описание прежних военных подвигов Хаджи-Мурата. Но как и прежде, такое начало Толстого не удовлетворило. Он отбрасывает его, на другой день пишет новое. В «Настольном календаре» 7 августа 1902 года отмечено: «Писал опять сначала Хаджи-Мурата»⁵.

Теперь был использован маленький, откинутый когда-то набросок из редакции второй — сцена вечера в ауле. Но к ней Толстой пишет небольшое вступление, начинающееся словами: «Это было на Кавказе в 50-х годах...» Непосредст-

венно после этого вступления рассказывается, как муэдзин прокричал на верхушке мечети свою молитву, старики, беедая, сидели на бревнах и камнях, женщины шли из-под горы от фонтана с кувшинами воды на плечах, по аулу стелился дым от тлевшего навоза, и в этот момент Хаджи-Мурат с четырьмя нукерами въезжали в аул. К этой сцене присоединяется отрывок редакции второй о выходе солдат в «секрет».

Рукопись от 7 августа почти без помарок — признак того, что писалась с творческим подъемом. Но и этой своею работой Толстой остался недоволен, записав 8 августа 1902 года в «Настольном календаре»: «Писал плохо»⁶.

В эти дни в Ясную Поляну приехал Эйльмер Моод — английский переводчик сочинений Толстого с целью собирания материалов для задуманной им биографии Толстого. В числе вопросов, заданных им Толстому, был вопрос о судьбе его неоконченных художественных произведений: «Живой труп», «Отец Сергей», «Хаджи-Мурат»⁷. Толстой решительно ответил ему, что эти произведения не будут напечатаны при его жизни из-за того, что потребовали бы от него слишком много труда для своей окончательной обработки.

Чувствуя себя свободным от забот, связанных с печатанием «Хаджи-Мурата», Толстой принимается за работу с удесятеренной энергией. Впервые в «Настольном календаре» отмечено: «Писал порядочно» (10 августа)⁸.

Вступительная часть о прошлой жизни Хаджи-Мурата расширяется, она начиналась словами: «Героем этой повести был один из наибов (генерал-губернаторов) Шамиля...» Это вступление переделывается семь раз и превращается в отдельную первую главу. Главой II становится сцена «солдаты в секрете», главой III «въезд Хаджи-Мурата в аул». Затем производится перетасовка. Сцена въезда в аул делается главой II, «солдаты в секрете» — главой III. Затем глава I (о прошлой жизни Хаджи-Мурата), несмотря на громадный труд, затраченный на нее, совсем выкидывается. После многочисленных попыток в течение ряда лет дать в начале произведения общую характеристику героя кратким изложением истории его жизни, Толстой теперь окончательно отказывается от этой мысли.

Ни в одном произведении он предварительно не сообщает о прошлой жизни своих героев, а вводит читателя в настоящую жизнь героев, показывая их действия и чувства

в данную минуту. В «Хаджи-Мурате» он хотел отступить от этой своей обычной манеры, но из всех таких попыток ничего не вышло. И он начал произведение, как всегда: живой художественной сценой. Наконец-то начало произведения найдено.

С 1896 по 1902 год всего было написано 23 начала. Теперь окончательно главой I делается сцена въезда Хаджи-Мурата в аул. Впереди ее Толстой помещает Пролог в том виде, в каком он был впервые написан шесть лет назад. Пролог ставился им и перед каждой из предыдущих девяти редакций. Он считал Пролог неотъемлемой частью повести. Без Пролога повесть немыслима. Пролог — фон всего произведения, обрамление его, декларация чувства автора и идеи всего произведения. Пролог — образец высокой поэзии, придает всему произведению поэтическую сущность.

Пролог удовлетворял Толстого с самого начала не только своим содержанием, но также формой и тоном. Это — единственная часть произведения, не подвергавшаяся коренной переделке. Выпущены были только слова о репье, носившие личный характер: «Молодец! — подумал я, — и какое-то чувство бодрости, энергии, силы охватило меня. Так и надо! Так и надо!»

В первых же четырех фразах Пролога («Я возвращался домой полями. Была самая середина лета. Луга убрали, и только что собрались косить рожь. Есть прелестный подбор цветов этого времени года») не переставлялось ни одного слова в течение всех шести лет работы. В остальном тексте Пролога делались незначительные стилистические поправки. Это редкий случай. Обыкновенно при обработке своих произведений Толстой не оставлял нетронутым ни одного слова от первоначального текста. Как всегда, ему труднее всего далось начало произведения. Нелегко далось и первые строки этого начала. В главе I эти строки переделывались четыре-пять раз:

Первая фраза:

- 1) Было раннее осеннее утро.
- 2) Был ноябрьский холодный, но тихий вечер.
- 3) Был ясный ноябрьский вечер.
- 4) Был ноябрьский без снега светлый, холодный, ясный, тихий вечер.
- 5) В холодный, ясный ноябрьский вечер.

Вторая фраза:

1) По крутой каменной дороге... подъезжал Хаджи-Мурат с молодым аварцем Сафедином.

2) Хаджи-Мурат с Сафедином верхами на измученных лошадях въезжали в аул по крутой каменной дороге.

3) Хаджи-Мурат с Сафедином въезжал в аул. Дорога шла по крутому каменному подъему.

4) Хаджи-Мурат въезжал в курившийся душистым кизячным дымом чеченский немирной аул Махкет.

Столь же кропотливо Толстой работал и над последующими начальными строками этой главы.

Для главы I потребовалось большое изучение источников. Насколько это изучение было тщательно, можно судить по вложенным в каждый том «Сборника сведений о кавказских горцах» запискам, на которых по его поручению рукой Ю. И. Игумновой были отмечены в 1902 году сотни страниц с материалами для его работы.

Глава XIII

ОСНОВНОГО ТЕКСТА РЕДАКЦИИ ДЕСЯТОЙ

(август — сентябрь 1902 г.)

Последняя редакция повести составила из старых вариантов и новых текстов.

В основу главы II положен текст из второй редакции, в котором главным лицом является Кондицкий, «солдат из западного края». Он роет в земле ямку, в которую кладет табак для Панова, потерявшего трубку. В дальнейшем Кондицкий становится Кондаковым, потом Никитиным, наконец Авдеевым. Литературный прототип Авдеева — Платон Каратаев из «Войны и мира».

В основу главы III — «Вечер у молодого Воронцова» — положен также текст редакции второй (1897 г.).

Глава эта, как предыдущие две и как все последующие, не сразу заняла свое положение в произведении, а перекладывалась много раз. О перемещениях как этой главы, так и других можно судить по имеющимся на них пагинациям. Некоторые страницы пронумерованы до пятнадцати раз соответственно количеству их перекладываний. Эти перемещения указывают, что композиция произведения создавалась постепенно, в процессе работы, а не по заранее наме-

ченному плану. Своими прежними «конспектами» Толстой не пользовался при ее построении. Предварительные «конспекты» были нужны ему преимущественно для «уяснения» темы, образов. Общая же композиция произведения складывалась сама собою, постепенно. Композиция «Хаджи-Мурата» — обычная для Толстого, основанная на его реалистическом методе, на отражении действительной жизни. События у него не всегда чередуются в стройной, логической последовательности, а часто подобно тому, как в жизни, происходят вне видимой связи друг с другом. Вместе с тем это не мешает произведению быть проникнутым одной общей идеей, одним общим чувством.

Материалом для главы IV — «Хаджи-Мурат ночью в ауле перед выходом к русским» — послужила редакция вторая (1897 г.) и последняя часть начала повести, написанного 7 августа 1902 года. Толстой в этой главе много работал над образом шурина Хаджи-Мурата. В первом варианте он не искренен, внешне рад Хаджи-Мурату, а на самом деле желает, чтобы Хаджи-Мурат как можно скорее уехал. Затем он приобретает черты, которыми наделен в последней редакции и которые напоминают «кунака» Толстого в молодости, чьим именем «Садо» он теперь и назван. Об этом своем кунаке молодой Толстой писал (6 января 1852 г.): «Часто он мне доказывал свою преданность, подвергая себя разным опасностям для меня; у них это считается за ничто — это стало привычкой и удовольствием»¹. Таков и Садо в «Хаджи-Мурате».

Для главы V взят текст редакции второй (1897 г.). Сделаны многочисленные изменения, развита сцена падения срубленной чинары. Первоначально в главу должна была войти также сцена встречи Полторацкого с молодым Воронцовым перед выходом Хаджи-Мурата. Но затем к этой сцене прибавлена сцена выхода Хаджи-Мурата к Воронцову, и обе эти сцены выделены в особую VI главу. В эту же VI главу вводится барон Фрезе, товарищ Полторацкого, разжалованный офицер, для которого Полторацкий устраивает стычку с горцами, чтобы дать своему товарищу возможность отличиться. Прототипом Фрезе послужил барон Розен, тоже, как Фрезе, бывший кавалергард, разжалованный и сосланный на Кавказ. О Розене рассказывается в «Воспоминаниях» Полторацкого. Но Полторацкий не сообщает, что для Розена устраивалась стычка с горцами. Толстому по воспоминаниям молодости было известно, что это практиковалось на Кавказе. Теперь же его навели на

это и следующие строки Зиссермана: «Один раз была снаряжена маленькая экспедиция в ближайший неприятельский аул... Сочинена была собственно для того, чтобы предоставить приехавшему в отряд адъютанту главнокомандующего Клавдию Ермолову (сыну Алексея Петровича) случай получить награду...»²

В редакции второй солдат Никитин погибал от падения срубленной чинары, теперь в главе VI Авдеев погибает от случайной пули горцев. В главу VI же введены пять мюридов Хаджи-Мурата: Балта, Муртазил, Курбан-Магомет, Сафедин, Гончаго. Эти имена взяты из «Сборника сведений о кавказских горцах». Глава VI перерабатывалась пять раз. Она была сначала самостоятельна, но затем соединяется с предыдущей V главой. Вследствие этого следующая глава VII должна была считаться VI, но переписчица не внесла соответствующего исправления нумерации, почему все остальные главы имеют на один номер больше, чем следовало бы. Нам приходится придерживаться в дальнейшем этой неправильной нумерации, согласно авторской рукописи.

Для главы VII — «прием Марьей Васильевной Хаджи-Мурата и столкновение молодого Воронцова с Меллер-Закомельским» — взят текст редакции второй. Глава переделывалась два раза.

В начале своей работы в первой половине августа 1902 года Толстой говорил Х. Н. Абрикосову: «Писание может быть двух родов: или риторическое или чисто художественное, потому все новые романы, как Золя, нехороши; «Воскресение», в котором есть или чисто художественные места, которые хороши, или риторические, которые в отдельности тоже хороши, но переход от одной формы к другой нехорош. Конечно, и в чисто художественной форме будет отражаться мировоззрение автора»³.

Этот вывод важен Толстому в двух отношениях: во-первых, как художественный метод, благодаря которому он выкидывал из повести все «риторическое», и во-вторых, теперь Толстой мог не «стыдиться» своей работы, не считать ее «глупостью» и «баловством». Если в чисто художественном произведении автор невольно выражает свое мировоззрение, то, стало быть, это произойдет и в «Хаджи-Мурате». Следовательно, произведение не будет безыдейно и принесет известную пользу.

Глава VIII — «Смерть Авдеева» — написана впервые, переделывалась три раза.

Глава IX — «Семейные Авдеева на молотье» — написана впервые, в один прием, в дальнейшем не подвергалась исправлениям. Это редкий для Толстого случай, объясняется его глубоким знанием предмета — крестьян и их быта — вплоть до мельчайших подробностей, как, например, то, что «веретья были аккуратно зашпилены деревянными шпильками».

Эти две главы (VIII и IX) наименее органически связаны с основным сюжетом, но они не вызывали у Толстого никакого сомнения в своей уместности и ни разу не выкидывались, очевидно, потому, что делают произведение более жизненным, содействуют спокойно-эпическому тону его и вместе с тем представляют собой фон, на котором ярче становятся остальные сцены.

10 августа 1902 года в Ясную Поляну приехал В. В. Стасов. Сохранилась записка, в этот день переданная ему Толстым, с перечислением материалов, которые Толстой просил Стасова выслать ему из Публичной библиотеки:

- «1) Историю Николая.
- 2) Камер-фурьерский журнал.
- 3) Биографию Воронцова
(Все в 1852 г.)
- 4) Если можно, донесение-письмо Воронцова Чернышеву (по-французски).
- 5) Карту подробную Чечни и Дагестана»⁴.

10 августа 1902 года, когда был составлен этот перечень материалов, глава о Николае I еще не была написана, но по списку видно, что Толстой уже наметил ее.

По поводу материалов для главы о Николае I Толстой обращался в это время и к другим лицам: 13 августа 1902 года П. А. Буланже писал Толстому: «Надеюсь, Вы получили книги из Румянцевского музея, которые я, для ускорения, отправил Вам через начальника станции. Гоф-фурьерских журналов нет за то время, которое Вас интересует, они есть только до 1814 г.»⁵.

О ходе своей работы в этот период Толстой делал краткие отметки в «Настольном календаре» — 14 августа: «Немного дурно писал», 15 августа: «Писал недурно, но мало», 16 августа: «Писал порядочно...»⁶.

При свойственной Толстому скупости в самоодобрениях упоминания о том, что он «писал недурно», «писал порядочно», свидетельствуют, что работа шла успешно и полностью удовлетворяла его. Он теперь не отмечает, что ему

«совестно», что Хаджи-Мурат лишь «глупость» и «баловство», а всецело был увлечен работой и не рассуждает об идейном ее значении.

В основу главы X — «М. С. Воронцов, наместник Кавказа» — положен текст редакции третьей (1897 г.) с дополнительным введением в нее рассказа генерала о «сухарной экспедиции».

Образ Воронцова в процессе работы видоизменялся. Сначала он представлен положительным, затем все больше и больше наделяется отрицательными чертами.

Глава XI — «Прием Воронцовым Хаджи-Мурата» — новая глава. К тексту присоединена сцена посещения Хаджи-Муратом тифлисской оперы, перенесенная из третьей редакции (1897 г.). Исправлялась всего один раз.

Глава XII — «Рассказ Хаджи-Мурата Лорис-Меликову о своем прошлом». В основу положен текст редакции третьей, подвергшийся сильной переработке. Написана глава по книге Зиссермана «История 80-го пехотного Кабардинского полка» и «Записке» Лорис-Меликова, опубликованной в журнале «Русская старина» за 1881 г. в № 3. В этой главе Толстой особенно много работал над языком Хаджи-Мурата. Для этого Толстой не имел образца. В «Записке» Лорис-Меликова речь Хаджи-Мурата передана сухим канцелярским языком времен Николая I. Соответственно же представлению Толстого Хаджи-Мурат должен был говорить сжатым, сильным, образным языком. Толстой и создал этот язык. Так, Хаджи-Мурат говорит: «Мюрид мой, Элдар имя ему» (гл. I), «Хан-Магома — легкий человек», «Элдар молод, а тверд, железный» (гл. XIII). Сначала Хаджи-Мурат говорил: «он убьет мою жену, мать, детей» — потом «он убьет мою жену, убьет мать, убьет детей». Эти повторения делают его речь сильнее и типичнее. Хаджи-Мурат сначала говорил: «Хазават значит то, что мусульманин признает власть над собой только Аллаха и тех, кого поставил над ним Аллах. Если же он во власти неверных, то должен биться до тех пор, пока не умрет или не освободится». Затем это же самое говорит коротко: «Хазават значит то, что над тобой только Аллах. Ему повиноваться только, а неверным нельзя» (гл. XI, впоследствии вычеркнуто).

Хаджи-Мурат сначала говорил: «Мне бы надо было броситься на них, убить сколько бы удалось и умереть тут вместе с названными братьями. Но я был молод и на меня нашел страх и я убежал». Потом говорит: «Мне надо было умереть с названными братьями, но на меня нашел страх и

я убежал». Наконец еще короче: «На меня нашел страх и я убежал» (гл. XI).

Первоначально конец разговора Хаджи-Мурата с Лорис-Меликовым был пространен: «Хлопочи, старайся, все, что могу, тебе сделаю. Что мое, то твое, только помоги у князя. Я связан и конец веревки у Шамиля в руках.

— Так же, как тогда у солдата, с которым бросился под кручь,— сказал Лорис-Меликов.

— Айя,— подтвердил Хаджи-Мурат,— только тогда я убил солдата и спасся сам.

— И теперь можно броситься под кручь,— улыбаясь сказал Лорис-Меликов.

— Но теперь я погибну один, а не погублю Шамиля. А мне его нужно,— сказал Хаджи-Мурат, грозно нахмурирая брови».

От всего этого текста осталась только одна фраза: «Хлопочи, старайся. Что мое, то твое, только помоги у князя. Я связан и конец веревки в руках у Шамиля».

Делая язык Хаджи-Мурата предельно лаконичным и ярким, Толстой вместе с тем старался придать ему тон спокойствия и достоинства. Все, что могло быть похоже на хвастливость, насмешку, мелкую злобу, выкидывалось.

«Я знаю, что погибну, если попаду в Шуру, решил умереть, на середине пути дорога была узкая. Я, как ястреб, поджавший крылья, прыгнул вниз в пропасть»,— говорил Хаджи-Мурат. Слова «как ястреб» хвастливы. Они выбрасываются, Хаджи-Мурат говорит: «...когда поравнялись с кручью, я прыгнул в нее. Все равно пропадать.

— Как, сам прыгнул в пропасть?

— Айя,— с очевидным удовольствием, вспоминая эту минуту, сказал Хаджи-Мурат.— Прыгнул с солдатом совсем,— и он слегка улыбнулся». Здесь тоже хвастовство. Оно выкидывается, и Хаджи-Мурат говорит: «...Я перешел от солдата направо, на край кручи. Солдат хотел остановить меня, но я прыгнул под кручь и потащил за собой солдата».

Вычеркивает Толстой и слова Хаджи-Мурата, выражающие злобу: «Гамзат был лисица, а Шамиль лисий хвост».

После упорной работы над языком Хаджи-Мурата Толстой в конце концов настолько усвоил его себе, что в последних рукописях излагает речь Хаджи-Мурата сразу без последующих исправлений.

Признав неудачным изложение истории прошлой жизни героя в третьем лице от автора, Толстой продолжал считать

необходимым ее сохранение для обогащения характеристики Хаджи-Мурата. Однако теперь она не является введением в произведение, а переносится в его середину и логически вытекает из всего предыдущего. К тому же рассказ Хаджи-Мурата, ведущийся на его колоритном сильном языке, еще больше раскрывает его образ. Нужен этот рассказ и в интересах композиции, как связующее звено предыдущих глав с последующими.

Глава XIII первоначально заключала вторую часть рассказа Хаджи-Мурата, но теперь ее содержание составляет беседа Лорис-Меликова с нукерами.

В главе XIII показана обстановка Хаджи-Мурата и его нукеры. Она необходима в художественном отношении, а также для того, чтобы прервать рассказ Хаджи-Мурата, который иначе был бы слишком длинен.

Глава XIV содержит конец истории жизни Хаджи-Мурата. В основу ее положен текст третьей рукописи, сильно измененный.

Глава XV содержит письмо Воронцова к Чернышеву, перенесенное из редакции третьей и взятое в переводе Зиссермана. Толстой в записке к В. В. Стасову от 10 августа 1902 года и позже в письме к П. И. Бартеневу от 11 сентября 1902 года просил найти для него это письмо во французском подлиннике, очевидно с целью помещения его в повести по-французски, как характерное для сановников эпохи Николая I. Но ни Стасов, ни Бартенев не смогли достать французского подлинника письма. Если бы был жив Зиссерман, то, конечно, он достал бы его, и письмо было бы приведено в повести по-французски.

Глава XVI — «Николай I» — новая глава. Чернышев приезжает с докладом в Зимний дворец. У Николая усталый вид после любовного свидания со шведкой. Он прерывает доклад Чернышева о Хаджи-Мурате, чтобы предаться своему духовному «наитию». Еще до прихода он посредством этого «наития» решил дело о студенте, присудив его к двенадцати тысячам шпицрутенов. Посредством этого же «наития» он решил и дело о перечислении двух миллионов крестьян из государственных в удельные, то есть в свою собственность, теперь с помощью этого же «наития» решает судьбу Хаджи-Мурата, приказав Чернышеву ничего не писать Воронцову о Хаджи-Мурате, а только напомнить о необходимости более частых набегов на горцев. Глава переделывается три раза.

В «Настольном календаре» от 17 августа 1902 года по

поводу нее отмечено: «Плохо работал. Опять разстрелялся», 19 августа: «писал плохо и мало», 20 августа: «очень дурно писал»⁷. Неудовлетворенность работою происходила по причине недостаточного знания предмета, о котором он теперь писал. В письме к великому князю Николаю Михайловичу от 20 августа 1902 года он и просит достать новые материалы о Николае I. «...я занят окончанием давно начатого и все разрастающегося одного эпизода из кавказской истории 1851—52 годов. Не можете ли Вы помочь мне, указав, где я мог бы найти переписку Николая I и Чернышева с Воронцовым за эти годы, так же как и надписи Николая I на докладах и донесениях, касающихся Кавказа этих годов?»⁸. В ожидании получения этих материалов Толстой прерывает работу над главой о Николае I и переходит к следующим главам.

В «Настольном календаре» от 21 августа 1902 года написано: «Очень много писал»⁹. С большим творческим подъемом Толстой работал и в последующие дни. 23 августа 1902 года О. К. Толстая сообщила А. К. Чертковой: «Лев Николаевич работал до 3-х часов дня»¹⁰. Садился Толстой за работу часов в 9 утра. Следовательно, писал 6 часов подряд.

Для новой главы XVII — «Выход отряда в набег» — использована часть текста редакции восьмой («Воспоминания старого военного»). Но теперь автор, от имени которого велись воспоминания, становится Гороховым, затем Бутлером.

Образ Бутлера сложился не сразу. Сначала он идеализирован, отношения его к Марье Дмитриевне чисты и поэтичны. Толстой сравнивал их с отношениями Гринева к Маше в «Капитанской дочке» Пушкина. Но такой образ был нетипичен для той кавказской офицерской среды, к которой принадлежал Бутлер. Поэтому Толстой, следуя своей реалистической манере, постепенно снижает образ Бутлера. «Он пил все больше и больше... Он уже не был прекрасным Иосифом по отношению к Марье Дмитриевне, а напротив стал грубо ухаживать за ней» (гл. XXIV).

Начало главы XVI написано по книге Зиссермана «История 80-го пехотного Кабардинского полка» (т. III, с. 79), где приводится рассказ офицера Власова о походе его роты: «Колонна двигалась, как всегда в неприятельской земле, тихо... Солдаты были молчаливы и сосредоточенны... Даже дикие кабаны и козы, выскакивавшие из кустов, не могли обратить внимание солдат... Морозное утро... мы должны

были двигаться по правому берегу Аргун... Черные горы виднелись вдали...»

По этому рассказу Власова со своими изменениями и художественными дополнениями Толстой писал: «Как всегда, отряд двигался по неприятельской земле, соблюдая возможную тишину... Один раз только тишина нарушилась тем, что... выскочила коза с белым брюшком и задом и серой спинкой и такой же козел с небольшими, на спину закинутыми рожками... Еще была зима... Позади была только что перейденная отрядом быстрая чистая речка... впереди — таинственные черные горы...

...Впереди пятой роты шел... Бутлер, испытывая бодрое чувство радости жизни и вместе с тем опасности смерти...»

Из этого примера видно, что Толстой иногда пользовался не только материалами историческими, этнографическими, фольклорными, но даже художественными. Заимствовал он иногда и отдельные выражения. Так, определение походки флигель-адъютанта в главе XV «Мягко ступая, так плавно, что полный стакан, поставленный ему на голову, не пролился бы» — взято им у Зиссермана¹¹.

Впоследствии при отделке главы XVII Толстой вставил фразу: «Ротный мохнатый, серый Трезорка, точно начальник, закрутив хвост, с озабоченным видом бежал перед этой ротой Бутлера...» Эта деталь вставлена для точного изображения реальной обстановки, так как Толстой вспомнил, что при всякой воинской части обыкновенно водились любимые всеми солдатами собаки.

Глава XVIII — «Разорение аула» — новая глава, написана по личным воспоминаниям. В Дневнике Толстого от 28 февраля 1852 года записано, что он участвовал в походе «17 и 18 числа»¹². И в его формулярном списке указано, что он состоял в отряде «17-го» при «истреблении аулов», «17-го и 25-го февраля 1853 г.» тоже участвовал в «разорении аулов»¹³.

Глава написана в один прием, без помарок — признак большого творческого подъема, объясняемого тем, что при писании этой главы Толстой был охвачен сильнейшим чувством сострадания к горцам.

Перечитывая эту главу, Толстой к словам «желание истребления их» (своих врагов.— А. С.) прибавил, что это желание у горцев было такое же, «как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков», оно «было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения».

В критической литературе о Толстом (В. П. Кранифельд,

Ю. И. Айхенвальд, Тахо-Годи, Б. М. Эйхенбаум, Н. К. Гудзий, В. С. Спиридонов) немало указывалось на то, что идейное содержание «Хаджи-Мурата» находится в явном противоречии с общим мировоззрением Толстого. Он-де — отрицатель насилия, выступает в этой повести апологетом насилия, рисуя Хаджи-Мурата в самых положительных красках.

Критики упустили из виду, что основная идея повести — не идея насилия, а идея борьбы, безотносительно к ее форме. Критики в доказательство своего положения должны были бы особенно сослаться на главу «Разорение аула», так как она могла бы служить примером наибольшего оправдания Толстым принципа насилия. Но и в этом случае они были бы неправы, ибо в данной главе Толстой выражает не свою личную точку зрения, а как художник-реалист точно передает психологию горцев, каковой она была.

Глава XIX — «Приезд Хаджи-Мурата в крепость к Ивану Матвеевичу и Марье Дмитриевне». В основу положен текст седьмой редакции. Переделывалась два раза.

Глава XX — «Шамиль». Новая глава. Сыну Хаджи-Мурата, во всех прежних вариантах называвшемуся Вали-Магома, теперь дано имя Юсуф. Исправлялась четыре раза. Главным материалом для главы послужила книга Е. А. Вердеревского.

В этой главе больше, чем в какой-либо другой, Толстой, как и в других своих произведениях, уделяет особенное внимание цвету. В описании въезда Шамиля в аул цвет предметов перечисляется десять раз: «белый конь», «красная ременная уздечка», «красный чепрак», «коричневая шуба», «черный мех», «черный ремень», «папаха с черной кистью», «белая чалма», «зеленые чувяки», «черные ноговицы».

Глава XXI — «Отъезд Хаджи-Мурата из крепости». В основу положен текст главы III редакции восьмой.

24 августа 1902 года. Толстой получил письмо от В. В. Стасова, писавшего, что сочинение Шильдера о Николае I, о котором Стасов, очевидно, рассказывал Толстому во время своего пребывания в Ясной Поляне две недели назад, еще не издано. Выписку же из «камер-фурьерских журналов», а также «Воронцовский архив», «Биографию Воронцова» и его переписку, а также кавказские карты Стасов обещал выслать в ближайшее время. Это были материалы преимущественно для главы о Николае I. Без них Толстой не мог возобновить работы над этой главой. Поэтому в ожидании материалов он не возвращался к ней, а продолжал другие части повести.

В «Настольном календаре» отмечено 25 августа 1902 года: «Плохо работал», 26 августа: «Хорошо писал», а 27 августа даже: «Писал очень хорошо две главы», 28 августа: «Порядочно работал»¹⁴.

28 августа 1902 года Толстому исполнилось семьдесят четыре года. Этот день был отмечен в газетах, как делалось ежегодно по установившейся традиции. В газете «Русские ведомости» в этот день сообщалось, что один «из друзей Льва Николаевича, недавно посетивший его в Ясной Поляне...» передает, что Толстой пишет повесть из времен покорения Кавказа и «теперь Лев Николаевич работает с таким же одушевлением и напряжением, как работал в самые цветущие в физическом отношении годы его жизни, как работал много лет тому назад, создавая первую свою повесть «Детство».

Слова «работает с таким же одушевлением и напряжением, как работал в самые цветущие в физическом отношении годы, как работал много лет тому назад, создавая первую свою повесть «Детство», несомненно были сказаны самим Толстым.

В период работы над «Войной и миром» Толстой писал: «...есть своего рода вершина, которой достигнув с трудом, уже нельзя остановиться и, не останавливаясь, катишься до конца дела» (письмо А. Е. Берсу, 3—4 ноября 1865 г.)¹⁵. До этой «вершины» Толстой дошел и теперь и находился в том же напряжении работы, про которое он говорил: «...когда возьмусь, то не оторвусь, пока не кончу» (письмо Черткову 3 декабря 1890 г.)¹⁶. Работа «поглощала» всего, «заставляя работать до одурения» (письмо Черткову 27 марта 1894 г.)¹⁷.

Пять лет назад во время работы над четвертой редакцией Толстой сказал П. А. Сергеенко: «Я все пишу... Я говорю серьезно, что все пишу. Спросите: не пишу ли я какого-нибудь рассказа? Пишу. Не пишу ли романа? Пишу и роман. А не думаю ли написать пьесу? И пьесу пишу»¹⁸. Тогда Толстой писал одновременно «Хаджи-Мурата», роман «Воскресение», пьесу «И свет во тьме светит» и статьи. Но одновременное писание нескольких произведений бывало возможно у него тогда, когда он лишь «примерялся» к той или другой работе, не будучи всецело занят ни одной из них, или когда исправлял уже законченные произведения. Когда же тема захватывала его целиком, то он весь отдавался ей одной и уже не в силах был отвлечься ничем другим, предаваясь творческой работе — этому, по его выра-

жению, «любимому делу, как пьяница»¹⁹. Так было и теперь.

Но 29 августа 1902 года Толстой отметил в «Настольном календаре»: «Писал мало. Поправлял начало»²⁰.

При исправлении главы I внимание Толстого было главным образом обращено на сокращение текста. Пространное описание наружности Хаджи-Мурата: он «был человек немного выше среднего роста, как все горцы, сухой, тонкий, не столько широкоплечий, сколько широкий от груди к стану, мускулистый, очень загорелый, с небольшой русой бородой» — выпускается. И подробности наружности Хаджи-Мурата даются постепенно, отдельно, при случае.

Ожидая из Тифлиса ответа от великого князя Николая Михайловича на свою просьбу о новых материалах о Николае I, Толстой в то же время через Буланже обратился к находившемуся в Москве своему близкому знакомому грузинскому писателю И. П. Накашидзе с аналогичной просьбой, и И. П. Накашидзе 20 августа 1902 года сообщал ему: «Был я в Румянцевском музее и там мы вместе с заведовавшим библиотекой пересматривали все, что есть о времени царствования Николая I и лично о нем. Все мелочи, разбросанные по разным книжкам «Русской старины», «Русского архива», «Исторического вестника» и т. д. Единственный цельный свод, это сочинение Lascoix, которое я вам прислал, к сожалению не пригодившееся вам. Мне посоветовали в Румянцевском музее, чтобы мы обратились в Петербургскую публичную библиотеку, что там может найтись больше материала, чем у них»²¹. Тогда же Накашидзе по поручению Толстого посетил в Москве редактора журнала «Русский архив» П. И. Бартенева, который в письме от 31 августа советовал Толстому «поглядеть в «Русской старине» «Записки барона Корфа», а в «Русском архиве» «Письма Булгакова» и в особенности в большой биографии Паскевича»²².

В главе XXII — «Проводы генерала Козловского» — сцена прощального обеда заимствована из «Воспоминаний» Полторацкого. Князь Барятинский описан по личным воспоминаниям. Толстой не раз встречался с ним в молодости. Упоминание о романе Барятинского с женой молодого Воронцова основано на толках, распространенных в 50-х годах²³ и известных Толстому в молодости.

Глава XXIII — «Хаджи-Мурат в Нухе». В основу положены тексты: выкинутый из редакции III главы отрывок от слов: «8 апреля 1852 г. вечером Хаджи-Мурат» до слов:

«больше всего томилла его» и двух мест из «Репья» от слов: «Вспоминал он про бал, на котором присутствовал» до слов: «Сафедин вздрогнул и злобно улыбнулся, оскалив зубы. Все будет.— Завтра» и от слов: «то ему живо представлялась его жена» до слов: «И какой ряд неудач». Песню о плененном соколе Толстой заимствовал из очерков своего брата Н. Н. Толстого «Охота на Кавказе»²⁴.

31 августа 1902 года Толстой писал В. Г. Черткову: «Я здоров и все пишу «Хаджи-Мурата», балуюсь. Довел до того же, до чего доведены «Отец Сергей» и др... Но хочется отделявать. А многое требуется более важное, как мне кажется»²⁵.

Опять «Хаджи-Мурат» представляется ему работой «не важной». В течение более двух недель он этого не говорил. Ему, напротив, казалось, что в «Хаджи-Мурате» отразится его мировоззрение и этим работа оправдана. Теперь он вновь сомневается в этом. Но захваченный работой, не только продолжает ее, а даже желает заняться ее «отделкой». «Отец Сергей» и другие его неоконченные произведения тоже требовали бы «отделки», но к ним он не собирается возвращаться, а «Хаджи-Мурата» хотел бы оставить после себя в наиболее совершенном виде.

Первого сентября 1902 года. Толстой записал в «Настольном календаре»: «Вчера поправил первую главу... Нынче поправил одну главу»²⁶.

В первых числах сентября 1902 года Толстой получил от В. В. Стасова книги, перечисленные в списке от 10 августа 1902 года, и С. А. Толстая писала В. В. Стасову 6 сентября: «Лев Николаевич книги получил и очень Вас благодарит... Пишет он своего Хаджи-Мурата с большой энергией и усидчивостью»²⁷.

7 сентября 1902 года Толстой был недоволен работой, отметив в «Настольном календаре»: «Писал плохо», но 8 сентября удовлетворен ею, записав: «Работал порядочно»²⁸.

10 сентября М. Л. Оболенская сообщала А. Б. Гольденвейзеру: «Хаджи-Мурат» растет, все лучшает и очень радует. Красоты удивительные»²⁹. М. Л. Оболенская обращает внимание лишь на художественные стороны повести, не касаясь ее идейного содержания. При особенной духовной близости М. Л. Оболенской к отцу можно думать, что она отчасти выражала мнение самого Толстого о том, что «Хаджи-Мурат» произведение преимущественно художественное.

Глава XXIV — «Хаджи-Мурат ночью перед побегом». В основу положены тексты: 1) из редакции шестой начало: «Два раза в своей жизни Хаджи-Мурат изменял хазавату», конец: «И теперь должно было разрешиться тем же»; 2) из «Репья» от слов: «В ночь его отъезда» до слов: «и лестные слова старого князя»; 3) песни о Гамзате из «Сборника сведений о кавказских горцах» (вып. I, разд. III); 4) песня «Высохнет земля на могиле моей» (там же, с. 27).

Песня о Гамзате была сначала приведена полностью и занимала несколько страниц, затем Толстой стал сокращать ее и в конце концов передал ее своими словами в несколько строк, чем достиг наибольшей силы выразительности.

Глава XXV — «Приезд Каменева с головой Хаджи-Мурата». В основу положен текст редакции восьмой (гл. V). Глава переделывалась четыре раза.

11 сентября 1902 года в «Настольном календаре» отмечено: «Писал конец — порядочно»³⁰.

В основу главы XXVI положена последняя часть «Репья» (от слов: «было разрешено Хаджи-Мурату кататься верхом», кончая словами: «Ана, Ана, — проговорил Хаджи-Мурат») и пять строк из прибавки к «Репью» 1901 года. Переделывалась шесть раз. Основным материалом для этой главы послужила книга Зиссермана «Двадцать пять лет на Кавказе». Особенно упорно Толстой работал над описанием подробностей предсмертных минут Хаджи-Мурата.

11 же и 12 сентября 1902 года Толстой написал по поводу «Хаджи-Мурата» четыре письма: два В. В. Стасову, одно великому князю Николаю Михайловичу и одно — П. И. Бартеневу³¹. Стасова в письме, написанном утром этого дня, Толстой благодарил за присланные книги, прося его выслать еще X том «Актов Кавказской археографической комиссии»; во втором письме к Стасову, писанном вечером того же дня, Толстой просил не высылать этих «Актов», так как великий князь Николай Михайлович, от которого он только что получил письмо, сообщает, что вышлет ему эту книгу. Великий князь писал Толстому о том, что в Тифлисе для него деятельно собираются материалы неким Е. Т. Вейденбаумом, лучшим знатоком кавказских архивов. Великий князь просил Толстого указать, по каким докладам и за какие годы ему требуются резолюции Николая I. Толстой тотчас ответил: «Очень благодарен вам, дорогой Николай Михайлович, за сообщенные мне сведения. Это больше того, что я ожидал, и я очень, очень буду

благодарен вам, если вы найдете возможным дать мне на время (короткое) доклады, донесения и резолюции государя, относящиеся к управлению Кавказом со времени назначения Воронцова и до 1852 года, а также и X том «Актов Кавказской археографической комиссии». Я бы бережно получил, прочел и возвратил их»³². П. И. Бартеневу Толстой писал: «Спасибо за письмецо, любезный Петр Иванович. Мне нужен Ник. Павл. 1852 г. и его отношения к Воронцову во время его наместничества на Кавказе. Нет ли этого в архиве Воронцова? У меня есть письмо Воронцова к Чернышеву о Хаджи-Мурате в русском переводе, а писаны они были на французском. Где бы их достать в оригинале?»³³

Вопреки предположению Толстого, отмеченному им в «Настольном календаре» от 11 сентября 1902 года, о том, что он писал «конец», работа продолжалась. 12 сентября отмечено: «Писал порядочно»; 14 сентября: «Писал очень хорошо». Удовлетворение работой не оставляет Толстого и дальше. 15 сентября отмечено: «Писал порядочно»; 18 сентября: «Писал порядочно. Кончил»; 19 сентября: «Писал порядочно, кончаю»³⁴. Наконец под рукописью ставится первая дата окончания «21 сентября 1902 г. Ясн. Пол.».

В этот день Н. Л. Оболенский сообщал В. Г. Черткову: «Лев Николаевич говорит, что окончил Хаджи-Мурата, и просит нас * заняться перепиской его, внимательно замечая то, что еще требует исправления»³⁵.

В период своей напряженной работы в августе — сентябре 1902 года Толстой не вел Дневник. «Полтора месяца не писал. Все время писал «Хаджи-Мурата», — отмечено им в Дневнике от 20 сентября 1902 года³⁶. Такой длительный перерыв в Дневнике составляет значительное для него явление, удивившее его самого. Он постоянно вел Дневник. У него обратилось в привычку отмечать в Дневнике события, свои душевные состояния, наблюдения, мысли. Дневник составлял необходимое условие его внутренней жизни. Полуторамесячный перерыв в Дневнике доказывает, что работа над «Хаджи-Муратом» захватывала его настолько, что вытесняла из его сознания все остальное. Когда же он стал заканчивать повесть и его творческое напряжение начало спадать, его вновь потянуло к Дневнику.

21 сентября 1902 года, в день окончания повести, он, однако, не дал Оболенским, как сказал им, для переписки

* Н. Л. Оболенского и его жену (дочь Толстого) Марию Львовну.

рукопись. 22 сентября он продолжал еще над нею работать. И в этот день в «Настольном календаре» отмечено: «Поправляя Хаджи-Мурата»³⁷.

22 сентября 1902 года Ясную Поляну посетил П. А. Сергеев. Толстой сказал ему, «...что кончил... «Хаджи-Мурата». П. А. Сергеев спросил: «Вы, конечно, говорите им что-нибудь?»—«Нет,— ответил Толстой,— представьте, меня увлекла чисто художественная сторона». «И, вспоминая что-то о своем «Хаджи-Мурате», просил меня сказать в Москве редактору «Русского архива» Бартеневу, чтобы прислал ему старые номера журнала, где есть о Ермолове и Воронцове... В «Хаджи-Мурате» выставлены Воронцов и Николай I. Эти главы только и могут представить затруднения для напечатания в России... Как он заботится о материалах для «Хаджи-Мурата»...»³⁸

П. А. Сергеев «Хаджи-Мурата» не читал, так что его слова о цензурном «затруднении» печатания глав о Николае I являются не его собственным предположением, а высказаны были самим Толстым. Это, однако, не указывает, что решение Толстого не обнародовать при своей жизни «Хаджи-Мурата» теперь поколебалось, а только то, что Толстой, имея в виду печатание «Хаджи-Мурата», вообще когда-либо при существовавших тогда в России цензурных условиях, сомневался в возможности опубликования упомянутых двух глав.

В записи П. А. Сергеев обращает на себя внимание его восклицание: «Как он (Толстой) заботится о материалах для «Хаджи-Мурата». Произведение было уже окончено, а Толстой все еще «заботился о материалах».

23 сентября 1902 г. Толстой отметил в Дневнике: «Все поправляя Хаджи-Мурата»³⁹. И в этот день работа была закончена. Она длилась 49 дней, с 6 августа по 23 сентября 1902 г., ни разу не прерываясь.

Эти 49 дней и являются периодом главной работы над повестью.

23 сентября 1902 г. Толстой, наконец, отдал Оболенским для переписки рукопись. «Хаджи-Мурат» уже много раз до этого переписывался и Оболенскими и другими семейными Толстого, его домашними врачами, попеременно жившими у него — Д. В. Никитиным и Г. М. Беркенгеймом, близкими знакомыми — Ю. И. Игумновой, М. А. Шмидт, А. Б. Гольденвейзером, М. А. Маклаковой, С. А. и М. А. Стаховичами — и разными случайными посетителями.

В напряженный сорокадевятидневный период работы

Толстого над «ладжи-муратом» тревожилась усиленная переписка ввиду особых творческих приемов Толстого. Произведение не писалось им сразу все целиком, как пишут некоторые писатели, а создавалось отдельными частями. Написанное в течение дня он отдавал в переписку. На следующий день это переделывалось, исправлялось, дополнялось. Если переделка бывала большая, текст переписывался весь заново, если незначительная, то из предыдущего переписывались лишь отдельные места. На третий день это вновь исправлялось, дополнялось, на четвертый, пятый, шестой день повторялось то же самое — до тех пор, пока Толстой не был вполне удовлетворен своей работой, после чего переходил к следующей части.

Из переписанных отдельных частей постепенно образовывалась общая рукопись. Когда произведение заканчивалось, общая рукопись просматривалась Толстым от начала до конца, вновь подвергалась правке, изменениям, дополнениям. После этого уже переписывалась вся целиком. Такая переписка теперь и предстояла Оболенским.

Глава XIV

СОБИРАНИЕ МАТЕРИАЛОВ О НИКОЛАЕ I

В ответ на письмо Толстого от 11 сентября 1902 года с просьбой прислать ему материалы о жизни и деятельности Николая I за 1852 год и его отношениях с Воронцовым, Бартенев в письме к Толстому от 18 сентября 1902 года сообщал, что такими материалами могли бы служить ему переписка Воронцова с Ермоловым, напечатанная в журнале «Русский архив» за 1888 и 1890 годы. Толстой 24 сентября 1902 года писал Бартеневу, что «Русского архива» за эти годы у него нет, и просил прислать ему журнал. «А что же вы,— спрашивал Толстой,— не ответили мне на вопрос о переименовании государственных крестьян в удельные?»¹. История обращения Николая I нескольких тысяч государственных крестьян в свою личную собственность крайне занимала Толстого, как яркий штрих корыстолюбия царя. Этот факт упоминается Толстым во всех вариантах главы о Николае. Но Бартенев не дал ему по этому поводу нужных сведений, а потому Толстой не смог впоследствии это более пространно развить.

По тому же вопросу Толстой обращался и к И. Ф. Наживину, который в недатированном письме к нему за сентябрь 1902 года советовал ему прочесть главы I и II из второго тома книги В. И. Семевского «Крестьянский вопрос в XVIII веке и первой половине XIX века»².

В тот же день 24 сентября 1902 года, когда Толстой отвечал Бартеневу, он писал и А. Н. Дунаеву о том, что «отложил до времени «Хаджи-Мурата», и просил его больше не заботиться об отыскании материалов³. Он отвечал на письмо Дунаева от 21 сентября 1902 года, в котором Дунаев извинялся, что не смог выслать Толстому относящихся к Николаю записок Чернышева и Бенкендорфа, их в Москве не оказалось ни у одного букиниста, но один знакомый Дунаева написал о них в Петербург и надеется, что там они будут приобретены.

Письма к Бартеневу и Дунаеву как будто противоречат одно другому. Бартенева Толстой просит прислать материалы, Дунаева, наоборот, убеждает не делать этого. Но противоречия между этими письмами нет. Дунаеву Толстой пишет, что «отложил» работу «до времени» и не отказывается от материалов, «если что попадется», лишь просит на поиски материалов не употреблять столько усилий, как это до сих пор делал Дунаев, а «главное платить деньги — не нужно». Толстому, по свойственному ему чувству деликатности, неприятно, что Дунаев тратит собственные средства на покупку для него дорогих книг.

26 сентября 1902 года Толстой отметил в Дневнике: «Оставил Хаджи-Мурата... а как будто хочется писать художественное»⁴. О потребности Толстого в те дни к художественной работе сказано и в его письме к дочери, Т. Л. Сухотиной, от 26 сентября 1902 года: «Я все это время писал «Хаджи-Мурата» и совестно было, а когда кончил, то захотелось продолжать художественную работу. Теперь я на распутье и сам не знаю, за что примусь»⁵.

В течение 49-дневного периода работы Толстой не говорил «совестно», как будто забыл это слово, теперь, отойдя от работы, почувствовал, что ему все же было «совестно». Тем не менее его продолжает тянуть к художественному творчеству и к «Хаджи-Мурату».

6 октября 1902 года Н. Л. Оболенский сообщал Чертковым: «Все это время мы переписывали и приводили в окончательный вид «Хаджи-Мурата», но думаю, что он далеко еще не кончен, тем более, что Лев Николаевич сам говорит,

что боится, что получив новые материалы, опять возьмется за него»⁶.

Слова Оболенского «приводили в окончательный вид» не означают, что он и Марья Львовна исправляли по-редакторски работу Толстого. Анализ переписанной ими рукописи этого не подтверждает. Оболенский лишь предполагал, что рукопись впервые переписывалась начисто вся целиком.

9 октября 1902 года Х. Н. Абрикосов писал Чертковым в Англию: «Хаджи-Мурата» он кончил и отложил в сторону, печатать при жизни не хочет. Вот бы вы ему написали и попросили бы его, чтобы он дал мне рукопись переписать для вас»⁷. Толстой в письме к В. Г. Черткову от 11 октября говорит о том же: «Кончил «Хаджи-Мурата», который в не-отделанном вполне виде отложил и при жизни не буду печатать»⁸.

14 октября 1902 года Толстой поручил Буланже переговорить в Москве с И. П. Накашидзе относительно организации выписки архивных дел в Тифлисе. В письме от 17 октября 1902 года И. П. Накашидзе писал Толстому: «Вчера Павел Александрович передал мне вашу просьбу рекомендовать кого-нибудь в Тифлисе, кто может прислать дело из архива. Пишу вам адрес моего приятеля». И в этом же письме Накашидзе сообщал: «Тут мы вам разыскали двух старичков, солдат — свидетелей войны с Шамилем. Если будет нужно, напишите, и они приедут к вам»⁹. Просьба Толстого к Накашидзе относительно снятия копий с материалов в Тифлисе была вызвана тем, что в записке Е. Г. Вейденбаума на имя великого князя Николая Михайловича, присланной последним Толстому при письме от 5 октября 1902 года, сказано, что «ни начальник окружного штаба, ни директор канцелярии главноначальствующего никогда не согласятся отправить к частному человеку несколько десятков, а может быть и сотен важнейших архивных дел», содержащих доклады и донесения Воронцова с резолюциями Николая I, и что от Толстого «зависит уполномочить кого-нибудь собрать необходимые сведения»¹⁰.

15 октября 1902 года Буланже писал Толстому: «Посылаю вам багажную квитанцию на книги, посланные Дунаевым» (журнал «Русская старина» за 10 лет.— А. С.)¹¹.

23 октября 1902 года в Ясной Поляне состоялось первое чтение вслух «Хаджи-Мурата», о чем упоминается в дневнике С. А. Толстой¹². Неизвестно, однако, читал ли вслух

повесть сам Толстой или кто-либо другой и происходил ли по этому поводу обмен мнений.

В письме к И. П. Накашидзе от 26 октября 1902 года Толстой благодарил его за указание способа получения из Тифлиса материалов, а «также за старых солдат»¹³.

Глава XV

«ПОДМАЛЕВКА»

В литературных кругах Москвы и Петербурга распространились слухи о том, что Толстой написал повесть «Хаджи-Мурат». Многие издатели стали обращаться к нему с предложениями напечатать ее. В связи с этим в газете «Русские ведомости» 28 октября 1902 года появилась заметка: «Нам сообщают, что Л. Н. Толстой ни с какими издательскими фирмами по поводу издания своего последнего произведения в соглашение не входил... В близких к Л. Н. Толстому кругах господствуют слухи, что маститый писатель решил вовсе не печатать своего последнего произведения при жизни».

Ссылка в заметке на «близкие к Л. Н. Толстому круги» дает основание предполагать, что она появилась с ведома Толстого. Возможно, что для прекращения обращений к себе издателей Толстой просил своих друзей, скорее всего Буланже или Накашидзе, связанных с редакцией «Русских ведомостей», напечатать такого рода заявление. Слова о том, что Толстой «решил вовсе не печатать своего произведения при жизни» вне всякого сомнения исходили от него самого. Но 2 ноября 1902 года М. Л. Оболенская сообщала А. Б. Гольденвейзеру: «Хаджи-Мурат» вернулся к отцу на стол»¹, что значило: переписка, длившаяся более месяца, 2 ноября была закончена и новая чистовая рукопись вручена Толстому, а он тотчас приступил к работе над нею.

Желание довести свое произведение до наивысшего совершенства было в нем так сильно, что он работал над рукописью Оболенских с небывалым увлечением. Повесть, заключающая шесть с половиной печатных листов, была исправлена вся целиком в течение трех дней. В нее было внесено множество вставок. Знакомясь с нею, поражаешься колоссальному труду и работоспособности 74-летнего Толстого. В конце рукописи проставлена рукою Ю. И. Игумновой новая дата: «5 ноября 1902 года».

Исправления в этот раз были особого рода. В первоначальный сорокадевятидневный период работы обрабатывалась каждая отдельная часть. Теперь работа состояла в придаче всему произведению общего вида. Было сделано то, о чем Толстой в период работы над «Анной Карениной» писал Н. Н. Страхову 13 февраля 1874 года: «Я не могу иначе нарисовать круга, как сведя его и потом поправляя неправильности при начале»².

Общий «круг» «Хаджи-Мурата» был начертан полтора месяца назад, а теперь устранялись все «неправильности».

В новом варианте повесть 10 ноября 1902 года вторично читалась вслух в Ясной Поляне приехавшим в этот день М. А. Стаховичем, художественный вкус которого Толстой ценил и мнение которого о своем произведении, вероятно, хотел узнать.

11 ноября 1902 года Толстой писал Т. Л. Сухотиной: «...кончил подмалевку Хаджи-Мурата, решив не печатать его при жизни»³.

Толстой не случайно в письме к дочери, когда-то учившейся в школе живописи и ваяния, употребляет термин художников «подмалевка», означающий в живописи черновую основу картины. Приемы работы Толстого по «Хаджи-Мурату» почти те же, что в живописи. Сначала наброски, эскизы, этюды, потом накладывание фона, тона, выписывание отдельных контуров, «подмалевка», после этого «отделка». Того же 11 ноября 1902 года в письме к Е. Е. Лазареву, советовавшему ему не отходить от художественной работы, Толстой, вновь приведя случай с крестьянином, назвавшим разбиравшийся дорожный подсвечник «младостью», писал: «А мне кажется, что все художественные работы — все только младость. Это в ответ на ваши увещания, которые мне лестны и приятны, поощряя меня к младости»⁴.

В этот же день в письме к великому князю Николаю Михайловичу Толстой запрашивал о все еще не полученном им X томе «Актов Кавказской археографической комиссии»⁵. Того же 11 ноября 1902 года Толстой занес в записную книжку детали, относящиеся к «Хаджи-Мурату»: «Наполеон не Наполеон, а Мюрат. Хаджи-Мурат. Сказал очень глупый, но чрезвычайно тонко льстивый грузин» (вставлена впоследствии в главу IX) и «Собака Хаджи-Мурата» (деталь в главе XXIII), («вспоминалась худая собака, лизавшая его лицо»)⁶.

В. Г. Чертков по совету Абрикосова, высказанному последним в письме к Черткову от 9 октября 1902 года, обратился к Толстому с просьбой прислать ему в Англию копию повести. Толстой отвечал ему 17 ноября 1902 года: «Хаджи-Мурата я оставил и, разумеется, рад дать списать его для вас (хотя, право, не стоит в теперешнем виде) с уговором не выпускать его из рук, даже и не давая чужим читать»⁷.

В письме к Д. Н. Сильчевскому от 17 ноября 1902 года Толстой писал: «Я имел уже все те материалы, о которых вы пишете, и воспользовался ими. Пожалуйста, не утруждайте свои больные глаза для меня, во-первых, потому, что моя работа не стоит ваших глаз, а во-вторых, потому, что я теперь отложил занятие над «Хаджи-Муратом» и работаю другое»⁸.

Письмо это являлось ответом на три письма к Толстому библиографа Д. Н. Сильчевского (23 октября, 4 и 8 ноября 1902 г.), в которых он писал, что, не считаясь с начинающейся слепотой, разыскал по просьбе В. В. Стасова сведения о Хаджи-Мурате и послал Толстому выписки из «Воспоминаний» В. А. Полторацкого («Исторический вестник», 1893, I, II), Записок Ключки фон Клюгенау («Русская старина», 1876, т. XVI), а также номер журнала «Русская старина» за 1881 год, с теми материалами, которые давно были известны Толстому⁹.

Толстой предполагал, что «оставил» и «отложил», как сообщал Черткову и Сильчевскому, «Хаджи-Мурата» на продолжительное время. Однако не прошло и недели, как он снова, по-видимому, неожиданно для самого себя, принялся за «Хаджи-Мурата». В «Настольном календаре» от 22 ноября 1902 года сказано: «Писал Хаджи-Мурата». Через пять дней, 27 ноября, опять: «Писал... Хаджи-Мурата немного». 29 ноября тоже: «Писал Хаджи-Мурата»¹⁰. В Дневнике же Толстого 30 ноября записано: «...взялся опять за Хаджи-Мурата и, должно быть, если буду жив, завтра кончу»¹¹. Теперь на рукописи рукою Ю. И. Игумновой была проставлена третья дата: «3 декабря 1902 года». В этот раз Толстой работал двенадцать дней. Он исправил ту рукопись, которую в письме к дочери Т. Л. Сухотиной от 11 ноября 1902 года назвал «подмалевкой». В нее было внесено громадное количество новых вставок и выпущено то, что Толстой считал лишним. Вся рукопись испещрена художественными и стилистическими поправками. Требовалась новая переписка, но в Ясной Поляне всегда экономили с перепиской. В полной мере Толстой никогда не удовлетво-

рялся перепиской своих произведений. Сейчас никого не оказалось, кто взял бы на себя труд вновь переписать рукопись целиком, как это сделали уехавшие Оболенские. Рукопись переписали частично. Листы, на которых было особенно много вставок и поправок, были переписаны, а листы, сравнительно мало исправленные, остались неперепи- санными. Из тех и других была составлена общая разно- шерстная рукопись.

В связи с работой над главою о Николае I, Толстой в письме к В. В. Стасову от 30 ноября 1902 года просил прислать ему: «...газеты за декабрь 1851- и январь 1852-го московские или петербургские или Правительственный ве- стник. Потом нельзя ли список всех министров и главных сановников в 1852-м году (календарь). А еще нельзя ли какую-нибудь историю Николая I»¹².

Метод изучения Толстым исторической эпохи тот же, что и сорок лет назад, в период работы над «Войной и миром». Он и тогда, помимо чтения огромного количества литерату- ры, изучал газеты того времени.

Глава XVI

НОВЫЕ ПОИСКИ МАТЕРИАЛОВ

В первых числах декабря 1902 года Толстой получил письмо от В. В. Стасова, писавшего о том, что по просьбе Толстого он отправляет ему: 1) газету «Московские ведомо- сти» 1851 г.; 2) книгу Устрялова «История Николая I»; 3) Адрес-календарь 1851 г. и 1852 г.; 4) газету «Московские ведомости» 1852 г.; 5) газету «Северная пчела» 1856 г.; 6) Lacroix, La vie d'empereur Nicolas I¹.

Эти материалы Толстой не мог прочесть тотчас по их получении, так как 5 декабря 1902 года слег в постель от тяжелой болезни печени. Первые три дня болезни он не в состоянии был ничего писать. На четвертый день записал, еле двигая слабою рукою, на отдельном листке вставку, внесенную им впоследствии в один из вариантов главы о Николае I: «Вся жизнь его от того страшного часа, когда люди присягали ему, и до того часа, когда он лежал с отпу- ском грехов по голову — была сплошным непрерывающим рядом прегрешений». А 12 декабря 1902 года, продолжая лежать в постели, он наметил в записной книжке и новые сцены к «Хаджи-Мурату»:

- 1) «Крепостное право в рассказе Авдеева»,
- 2) «Старика на барщину, снег в саду разметать».

Сцена разметания снега крестьянами в саду напоминает подобную же сцену в «Войне и мире». Однако как эта сцена, так и изображение крепостного права в окончательный текст «Хаджи-Мурата» впоследствии не вошли.

Несмотря на тяжелую болезнь, интерес к «Хаджи-Мурату» не покидал Толстого. Буланже рассказывает о характерном случае. Ночью с 12 на 13 декабря 1902 года «в жару Лев Николаевич стал шептать слова, смысла которых мы никак не могли уловить. Мы думали, что он бредит. Можно было разобрать только «граф, князь...». Лев Николаевич обратился к дежурившему около него: «Если вам не скучно, достаньте, пожалуйста, вон там на полке книгу. Посмотрите, в котором году Воронцов был сделан князем. Надо будет переделать: везде в «Хаджи-Мурате» я называю Воронцова князем». Пока наводилась справка, Лев Николаевич заснул. Через час он проснулся, и первым вопросом его было: «Ну что? В котором году Воронцова сделали князем?» — «В августе 45 года». — «В таком случае верно. Переделывать не надо»².

Через две недели в «Настольный календарь», в котором разными лицами отмечался ход его болезни и его занятия, 20 декабря 1902 года записано рукою М. Л. Оболенской: «Читал Акты,— материалы для Хаджи-Мурата. Написал Стасову и Накашидзе о материалах. Слаб»³.

«Акты» были присланы из Тифлиса великим князем Николаем Михайловичем. Это огромный по размеру фолиант. Несмотря на чрезвычайную слабость, Толстой настолько интересовался новыми материалами, что принялся изучать «Акты» в день их получения. В этот же день он писал В. В. Стасову: «Спасибо, Владимир Васильевич, за книги. Оба транспорта в исправности получил. Теперь невозможная просьба: знаю, что гоф-фурьерский журнал не напечатан в тех годах, какие мне нужны, но нельзя ли из рукописного в Архиве получить выписку хоть дней пяти или шести конца 51 и конца 52 года*. Если это возможно, то поручите это сделать кому-нибудь за вознаграждение, которое я охотно заплачу... Да нет ли иностранных историй Николая с отрицательным отношением к нему? Custin'a стоит ли читать? Есть ли в нем о личности Николая? Простите, пожалуйста, как всегда, прибавляю, что если вы,

* Очевидно — ошибка Л. Н. Толстого: не в конце, а в начале 1852 г.— См.: Полн. собр. соч., т. 73, с. 349, прим. 2 (А. С.):

даже не ответив, бросите письмо в корзину, я найду, что так и нужно, и буду вам благодарен...

Да нет ли книжки резолюций Николая. Хоть не прислать книгу, но позволить выписать из нее самые характерные резолюции. Я тогда попросил бы кого-нибудь выписать такие с 1848 по 1852. Хоть бы десяток»⁴.

Гоф-фурьерский журнал — придворный дневник о событиях царской жизни: «Государь император соизволил принять таких-то». «Государыня императрица отбыла туда-то». Толстой задумал на основании таких данных описать день Николая I.

В письме к И. П. Накашидзе того же 20 декабря 1902 года Толстой писал: «...вы были так добры, обещали мне помощь ваших друзей в Тифлисе для выписок из дел Архива. Обращаюсь теперь к вам с этой просьбой: попросите их или его выписать мне самые характерные резолюции Николая Павловича по самым разнообразным делам, преимущественно от 45 до 55 года, главное же, конца 51-го и начала 52 года. Нет ли его резолюций о Хаджи-Мурате. Может быть, ваших друзей или друга допустят и так, но на всякий случай прилагаю письмо к начальнику Архива. Я понемножку укрепляюсь, но еще очень слаб»⁵. К письму было приложено на имя начальника Тифлисского архива письмо (неверно адресованное Вейденбауму, а не генералу Потто, который являлся начальником архива) с просьбой разрешения производить выписки.

Несмотря на то что чтение «Актов» и писание писем Стасову и Накашидзе далось Толстому нелегко, он на другой день, 21 декабря, писал Г. А. Русанову о том, что позволяет себе заниматься «Хаджи-Муратом» в виде отдохновения. Это служило для него оправданием его интереса к «Хаджи-Мурату»⁶.

25 декабря 1902 года в «Настольном календаре» рукою М. Л. Оболенской отмечено: «Получил письмо от сына Карганова, продиктовал ответ. По поводу Хаджи-Мурата»⁷. И. И. Карганов, сын уездного начальника г. Нухи, в ведении которого 50 лет назад находился Хаджи-Мурат, узнав из газет о работе Толстого над «Хаджи-Муратом», предложил сообщить ему некоторые сохранившиеся в его памяти с детства сведения о Хаджи-Мурате. Толстой из-за недомогания не мог сам написать Карганову, но продиктовал ему ответ в день получения его письма: «Вы не могли доставить мне большего удовольствия, как то любезное обещание ваше сообщить мне подробности о пребывании Хаджи-Му-

рата в вашем доме. Буду очень, очень благодарен за все, что вы сообщите мне, в особенности желал бы знать подробности о внешности лиц, участвовавших в этом событии, как-то: вашего батюшки, приставленного к Хаджи-Мурату пристава и самого Хаджи-Мурата и его нукеров. Простите, что вместо того, чтобы быть просто благодарным вам за вашу любезность, я еще позволяю себе заявлять свои желания, но, когда я пишу историческое, я люблю быть до малейших подробностей верным действительности. На всякий случай выпишу несколько вопросов, на которые, если вы ответите или не ответите, буду одинаково благодарен. 1) Жил ли Хаджи-Мурат в отдельном доме или в доме вашего отца? Устройство дома. 2) Отличалась ли чем-нибудь его одежда от одежды обыкновенных горцев? 3) В тот день, как он бежал, выехал ли он и его нукеры с винтовками, за плечами или без них? Много бы хотелось спросить еще, но боюсь утруждать вас и сам чувствую себя очень слабым... Чем больше сообщите мне подробностей, как бы незначительны они ни казались вам, тем более буду благодарен»⁸.

Образ Хаджи-Мурата был Толстому уже давно ясен. Главные события его жизни были ему тоже известны. Теперь же ему нужно было знать некоторые подробности обстановки, в которой находился Хаджи-Мурат. Он мог бы задать Карганову бесчисленное количество вопросов, но из чувства деликатности задает только самые главные.

В ответ на письмо Толстого И. И. Карганов прислал ему свои «Воспоминания» при письме от 29 декабря 1902 года, советуя ему еще обратиться к его, Карганова, матери, проживавшей в Тифлисе. По словам Карганова, несмотря на свой престарелый возраст, она еще обладает хорошей памятью и могла бы сообщить Толстому ряд ценных данных⁹.

Толстой в те дни опять настолько плохо чувствовал себя, что не смог сразу продиктовать ни ответа Карганову, ни письма его матери. Но едва ему стало лучше, он продиктовал дочери 8 января 1903 года письма Карганову: «Очень вам благодарен за письмо ваше и интересные подробности, которые вы мне сообщаете. С вашего разрешения я позволю себе обратиться к вашей матушке с некоторыми вопросами или, если найду знакомого в Тифлисе, который возьмет на себя это дело, попрошу его лично обратиться к вашей матушке, что менее утрудит ее, чем письменно отвечать на мои вопросы. Еще раз сердечно благодарю вас за вашу обязательность...»¹⁰

В тот же день им было продиктовано письмо матери Карганова: «Ваш сын, Иван Иосифович, узнав о том, что я пишу о Хаджи-Мурате, был так любезен, что сообщил мне многие подробности о нем и, кроме того, разрешил мне обратиться к вам с просьбою о более подробных сведениях об этом жившем у Вас в Нухе наибе Шамиля. Хотя сведения Ивана Иосифовича и очень интересны, но так как он был в то время десятилетним ребенком, то многое могло остаться для него неизвестным или ложно понятым. И потому позволяю себе обратиться к вам, уважаемая Анна Авессаломовна, с просьбою ответить мне на некоторые вопросы и сообщить мне все, что вы помните об этом человеке, об его бегстве и трагическом конце.

Всякая подробность о его жизни во время пребывания у вас, об его наружности и отношениях к вашему семейству и другим лицам, всякое кажущееся ничтожным обстоятельство, которое сохранилось у вас в памяти, будет для меня очень интересно и ценно.

Вопросы же мои следующие:

- 1) Говорил ли он хоть немного по-русски?
- 2) Чьи были лошади, на которых он хотел бежать? Его собственные или данные ему? И хорошие ли это были лошади и какой масти?
- 3) Заметно ли он хромал?
- 4) Дом, в котором жили вы наверху, а он внизу, имел ли при себе сад?
- 5) Был ли он строг в исполнении магометанских обрядов: пятикратной молитвы и др.?

Простите, уважаемая Анна Авессаломовна, что утруждаю вас такими пустяками, и примите мою искреннюю благодарность за все то, что вы сделаете для исполнения моей просьбы...

Еще вопрос: 6) Какие были и чем отличались те мюриды, которые были и бежали с Хаджи-Муратом? И еще вопрос: 7) Когда они бежали, были ли на них ружья?»¹¹ В конце письма приписано рукою М. Л. Оболенской: «Отец пишет не своей рукой, потому что лежит больной. Мария Оболенская».

С просьбой о подыскании человека, который мог бы навестить А. А. Карганову в Тифлисе и записать с ее слов воспоминания о Хаджи-Мурате, Толстой опять обратился к И. П. Накашидзе. Письма его по этому поводу к Накашидзе не имеется. Возможно, что просьба его была передана Накашидзе через П. А. Буланже,

который 7 января 1903 года приезжал к Толстому.

В. В. Стасов после получения от Толстого письма от 20 декабря 1902 года производил энергичные розыски материалов о Петербурге, сообщая об этом Толстому в письмах от 28, 29 и 30 декабря 1902 года¹². 11 января 1903 года он посылал Толстому выписки из камер-фурьерских журналов конца 1851 года и начала 1852 года, а в письме от 23 января 1903 года сообщал о высылке ему трех немецких книг: 1) *Aus der Petersburger Gesellschaft*. 2) *Idem*, продолжение. 3) *Bernhardi*, «*Unter Nicolaus I*» (в этом же письме Стасов рекомендовал Толстому прочесть статьи Богуславского в журнале «Русская старина», тома XXVI и XXVII. В. Стасов писал: «а вся «Старина», кажется, у вас уже есть», имея в виду то, что он уже высылал Толстому журнал «Русская старина» с первого года издания (1870 г.) по 1902 г.— более ста книг¹³.

Жившая в Петербурге при дворе двоюродная тетка Толстого, фрейлина Александра Андреевна Толстая, лично знавшая Николая I, писала ему: «С удивлением узнала я, что вы пишете биографию императора Николая. Но если уже вы задумали заняться этим, мне, конечно, хочется быть сколько-нибудь вам полезной». Далее А. А. Толстая сообщала, что за год до смерти историка Н. К. Шильдера она передала ему свои воспоминания о Николае I, но копии их не оставила, так что не может их выслать, но зато посылает очень ценный материал: выпущенные места из записок графа П. Д. Киселева, министра государственных имуществ в царствование Николая I, и рассказ о последних минутах Николая I его лейб-медика Мандта. Толстой отвечал ей 26 января 1903 года: «Я лежу больной и слабый, как видите, и не пишу своей рукой, а пишет дочь Маша... Я пишу не биографию Николая, но несколько сцен из его жизни мне нужны в моей повести «Хаджи-Мурат». А так как я люблю писать только то, что я хорошо понимаю, *auant*, так сказать, *les coudées franches**, то мне надо совершенно, насколько могу, овладеть ключом к его характеру. Вот для этого-то я собираю, читаю все, что относится до его жизни и характера. То, что вы прислали, мне очень драгоценно, но еще бы было нужнее то, что вы отдали Шильдеру. Я надеюсь достать это у Шубинского, получившего бумаги Шильдера. Мне нужно именно подробности обыденной жизни, то, что называется *la petite histoire***.

* Несвязанные руки (франц.).

** История интимной жизни (франц.).

триг, завязывавшихся в маскарade, его отношение к Нелидовой и отношение к нему его жены. Записки Мандта, если вам не трудно, тоже, пожалуйста, пришлите.

Не осудите меня, милый друг, что, стоя, действительно стоя одной ногой в гробу, я занимаюсь такими пустяками. Пустяки эти наполняют мое свободное время и дают отдых от тех настоящих серьезных мыслей, которыми переполнена моя душа»¹⁴.

О том, что архив Шильдера перешел к С. Н. Шубинскому, Толстой узнал от своего хорошего знакомого, литератора Д. Д. Оболенского.

Д. Д. Оболенский писал С. Н. Шубинскому 26 января 1903 года: «Я вчера был у гр. Л. Н. Толстого... Толстой продолжает писать и занят окончанием главы в своем «Хаджи-Мурате», в которой он рисует Николая I. Я ему, то есть Толстому, передал наш разговор (при встрече у А. С. Суворина), что Шильдеровские материалы в ваших руках — и граф Лев Николаевич очень был бы благодарен, если бы вы могли ему сообщить, что есть печатного Шильдера, а кроме того еще специальная просьба. Тетка Толстого А. А. Толстая (воспитательница великой княжны Марии Александровны) передала Н. К. Шильдеру свои записки, где много говорит о Николае I. Вот эти-то записки своей тетки Л. Н. Толстой и просит вас, не можете ли вы их сообщить ему — на это есть и согласие графини Александры Андреевны Толстой (она живет в Петербурге), а Льву Николаевичу записки очень нужны. Можно с них снять копию. Сделайте одолжение и исполните просьбу нашего дорогого писателя». В связи с письмом Д. Д. Оболенского С. Н. Шубинский писал Толстому 29 января 1903 года о том, что через два месяца выйдет в свет сочинение Шильдера о Николае I, записки же А. А. Толстой у него не находятся¹⁵.

В течение всего января 1903 года Толстой не принимался за «Хаджи-Мурата», а лишь собирал и изучал материалы.

О просьбе Толстого подыскать в Тифлисе человека, который навестил бы Карганову, И. П. Накашидзе написал тифлисскому ученому-библиографу В. Д. Цветницкому. Но Цветницкий за недосугом вынужден был отказаться от этого предложения и передал просьбу Толстого своему знакомому, преподавателю словесности Тифлисской гимназии С. Н. Шульгину, который в письме к Толстому от 9 февраля 1903 года сообщил: «Через третье лицо нижеподписав-

шешуся предложено собрать для вас нужные сведения в архивах и у г-жи Каргановой. Я с удовольствием принял это предложение и буду считать себя счастливым, если чем-либо окажусь для вас полезным. У г-жи Каргановой я был два раза, но удалось добыть немного, что я и посылаю вам при настоящем письме. Эта дама уже достаточно преклонных лет (ей, говорят, 87) и многое перезабыла, но что помнит, о том говорит с уверенностью.

Был и у Василия Александровича Потто и вручил ему ваше письмо. Он, конечно, весьма охотно согласился оказать всякое содействие и поручил капитану Эсадзе, редактору Военно-исторического отдела штаба Кавказского округа, отбирать дела и вручать их мне, а я буду снимать с них копии или делать извлечения (впрочем, как вы пожелаете, глубокоуважаемый Лев Николаевич) и по мере накопления пересылать вам. Эсадзе говорит, что архивный и литературный материал о Хаджи-Мурате весьма обилен, но не собран и что было бы очень хорошо, если бы вы нашли для себя возможным время от времени указывать нам, какие вопросы вас наиболее интересуют (кроме тех, которые вы уже прислали)»¹⁶.

К письму Шульгина был приложен рассказ А. А. Каргановой и ее ответы на вопросы Толстого.

Одновременно с этим Толстой получил от начальника Военно-исторического отдела Тифлисского архива генерал-лейтенанта В. А. Потто письмо, в котором тот писал, что «считает за честь» выполнить просьбу Толстого и что поручил сделать извлечения из архива редактору этого архива капитану С. С. Эсадзе.

7 февраля 1903 года Толстого навестила его троюродная сестра Е. Ф. Юнге, урожденная Толстая, в молодости своей много слышавшая от своих родителей и родных о Николае I, которого они хорошо знали, и Толстой попросил ее записать для него свои «Воспоминания» о Николае I.

19 февраля 1903 года Толстой отвечал в Тифлис капитану С. С. Эсадзе, запрашивавшему его письмом от 5 февраля о том, какого рода материалы о Хаджи-Мурате ему нужны¹⁷: «Очень благодарен за вашу любезную готовность помочь мне. Мне желательно иметь только то, что 1) касается Хаджи-Мурата, и то, кроме всего того, что есть печатного об этом (все это я знаю), и того, что есть в X томе Актов, и 2) распоряжения императора Николая I о Хаджи-Мурате и вообще о Кавказской войне во время наместничества Воронцова и в особенности 50, 51 и 52 годов»¹⁸.

20 февраля 1903 года в дневнике С. А. Толстой отмечено: «У Льва Николаевича сидит старичок, николаевских времён солдат, сражавшийся на Кавказе, и рассказывает ему что помнит»¹⁹. Свидание со стариком состоялось и на следующий день. С. А. Толстая 21 февраля в «Ежедневнике» записала: «Лев Николаевич беседовал на балконе с николаевским солдатом». Данных об этом старике не имеется, но очевидно, он был один из тех «двух старичков-солдат, свидетелей войны с Шамилем», о которых Накашидзе писал Толстому 17 октября 1902 года, предлагая их прислать ему.

21 февраля 1903 года Толстой отвечал С. Н. Шульгину на его письмо от 9 февраля: «Желательно мне теперь иметь все распоряжения о Хаджи-Мурате, если есть таковые, Николая Павловича; его личные пометки или приказания и замечания, передаваемые Чернышевым Воронцову. Желательно бы кроме того иметь распоряжения Николая вообще о ведении Кавказской войны во время наместничества Воронцова. Сколько я знаю, Николай сначала в 45 году требовал решительных действий, а потом, противореча сам себе и не замечая этого, требовал медленного воздействия на горцев вырубкой лесов и набегами. Интересно бы найти указание на это»²⁰.

Новое упорное собирание материалов указывает на намерение Толстого в дальнейшем еще немало поработать над «Хаджи-Муратом».

28 февраля 1903 года в письме к Т. Л. Сухотиной, говоря о ряде предстоящих ему работ, Толстой упоминает «Хаджи-Мурата», которого ему хочется «кончить и в нем характеристику Николая Павловича — деспотизма»²¹. Однако в течение всего февраля 1903 года он к работе не приступал, вероятно вследствие физической слабости и оттого, что не получил новых материалов.

И. П. Накашидзе в письме к Толстому от 27 февраля 1903 года писал, что извлечение материалов из Тифлисского архива идет довольно медленно. «Архив в таком состоянии, что надо перелистывать все дела... Присылаю пока то, что найдено нами до сих пор». В письме же от 2 марта 1903 года Накашидзе спрашивал, известен ли Толстому «Кавказский сборник», первый том которого вышел в 1876 году, последний 22-й, — в 1902 году. Имя Хаджи-Мурата упоминается 140 раз в первых десяти томах этого сборника. Накашидзе рекомендовал Толстому обратиться в Публичную библиотеку в Петербурге с просьбой выслать ему это издание²².

С. С. Эсадзе при письме от 3 марта 1903 года посылал Толстому сделанные им копии документов из Тифлисского архива, а также составленный им «Биографический указатель о кавказско-горской войне (1817—1845), мюридизме, Кази-мулле, Гамзат-беке и Шамиле», в котором перечислено 183 источника²³.

Толстой 7 марта 1903 года писал Накашидзе: «...вы читали начало моего рассказа. Если помните, там солдаты сидят в секрете, высланном из крепости Воздвиженской, и принимают присланного от Хаджи-Мурата лазутчика. Все это, как мне вспоминается теперь, неверно. Для того, чтобы исправить эти неверности, мне нужны ответы на следующие вопросы. Не можете ли вы найти старого служаку, пехотного офицера, служившего в 1852 году, который бы ответил на эти вопросы:

- 1) Высылались ли из крепости секреты?
- 2) Если не высылались, то где стояли караульные часовые, ограждавшие крепость от внезапного нападения?
- 3) Каким образом принимали часовые приходящих лазутчиков и доставляли их к начальству?

Всякий пехотный офицер, кавказец 1852 г., должен знать это, тем более служивший же в Куринском полку в крепости Воздвиженской. Само собой, что чем подробнее будут ответы, тем лучше.

Простите, что утруждаю вас, и, если вам некогда и скучно, пожалуйста, не делайте ничего. Я и так чувствую себя виноватым перед вами и кругом обязанным»²⁴.

Перечисленные Толстым вопросы относились к главе II, в которой изображена сцена выхода солдат в «секрет» и встречи их с лазутчиками от Хаджи-Мурата.

Вопросы эти показательны для Толстого — художника-реалиста с его строгой требовательностью к своей работе. Глава II была уже давно окончательно отделана. Он не собирается ни в чем ее изменять. Но во время болезни, обдумывая произведение в тысячный раз, вспомнил и эту главу, и у него явилось сомнение в точности изображенной сцены, и, обеспокоенный этим, он пишет по данному вопросу письмо В. В. Стасову (8 марта 1903 г.): «Мне из Тифлиса пишут, что есть XXII тома Кавказского сборника, издаваемого под иждивением Е. И. В. * и т. д. Я знаю сборник сведений о кавказских горцах, и у меня есть VI томов этого сборника, и я брал из Румянцевского музея VII и VIII и кажется IX-й. Одно ли и то же Кавказский сборник и сборник сведе-

* Его императорского величества.

ний о кавказских горцах»? Если не одно и то же, то пришлите мне первые 10 томов; если же одно и то же, то пришлите мне последние от IX-го тома. Вот как я стал бессовестен»²⁵. Стасов в письме от 10 марта 1902 года сообщал, что «Сборник сведений о кавказских горцах» и «Кавказский сборник» — два разных издания и что первые десять томов «Кавказского сборника» уже высланы Толстому. В письме от 20 марта 1903 года Толстой, выражая за это благодарность, писал: «Больше мне ничего не нужно»²⁶.

После ознакомления в течение четырех месяцев с новыми материалами о Николае I Толстой наконец приступает к работе над незаконченной XV главой.

В письме к Н. Н. Ге-сыну от 20 марта 1903 года Толстой сообщал: «Работаю и важное: ту философию, которую, помните, я вам рассказывал, идя по левой стороне Хамовнического переулка, и пустяки, Хаджи-Мурата»²⁷. 21 марта он писал Черткову: «...понемногу исправляю «Хаджи-Мурата». Совестно, но стараюсь делать это только в moments perdus» *²⁸.

Сын Толстого Лев Львович также сообщал, что в описываемое время к повести Толстой «возвращается всякий раз, когда имеет свободное время»²⁹. «Свободным» же временем или «минутами досуга» Толстой называл те свои состояния, когда после большого умственного труда испытывал необходимость в более легкой работе, на которой отдыхал, или когда вследствие тяжелых душевных переживаний или острого физического недомогания чувствовал себя слабым для напряженных занятий.

24 марта 1903 года Лев Львович Толстой отметил в своем дневнике от 24 марта 1903 года: «Сейчас отец занят Хаджи-Муратом. Отделкой его»³⁰.

В письме М. Л. Оболенской от 1 апреля 1903 года Толстой тоже сообщал: «Мало пишу, все ковыряюсь с послесловием и немножко — Хаджи-Муратом»³¹.

Несмотря на пренебрежительное слово «ковыряюсь», работа проделана огромная. Была исправлена вся рукопись с внесением множества новых вставок. Особенно упорно Толстой работал в этот раз над главами X, XIII, XXI, XXIII, XXV. В главу XIII была внесена в сокращенном и несколько измененном виде переписка Хаджи-Мурата с генералом Ключки фон Клюгенау из присланной капитаном С. С. Эсадзе статьи Юрова «1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе», напечатанной в «Кавказском сборнике», Тифлис, т. X, 1866 г.

* В минуты досуга (франц.).

На обороте одного из листов своей рукописи Толстой записал: «Гамзало и Элдар — убиты, Хан-Магома и Ханефи — бежали». Это действительные имена нукеров Хаджи-Мурата, взятые из «Актов Кавказской археографической комиссии», т. X, с. 540. Теперь Толстой заменил ими прежние, вымышленные. В «Актах» Толстой нашел и ряд новых данных о Хаджи-Мурате, о чем писал С. Н. Шульгину 21 февраля 1903 года. Так, ему раньше было неизвестно, что Хаджи-Мурат решил передаться русским еще задолго до осуществления своего намерения, что имел не одну жену, а, как разрешалось мусульманину, несколько жен и, кроме сына, еще четырех дочерей и проч. Однако всеми этими данными Толстой не воспользовался, так как они ничего не прибавили бы к созданному им художественному образу Хаджи-Мурата.

При «отделке» повести в апреле 1903 года Толстой исправил прежнюю неправильную нумерацию глав, и теперь всех глав стало окончательно 25 вместо 26-ти.

Читая сочинение Шильдера «Император Николай I, его жизнь и царствование» и другие источники, Толстой неожиданно для самого себя значительно изменил свою сложившуюся в течение всей его жизни резко осудительную оценку Николая I и 1 апреля 1903 года писал по этому поводу великому князю Николаю Михайловичу: «В числе моих работ есть и характеристика вашего деда, Николая I. Я составил было довольно отрицательное представление об его характере и личности, но потом, прочтя подробности об его рождении, как Екатерина любовалась им, как чудесным ребенком, и подробности об его смерти, я изменил свои суждения и постарался глубже вникнуть в то, что он был в душе и почему он был таким, каким он был»³². Это более положительное отношение к Николаю I и желание вникнуть в его личность были причиной написания отрывка о детстве Николая I.

Из Тифлиса стали наконец поступать в большом количестве материалы. В письме к И. П. Накашидзе от 19 марта 1903 года Толстой вторично писал, что ему больше «ничего не нужно», кроме ответа на вопрос о том, как высылались из крепости «секреты»³³. Накашидзе сообщал Толстому 11 апреля 1903 года, что извлеченные из военного Тифлисского архива материалы еще будут ему посылаться. Сведений же о том, при каких обстоятельствах выходили солдаты в «секреты», он еще не собрал³⁴. Эти сведения не были и впоследствии им доставлены, так что гла-

ва II, в которой описана эта сцена, осталась без изменения.

В письме к Накашидзе от 27 апреля 1903 года Толстой в третий раз просит его «не трудиться больше». «Я и приостановил теперь работы над Хаджи-Муратом, да и вообще эта повесть не стоит того труда, который для нее полагают добрые люди»³⁵. Об этом же Толстой 6 мая 1903 года писал и Эсадзе, выполнившему громадную работу по извлечению из Тифлисского архива материалов³⁶. Всего Эсадзе собрал и собственноручно переписал 151 документ из Военно-исторического отдела штаба Кавказского округа (хранятся в библиотеке Ясной Поляны). Однако Толстой использовал из них лишь одну переписку генерала Клюки фон Клюгенау с Хаджи-Муратом.

Глава XVII

ГЛАВА О НИКОЛАЕ I

4 мая 1903 года в Ясную Поляну вновь приезжала Е. Ф. Юнге, С. А. Толстая записала в «Ежедневнике»: «Разговоры с Е. Ф. Юнге, чтение ее записок»¹, то есть «Воспоминаний» о Николае I, написанных по просьбе Толстого.

6 мая 1903 года Толстой писал М. Л. Оболенской: «Пересматривал Хаджи-Мурата. Не хочется оставить со всеми промахами и слабостями, а заниматься им на краю гроба, особенно когда в голове более подходящие к этому положению мысли, совестно. Буду делать от себя потихоньку»².

Но как ему ни «совестно» и как он ни намерен потихоньку от самого себя заниматься «Хаджи-Муратом», он все же работает с увлечением, стремясь довести произведение до невозможного совершенства.

П. А. Сергеенко, приехавший 17 мая 1903 года в Ясную Поляну, записал в своем дневнике: «Л. Н. усиленно работает над «Хаджи-Муратом» и, видимо, доволен своей работой, которая идет у него, как по маслу»³. Выражение «как по маслу» несомненно было сказано самим Толстым, так как П. А. Сергеенко, не видя работы Толстого, не имел основания для такого мнения.

В тот же день, 17 мая 1903 года, Толстой отметил в Дневнике: «Поправлял Хаджи-Мурата, дошел до Николая Павловича и как будто уясняется» (образ Николая I.— А. С.)⁴.

Главы I—XIII вновь подверглись «отделке», по счету четвертой. Закончив их, Толстой занялся XV главой—о

Николае I. Эта глава потребовала значительно большей работы, чем предыдущие, так как Толстой задумал расширить ее.

18 мая 1903 года Толстой сообщал брату Сергею Николаевичу: «Я пишу про Николая Павловича, и очень интересно это мне»⁵.

В начало главы вносится вставка о посягательствах Чернышева на майорат декабриста Захара Чернышева. Другие сцены развиваются и дополняются. Почти в каждую фразу вносятся какие-либо художественные детали. Пишется и «вторая» глава о Николае I, начинающаяся словами текста из Евангелия: «Что велико перед людьми, то мерзость перед богом». И едва ли была в то время какая-либо более отвратительная мерзость перед богом, нежели Николай I, столь превозносимый людьми своего времени». Затем все начало этой «второй» главы вычеркивается, как написанное в резко осудительном тоне, и вместо него пишется к главе XV дополнение по «камер-фурьерскому журналу» (обед в Зимнем дворце и посещение балета Николаем). Кроме того, начата новая «третья» глава о Николае I. Вопреки принятому в отношении «Хаджи-Мурата» принципу, эта новая, «третья», глава состоит из «риторических» суждений о деспотизме Николая. Желая проследить путь развития личности Николая, начиная с его детства, Толстой приписывает к «третьей» главе слова: «Рождение Николая была радость его матери...» При переработке этой «третьей» главы Толстой вносит фразу: «Несмотря на то величие, которым он был окружен, Николай теперь, после 27-летнего царствования, был глубоко, непоправимо и одиноко несчастен» и расчленяет «третью» главу на две. Появляется «четвертая» глава о Николае, содержащая описание его детства, материалом для которого, главным образом, послужила книга Н. К. Шильдера «Император Николай I, его жизнь и царствование» (Спб., 1903).

Работа разрасталась, но не удовлетворяла Толстого. В его Дневнике записано 27 мая 1903 года: «Все вожусь с Николаем Павловичем. Все нехорошо»; 1 июня 1903 года: «Все пытаюсь написать главу Николая Павловича»⁶.

В письме к Т. Л. Сухотиной от 3 июня 1903 года Толстой сообщал: «...получил от Суворина Александра II, Татищева, новое издание Пушкина. Это все пустяки, а главное Николая I, Шильдера, чему очень рад. Все работаю над Николаем I и, кажется, только теперь начинаю находить ключ к нему»⁷.

Характерно для увлечения Толстого своей работой его выражение: «Пушкин», которого он всегда высоко ценил, «пустяки», «главное» же сочинение Шильдера. Чтение этой книги Шильдера имело для Толстого большое значение. «Уяснение» образа Николая I близилось к концу, находился «ключ к нему». Это являлось в творческой жизни Толстого важным событием, и он сообщал о нем в письме к дочери М. Л. Оболенской от 3 июня 1903 года: «Занят я Николаем Павловичем и как будто уясняется то, что нужно. Это сделалось два дня тому назад. И мне приятно это. Это, понимаешь, есть иллюстрация того, что я пишу о власти»⁸.

Намерение показать на образе Николая зло деспотизма самодержавия, о чем Толстой впервые писал четыре месяца назад в письме к Т. Л. Сухотиной от 28 февраля 1903 года, теперь всецело захватило его. Это оправдывало для него всю его работу над «Хаджи-Муратом».

В письме к П. И. Бирюкову от 3 июня 1903 года Толстой говорит: «...Хаджи-Мурата поправляю и теперь бьюсь над главою о Николае Павловиче, которая если и будет непропорциональна, но мне очень кажется важна, служа иллюстрацией моего понимания власти»⁹. Ни об одной главе Толстой не говорил «бьюсь». Это выражение он употреблял в редких случаях, когда предмет, о котором он писал, был им не «уяснен». Так и теперь он решил, что еще не все «уяснил» в образе Николая и не изучил все нужные материалы. В письме к В. В. Стасову от 3 июня 1903 года он спрашивает: «...нет ли книги, содержащей все указы и утверждения законов (работ 2-го Отделения) Николая. Мне нужны эти сведения не за все царствование, а хотя за один год, от половины 51-го до половины 52-го. Это мне очень нужно»¹⁰. В том же письме он говорит, что у него собралось о Николае I «так много книг чужих и в таком смещении», что он не знает, кому какие принадлежат, и просит Стасова прислать список тех изданий, которые доставлены ему Стасовым, для того, чтобы вернуть ему. По сообщению, полученному нами от племянницы Толстого Е. С. Денисенко, посетившей Толстого в описываемый период, «дядя получал тогда транспорты за транспортом книг. Один раз пришла такая большая посылка, что он даже расставил книги вокруг себя на полу».

3 июня 1903 года Толстой записал в Дневнике: «Вчера хорошо писал о Николае» и внес в Дневник характеристику царя: «Николай считал всех людей такими же, как те,

которые окружали его. А те, которые окружали его, были подлецы; и потому он всех людей считал подлецами». Этот штрих был после развит в вариантах главы XV.

В Дневнике под 4 июня 1903 года записано: «Вчера читал Николая I. Очень много интересного. Надо прежде, чем продолжать — прочесть», то есть не надо писать, куда не изучены все материалы.

5 июня 1903 года записано: «Читаю Николая». 9 июня 1903 г.: «Немного подвигаюсь в Николае Павловиче». После этой записи Толстой перечисляет задуманные им «три новые вещи», одна из которых — «рассказ о бале и сквозь строй»¹¹.

«О бале и сквозь строй — сюжет рассказа «После бала», написанный через два месяца, в августе 1903 года. Сюжет рассказа несомненно зародился непосредственно в связи со сценой экзекуции горцев в вариантах «Хаджи-Мурата» и чтением источников о Николае, в которых встречается много описаний прогнания солдат «сквозь строй», широко практиковавшегося в царствование Николая I.

11 июня 1903 года Толстой писал В. Г. Черткову: «Кое-что пишу в «Хаджи-Мурате» о Николае Павловиче отдельную главу, которая, хотя и будет непропорциональна с целым, чрезвычайно привлекает меня»¹².

Считая, что главы о Николае I будут служить художественным подтверждением его взглядов о деспотизме самодержавия, Толстой теперь ни разу не говорит, что ему «совестно» заниматься этой работой. Наоборот, она «чрезвычайно привлекает» его, потому что кажется ему очень «важной».

15 июня 1903 года в Ясную Поляну приезжал С. Н. Шульгин. Кроме записей воспоминаний Каргановой, Шульгин посылал Толстому в начале 1903 года записанный им рассказ о Хаджи-Мурате зятя Шамиля. Теперь Шульгин приехал к Толстому с просьбой разрешить напечатать этот рассказ. По поводу своей работы над главами о Николае Толстой сказал Шульгину: «Приходится окунуться с головой в эпоху Николая и пересмотреть большой материал — и печатный, и рукописный. И все это, быть может, только для того, чтобы извлечь какие-нибудь две-три черты, которых читатель, пожалуй, и не заметит, а между тем они очень важны. Меня здесь занимает не один Хаджи-Мурат с его трагической судьбой, но и крайне любопытный параллелизм двух главных противников этой

эпохи — Шамиля и Николая, представляющих вместе как бы два полюса властного абсолютизма — азиатского и европейского. В частности же в Николае поражает одна черта — он сам себе часто противоречит, совсем того не замечая и считая всегда безусловно правым себя. Так, видно, воспитала его окружающая среда, дух развитого вокруг него подобоострастного угодничества...»

«Когда, вы думаете, дойдет черед до присланного нами материала о Хаджи-Мурате?» — спросил Шульгин.

«О, еще не так-то скоро», — ответил Толстой¹³.

Шульгин в этот раз под диктовку Толстого записал следующие вопросы:

- «1) Адреса детей Хаджи-Мурата.
- 2) Из каких лиц состоял совет Шамиля?
- 3) Джемал-Эдин ходатайствует за изменившего Шамилю Хаджи-Мурата.
- 4) Совещание Шамиля с народом о выкупе княгини Чавчавадзе и Орбелиани.
- 5) О Шамиле (обряд Истихар-Намаз)¹⁴.

Из этого списка вопросов явствует, что Толстой предполагал еще впоследствии поработать над повестью и внести в нее ряд новых сцен.

Круг лиц, доставлявших Толстому материалы о Николае I, расширялся. Князь М. М. Кантакузен, калужский помещик, писал Толстому в письме от 10 июня 1903 года, что сыновья Толстого Илья и Михаил сообщили ему, что Толстой интересуется литературой, касающейся личности Николая I, и спрашивали у него (Кантакузен состоял в родстве с царствующим домом, будучи женат на дочери одного из великих князей от морганатического брака), нет ли у него интересных материалов. Во исполнение их просьбы Кантакузен посылал Толстому записки графа Бенкендорфа и Фаддея Вылежинского, напечатанные в журнале «Исторический вестник». В ответном письме от 30 июня 1903 года Толстой благодарил Кантакузена за присылку этих материалов¹⁵.

Намерен был помочь Толстому источниками и А. П. Чехов, о чем П. А. Сергеенко писал Чехову: «Дорогой Антон Павлович, извини, пожалуйста, что напоминаю тебе, но вспомни о Николае I... Николай I нужен Льву Николаевичу для «Хаджи-Мурата». При сложившихся условиях я считаю вполне возможным помещение «Хаджи-Мурата» в «Русской мысли». (Письмо не датировано, рукою Чехова помечено: 1903, VI.)¹⁶.

Послал ли Чехов какие-либо материалы Толстому — неизвестно. Также нельзя установить, что разумел П. А. Сергеенко под словами: «при сложившихся условиях». Возможно, имеется в виду то обстоятельство, что Чехов намеревался войти в редколлегию журнала «Русская мысль», и тогда, может быть, Толстой сказал, что хотел бы помочь Чехову, дав ему напечатать, что-нибудь из своих произведений, в роде «Хаджи-Мурата».

На письмо П. А. Сергеенко Чехов отвечал ему 11 июня 1903 года: «Начать редакторство «Русской мысли» так удачно, как ты того хочешь, — это счастье, о котором я не мечтал, да и не смею мечтать, о чем пишу тебе вполне искренно. Конечно, хорошо бы нанести справки, поразузнать, но как это сделать? К кому обратиться? Если к самому Л. Н., то как ему написать? Напиши, голубчик, мне две-три строчки, буду ждать с нетерпением»¹⁷.

Написанные четыре главы о Николае Толстой начал считать ввиду их «непропорциональности» с повестью самостоятельной работой. И П. А. Сергеенко записал со слов Толстого в своем дневнике от 17 июня 1903 года: «Глава о Николае I из «Хаджи-Мурата» выделилась в отдельное произведение». Толстой 18 июня 1903 года занес в свой Дневник: «Решил Николая Павловича оставить почти как есть, а если понадобится, то писать отдельно»¹⁸.

Оставить главу о Николае I «как есть» означало — ограничиться одною главою XV, о Николае I, остальные же главы о Николае исключить. 18 июня 1903 года, намечая в своем Дневнике разные замыслы, Толстой прибавляет: «Все это много важнее глупого Хаджи-Мурата»¹⁹. Этот глубоко отрицательный отзыв о повести несомненно вызван спадом творческого напряжения Толстого. Так бывало у Толстого и тридцать лет назад, в конце работы над «Анной Карениной», когда она стала ему «противной»²⁰ и казалась «пустым делом»²¹. Так бывало и во многих других случаях. Когда охватывавшее его творческое чувство получало свое художественное воплощение, он охладевал к замыслу. Назревавшие новые замыслы делались для него более интересными и значительными. Однако 30 июня 1903 года он все же пишет Черткову: «Читаю о Николае Павловиче, который очень интересует меня, поправляю Хаджи-Мурата, чтобы больше не трогать...»²²

Решение в последний раз заняться «отделкой» диктовалось тем, что он уже не мог бы впоследствии сделать произведение лучше. «Художественное произведение оконча-

но,— считал он,— когда оно доведено до той ясности, что сообщается людям, вызывает в них то чувство, которое испытывает при творчестве художник»²³.

Того же 30 июня 1903 года Толстой в письме к Стасову писал о том, что отсылает ему назад использованные им для главы о Николае I газеты за 1851 и 1852 годы и благодарит за присылку «Свода законов» 1852 года²⁴.

Глава XVIII

«ОТДЕЛКИ»

В Дневнике от 4 июля 1903 года у Толстого записано: «Поправляя «Хаджи-Мурата»¹. В «Ежедневнике» С. А. Толстой от 6 июля 1903 года сказано: «Лев Николаевич утомлен, пишет «Хаджи-Мурата»².

Происходила пятая «отделка» повести, с главы I по XII. Работа заключалась в сокращениях, перестановке частей, во внесении художественных деталей и новых небольших сцен, в стилистических поправках, устранении ошибок своих и переписчиков. Толстой применял в этой работе свои особые технические приемы: разъединял рукопись, резал страницы, делал к ним подклейки, вырезал из страниц ряд строчек, перекладывал их в другие места.

О характере «отделок» можно судить по некоторым примерам.

Один из набросков пятой редакции (1898 г.) заканчивался рассуждением:

«А между тем русские вовсе не были злы: не был зол и тот с заплывшими глазами начальник, сидевший с трубкой на барабане; не были злы офицеры, командовавшие солдатами; и еще менее были злы солдаты, забивавшие палками безоружных людей, виноватых только в том, что они любили свою родину».

При использовании данного наброска Толстой все это «риторическое» рассуждение выкидывает. В главе XVI выбрасывается длинное рассуждение о безответственности военных.

В главе XXIV стояло: «Да как же было дело,— спрашивал Бутлер, испытывая страшное болезненное чувство жалости к этому убитому милому человеку и омерзения, отвращения и ненависть даже к тем, которые, сделав это, гордятся этим, показывают тот ужас, который они сделали. Вид этой головы сразу отрезвил Бутлера. Вся поэзия войны

сразу уничтожилась и он только видел людей, убивавших друг друга».

Это «риторическое» место тоже выкидывается и заменяется короткой фразой «ему стало физически больно и стыдно».

В главе XI в рассказе Хаджи-Мурата о своей прошлой жизни выпускается все, что замедляет рассказ. Из той же главы, в целях ее сокращения, описание матери Хаджи-Мурата переносится в главу XXIII.

Глава X заканчивалась строками:

«Приехав домой, он разулся, омыл ноги и, ставши на ковер, особенно долго и усердно молился. Окончив молитву, он сел на тахту и задумался. Месяц тому назад Хаджи-Мурат думал только о том, как бы ему уйти к русским, вполне уверенный, что с помощью их он легко выручит семью. Теперь же, увидав всю эту странную для него и сложную жизнь, он понял, что несмотря на все внешние ласки, которые ему оказывали, ему трудно будет достигнуть своей цели. Он долго сидел, вспоминая то, что он видел, и покачивал головой на эту странную жизнь, совсем не похожую на то, что он представлял себе».

Имелось пять вариантов этого места, но в конце концов все оно опускается, как слишком громоздкое, и вместо него только сказано: «Хаджи-Мурат не остался и уехал на данном в его распоряжение фаэтоне в отведенную ему квартиру».

В сцене перестрелки в главе XXV стояло так:

«Гаджи-ага закричал: «Эй, Хаджи-Мурат, не уйдешь теперь. Сдавайся! Сдавайся, или отрублю тебе голову.

— Бери, холоп русских свиней,— крикнул Хаджи-Мурат.— Изменник святого дела! Иди! Бери!— и он выстрелил».

При переделке добавлено: «...и собака,— крикнул Хаджи-Мурат.— Изменник хазавата.— И он выстрелил».

При второй переделке Хаджи-Мурат кричит: «Изменник, подходи ближе, а то не ты храбр только».

При третьей переделке слова Хаджи-Мурата еще более пространны: «...Изменник,— не мало убивал я таких же свиней, как и ты. И тебе то же будет, если ты не убежишь от страха, собачий сын».

В последнем же тексте все это место заменено одною фразой: «Гаджи-ага закричал Хаджи-Мурату, чтобы он сдавался, но так же, как и в первый раз, Хаджи-Мурат ответил выстрелом».

Придерживаясь установленного еще в молодости правила: «от сокращения произведение выигрывает», Толстой уменьшает размеры глав, из одной главы делает две, три главы, сокращает заимствованный из источников материал. Переписка генерала Клюгенау с Хаджи-Муратом помещена сначала полностью в главу XIII, затем сокращается на три четверти.

Сокращения коснулись и описания природы, особенно когда о ней говорилось в повышенном тоне. В главе XV зачеркнуто следующее место: «Среди этой чудной природы вдруг с зловещим свистом пролетело ядро. Неприятеля не было ни слышно, ни видно, но всякую минуту он мог появиться и всякую минуту пущенная невидимым стрелком пуля могла покончить жизнь каждого из всех этих людей. Это не говорилось, даже не думалось, но сознание этого в соединении с сознанием бодрости, силы придавало особенную прелесть и без этого прелестной природе этой части Чечни».

Сокращению подвергся и ряд излишних деталей:

«Абунунчал весь в крови с кинжалом в руке бился с мюридами; половина лица у него была отрублена...» Из этой фразы выкидываются слова: «весь в крови с кинжалом в руке».

«Не успел он (Асельдер) сказать это, как я вынул кинжал и по рукоять всадил ему под ребро». В исправленном виде эта фраза читается так: «Кинжал у меня был в руке и я убил его».

«Под всадником был рыже-игрневый красавец конь с маленькой головой, прекрасными глазами и косолапинкой в передних ногах» — слова «косолапинкой в передних ногах» выкидываются.

«Марья Дмитриевна... стояла у доски и разрежала на кусочки... тесто» — слова «стояла у доски» выкидываются.

«Сын же Хаджи-Мурата 18-летний красавец юноша Юсуп сидел» — слово «красавец» выкинуто.

«Марья Дмитриевна и уговорила мужа отдарить Хаджи-Мурата золотыми, неидушими часами» — «неидушими» выкидывается.

«Вот она,— сказал Каменев, доставая двумя руками, прижав ее за уши, человеческую голову» — слова: «двумя руками, прижав ее за уши» выкидываются.

«Чихирев достал из переметной сумы мешок с чем-то круглым...» — «круглым» вычеркивается.

«Да что это такое, арбуз? — сказала Мария Дмитриевна». «Арбуз» вычеркивается.

«Врешь, не уйдешь,— крикнул Назаров, задетый за живое тем, что Хаджи-Мурат хотел обскákat его лошадь». Исправлено: «Врешь, не уйдешь,— крикнул Назаров, задетый за живое».

«Сначала поднялась окровавленная без папахи, заросшая уже черным волосом, голова». Слова «заросшая уже черным волосом» выкидываются.

«Горцы прежде казаков взялись за оружие и визжали и били казаков». Слово «визжали» выкидывается.

Изымаются также выражения, могущие казаться преувеличениями. «Он с своей обычной ненавистью к русским покосился на Лорис-Меликова». Исправлено на: «Он злобно покосился на Лорис-Меликова».

Выкидывается: «Непонятен был для Лорис-Меликова только рыжий Гамзало. Что это был зверь, жестокий и коварный, это, казалось Лорис-Меликову, было написано на его лице».

Выкидывается: «Черт вас дери,— закричал майор и глаза его хотели выскочить».

Наряду с устранением лишних деталей вносятся и новые необходимые художественные детали.

«Глаза его без ресниц были красны и он плохо видел ими». Вставлено: «Глаза его, без ресниц, были красны и влажны и он, чтобы разлепить их, мигал ими».

«Хаджи-Мурат был одет в длинную белую черкеску на коричневом, без всяких украшений, бешмете, на ногах были ноговицы». Вставлено: «Хаджи-Мурат был одет в длинную

белую черкеску на коричневом с тонким серебряным галуном на воротнике, бешмете. На ногах его были черные ноговицы и такие же чувяки, как перчатки, обтягивающие ступни».

«...Как он сейчас пожмет руку Марье Васильевне». Вставлено: «...Как он сейчас пожмет большую белую руку Марьи Васильевны».

«...(рыжий генерал с щетинопстыми усами) замолчал и стал есть лежавшую у него на тарелке рыбу». Вставлено: «...стал постепенно есть, не жуя, лежавшее у него на тарелке утонченное кушанье непонятного для него вида и даже вкуса».

«Поставив подле себя золотую табакерку с портретом Александра I, князь стал разбирать карты». Вставлено: «Поставив подле себя золотую табакерку с портретом Александра I, Воронцов разобрал атласные карты».

«Шамиль ехал на арабском белом коне». Вставлено: «Шамиль ехал на арабском белом коне, весело попрашивавшем поводья».

«(Бутлер) играл бы и еще, но адъютант с строгим лицом положил карты...» Вставлено: «...но адъютант с строгим лицом положил своими чистыми руками карты...»

«Хаджи-Мурат приложил свою жилистую небольшую руку к середине груди». Вставлено: 1) «Хаджи-Мурат приложил свою небольшую энергичную загорелую руку». 2) «Хаджи-Мурат приложил свои небольшие загорелые руки».

«Кандидат Петербургского университета, недавно выпитанный учитель для ее маленького сына». Вставлено: «Кандидат Петербургского университета лохматый юноша угрюмого вида».

«(Марья Васильевна) — замечательная красавица и одна из самых изящных женщин того времени». Вставлено: 1) «Марья Васильевна — крупная красавица, богато одетая по последней моде». 2) «Марья Васильевна крупная, большеглазая, одетая по последней моде, чернобровая румяная красавица». 3) «Марья Васильевна — крупная большеглазая чернобровая красавица».

«Было что-то в ее словах и в ее улыбке такое, что доводило его до забывания всего, кроме ее глаз, ее улыбки, движений ее рук». Вставлено: 1) «В ее словах, и в ее взгляде, и улыбке и во всех движениях ее тела было что-то такое, что доводило Полторацкого до забвения всего, кроме сознания ее близости». 2) «И в ее словах, и во всех движениях ее тела, и в духах, которыми от нее пахло, было то, что доводило Полторацкого до забвения всего, кроме сознания ее близости».

«Прибежал какой-то человек к мечети». Вставлено: «Прибежал какой-то человек и, стуча деревянными башмаками, пробежал к мечети».

«Офицер, привезший от генерала Козловского известие о выходе к русским Хаджи-Мурата, вошел мимо часовых в широкое крыльцо». Вставлено: «...Усталый, весь черный от пыли, офицер, привезший от генерала Козловского известие о выходе к русским Хаджи-Мурата, разминая ноги вошел мимо часовых в широкое крыльцо»...

«Молодой месяц уже зашел». Вставлено: «Молодой месяц уже зашел за горы».

«Лошади, тяжело дыша, увязали все больше и больше». Вставлено: 1) «Лошади с трудом, с звуком хлопанья вытаскивали ноги из вязкой грязи». 2) «Лошади с звуком хлопанья пробки вытаскивали утопающие выше бабки ноги из вязкой грязи». 3) «Лошади с звуком хлопанья пробки вытаскивали утопающие ноги в вязкой грязи».)

При «отделках» Толстой большое внимание уделял и языку произведения: лаконизму, силе выразительности, точности, но не обращал внимания на отшлифовку, приглаженность, отточенность, благозвучность и словесное единообразие.

В «Хаджи-Мурате» одни и те же слова пишутся и склоняются по-разному: «английский» и «аглицкий»; «кофе» и «кофей»; «ханьша» и «ханша»; «колени» и «колена»; «волосы» и «волоса»; «ребры» и «ребра»; «деревьев» и «дерев»; «из леса» и «из лесу»; «набрал меду» и «набрал меда»; «подсыпал из натруски сухого пороха» и «подсыпал свежего пороху»; «не прошло часу» и «не прошло часа»; «из дому» и «из дома»; «табаку» и «табака»; «Хаджи-Мурат все при-

бавлял ходу», «Хаджи-Мурат продолжал ехать... не уменьшая хода»; «от мала до велика» и «от малого до великого».

Попадают фразы с повторением одних и тех же слов или звуков: «Выздоровев, он послал послов, посланных и к Шамилю, и к русскому генералу».

«Это был тот самый лес, в котором дожидались его его мюриды».

«И широко шагая, поспешно пошел в гостиную...» (четыре звука «ш»).

«Так они бились так долго...»

«Как только стало светать, как к кустам близко подъехал командир милиции...»

Шлифовку языка Толстой издавна называл «авторским кокетством» и в «Хаджи-Мурате» при всей своей упорной работе над произведением не занимался ею. Такой несогласованный деепричастный оборот французской конструкции, как в главе II: «накурившись, между солдатами завязался разговор», во всех вариантах главы оставался нетронутым. Этот неправильный оборот встречается и в других вариантах и главах «Хаджи-Мурата».

«...Размягченный воспоминаниями о своем любимом де-тище, сыне Вали-Магома, вдруг лицо его преобразилось...»

«Увидев Хаджи-Мурата, которого она считала убитым, лицо ее просияло».

«Рассердившись же, все уже, что останавливало его внимание, сердило его».

«Дождаясь выхода императрицы и императора, между прусским посланником и бароном Ливен завязался интересный разговор».

Этот неправильный деепричастный оборот встречается и во многих других произведениях Толстого. Он встречается не только у него, но и у Пушкина, Крылова, Тургенева и других классиков. Воспитанные на французском языке, они считали его вполне законным.

В главе XXV была допущена тавтология: «...слышавшего за собой лошадиный топот коня». В окончательном тексте переправлено: «лошадиный топот кабардинца»*, что одно и то же.

В «Хаджи-Мурате» много обычных для Толстого сдвоенных прилагательных: «грузно-громкие выстрелы», «белокуро-кудрявая», «молочно-белая» и др.

* Кабардинец — кавказская порода лошадей.

В «Хаджи-Мурате» встречаются выражения, имеющиеся лишь в этом произведении. Таково слово «намернулся» (гл. XI), то есть «замахнулся»; в главе XXV — слово «прóезд», — кавалерийское выражение, не объясненное ни в одном из русских толковых словарей, означающее крупный шаг лошади. В особенном смысле употреблен Толстым и союз «и»: «Зимний дворец после пожара был давно уже отстроен, и Николай жил в нем еще в верхнем этаже» (гл. IV). Следовало поставить союз «но». Однако ни в одном варианте Толстой не поставил «но» вместо этого противительного «и», крайне редко употребляемого в русской речи.

В варианте главы о Николае I имеется выражение «ратудатели», характерное для воспитанного немцами Николая. Толстой произвел это выражение от немецких слов «Rath geben» — давать советы.

Словесное мастерство Толстого в «Хаджи-Мурате» заключается и в умении предельно коротко выразить многое.

В варианте 1898 года было написано: «старик держал запряженных буйволов, бившихся уже от мух». Это слово «уже» передает и то, что солнце стояло высоко, и была жара, и надо было бы кончать работу, но рачительному хозяину все не хотелось ее бросать.

В главе XI: «Поев у себя обед, который принесла ему остроносая, черная, неприятная лицом и нелюдимая, но старшая жена его Зайдет, Шамиль пошел в кунацкую». «Но» здесь обозначает то, что хотя Зайдет была некрасива, Шамилю неприятна, однако он по закону Магомета вынужден был принять еду именно от нее, как от старшей жены.

При «отделках» Толстой обращал внимание и на то, чтобы все его персонажи, главные и второстепенные, не только Хаджи-Мурат, говорили своим особенным, характерным для них, языком.

В речь Садо вставляются слова «думать надо», которые никто другой, кроме него, не говорит. Марья Дмитриевна говорит Хаджи-Мурату, что «если он будет отдавать всякому кунаку ту свою вещь, которую кунак этот похвалит, то ему скоро придется ходить, как Адаму...» Так несколько фривольно могла выразиться только Марья Дмитриевна. Иван Матвеевич говорит Бутлеру, нуждавшемуся в деньгах для оплаты карточного долга, только ему одному свойственной манерой: «Я бы дал сейчас, да Машка не даст. Они, эти бабы, очень уж прижимисты, черт их знает. А надо, надо

выкрутиться, черт его возьми. У того черта, у маркитанта, нет ли».

При «отделках» Толстой исправлял и ошибки — переписчиков и свои.

Переписчики, как всегда, делали немало ошибок. В «Репье» было написано: «Эх, лошадь добра под ним,— сказал Ферапонтов,— кабы пока немирной был, ссадил бы его». Дочь Толстого Марья Львовна не поняла слова «немирной и переписала: «Эх, лошадь добра под ним,— сказал Ферапонтов,— кабы пора не мирная была, осадил бы его».

У Толстого в редакции третьей написано: «половина лица у него была отрублена и висела. Он захватил ее рукою и при мне ударил кинжалом Гамзатого брата». Софья Андреевна переписала «...он захватил и ружье и при мне ударил кинжалом Гамзатого брата».

В редакции третьей главы IV: «Хаджи-Мурат на ломаном русском языке говорит о себе: «Хаджи-Мурат — моя — у русских. Шамиль нету. Воронцов надо». С. А. переписала: «Хаджи-Мурат — моя у русских. Хвалить нету. Воронцов надо».

В редакции второй написано: «в сумерках во время третьего намаза въехал только с одним Аслан-беком». Софья Андреевна переписала: «в сумерках на мази въехал только с одним Аслан-беком».

В главе XII у Толстого написано: «Кунак Воронцов мне подарил,— сказал он, улыбаясь от удовольствия,— хороший человек». Д. Б. Никитин переписал: «Кунак Воронцова мне подарил, сказал он, улыбаясь от удовольствия, хорошие часики».

Одну ошибку сделала дочь Толстого в главе XX. У Толстого было: «перенес свое тело на высокое седло и... с тем особенным гордым воинственным видом, с которым сидит горец на лошади...» Дочь переписала: «с тем особенным гордым единственным видом...» Этот случайный образный эпитет печатался впоследствии во всех изданиях «Хаджи-Мурата». Но так как он не был авторизирован Толстым, то нами в каноническом тексте выкинут и заменен эпитетом Толстого.

Большинство ошибок переписчиков Толстой не замечал, кроме самых вопиющих, вроде «на мази» или ошибки Н. Л. Оболенского в главе VIII; у Толстого было: «Старик тяжело бил тяжелой «цепинкой», Оболенский написал: «Старик тяжело бил «тяжелым цепинком». Но слова «це-

пинок» не существует. Крестьяне говорили «цепинка» или «цеп». Толстой после ошибки Оболенского написал «тяжелым цепом».

В главе IX было написано: «Князь Воронцов старался умерить волны лести, которые заливали его». Ю. И. Игумнова переписала: «...старался умерить военные доблести, которые заливали его». Толстой восстановил слова «волны лести». Но так как приставка «до» от слова «добрести» была неясно зачеркнута, то Д. В. Никитин при вторичной переписке вновь поставил: «...старался умерить волны доблести...» Толстой в третий раз пишет: «волны лести».

В некоторых случаях Толстой настойчиво восстанавливал написанное им раньше.

Во второй редакции 1897 года после слов «князь Семен Михайлович Воронцов с женой» было написано «своей знаменитой красавицей женой Марией Васильевной». Переписчик слова «знаменитой красавицей» пропустил. Через шесть лет Толстой вновь вставил в текст: «с женой Марией Васильевной, знаменитой петербургской красавицей».

В главе I было написано: «на конце ее недлинной черной косы». Н. Л. Оболенский переписал: «на конце ее длинной косы». Толстой опять переправил на «недлинную».

В главе VI было написано: «Это что ж,— спросил доктор, указывая на перекрещивающиеся белые рубцы на спине и заду». Дочь Толстого при переписке прилагательное «белые» пропустила. Через полгода, исправляя рукопись, Толстой вновь вставил слово «белые».

В главе XI было написано: «Хаджи-Мурат опустил голову и долго посидел так». Переписчики нескольких копий переписывают «просидел». Толстой всякий раз переправляет на «посидел».

В главе XXIV было написано: «Была уже ночь. Полный месяц светил на белые горы и на камни дороги и на бегущий ручей». Ю. И. Игумнова переписала: «...полный месяц светил на белый город и на камни дороги и на бегущий ручей». Толстой зачеркивает слова: «белый город», но, забыв, что надо бы написать «горы», пишет: «на белые домики».

В главе XVIII было: «Солнце выходило из-за гор и было больно смотреть на белые мазанки на противоположной стороне улицы, но зато, как всегда весело и торжественно смотреть на матовую, теперь белых, цепь громад, как всегда из скромности старавшихся быть похожими на облака».

Переписчица Ю. И. Игумнова, не поняв применения по-

нятия «скромности» к горам, выпустила последние слова. Но Толстой такой деталью одушевления природы дорожил, прибегая к ней и в других своих произведениях.

В его раннем рассказе «Набег» (гл. V) сказано: «белые облака, столпясь около снеговых гор, как будто подражая им, образовывали цепь не менее причудливую и красивую».

В «Войне и мире» (т. 4, ч. 4, гл. IX) сказано: «Звезды, как будто зная, что теперь никто не увидит их, разыгрались в черном небе» и т. д.

Поэтому Толстой восстановил пропущенные Игумновой слова, но вместо слов «из скромности», забытых им, написал: «цепь снеговых гор, как всегда старавшихся притвориться облаками».

Глава XIX

ПОСЛЕДНИЕ ПОПЫТКИ РАБОТЫ

В работе над пятой «отделкой» повести Толстой дошел до главы XV о Николае. Вопреки принятому 18 июня 1903 года решению ограничиться одной этой главой в прежнем ее виде, он теперь снова намеревается дополнить ее. 10 июля 1903 года С. А. Толстая записала в своем дневнике: «Лев Николаевич очень занят историей Николая I и собирает и читает много материалов. Это включится в «Хаджи-Мурата»¹.

Того же 10 июля 1903 года и Толстой заносит в свой Дневник: «Уяснил Николая Павловича»², начинается новая работа о Николае. Текст главы «первой» (XV гл. окончательного текста) соединяется с написанной два месяца назад главою «третьей», что теперь составляет «пятую» главу о Николае I. Вносится сцена встречи Николая с учеником Училища правоведения, вставка о раздражении Николая великой княжной Еленой Павловной и сцена — Николай ночью.

Эти сцены, характеризующие отрицательные черты царя, указывают, что Толстой в «уяснении» образа Николая I пошел опять самостоятельным путем, разойдясь в положительном мнении о нем с А. А. Толстой и Шильдера, влиянию которых подпал было, как об этом писал в письме великому князю Николаю Михайловичу 1 апреля 1903 года³.

На этот раз работа удовлетворила Толстого. Закончив ее, он приступает к «шестой» главе о Николае I. Она должна следовать непосредственно за предыдущей. Глава начинается словами: «В то время, как Николай, сидя в литературной

ложе Большого театра со своей блестящей свитой, любовался в одно и то же время и фрунтовой выдержкой балерин, сразу поднимавших восемьдесят мускулистых, обтянутых трико ног, любовался и самими женскими формами этих балерин — в это самое время сотни, тысячи, десятки тысяч людей — матери, жены, отцы, дети, мучались, неся страшные нравственные и телесные страдания по распоряжению этого одного ужасного человека». Далее глава содержит обличение царствования Николая I. «Томились годами, сходя с ума и умирая от чахотки в казематах крепостей, добрые, образованные, умные, едва ли не лучшие русские люди... Умирали забытые насмерть палками тысячи людей... Гибли сотни тысяч солдат в бессмысленной муштровке... Он, несомненно он, был виновником всего этого...» Затем следует уничтожающая критика династии Романовых.

Вся глава «риторическая», но Толстой пока дорожит ею. В письме к Черткову от 9 августа 1903 года он сообщает: «...много читал, думал и писал в двух главах «Хаджи-Мурата» о Николае Павловиче. Это не кончено, но то, что задумано мною и как задумано, кажется мне, хорошо и важно»⁴.

Однако вскоре Толстой, усомнившись в ценности и этой, «шестой» главы, оставляет ее незаконченной. Он настолько неудовлетворен работой, что и совсем прекращает ее.

В середине августа 1903 года в Ясной Поляне И. В. Денисенко читал вслух «Хаджи-Мурата». Присутствовавший при чтении А. Б. Гольденвейзер рассказывает: «Лев Николаевич сидел у себя, а ему хотелось прийти ко всем. Он несколько раз входил и все говорил: «Это неинтересно, бросьте!» Наконец сказал даже: «Это дрянь!» Тогда М. С. Сухотин спросил его: «Зачем же вы, Лев Николаевич, это писали?..» — «Да ведь это и не готово еще. Вы пришли ко мне на кухню, и неудивительно, что там воняет чадом»⁵.

Но возможно, что все же под влиянием этого чтения Толстой опять стал думать о «Хаджи-Мурате». В Дневнике 27 августа 1903 года у него записано: «Все обдумывал Николая I. Надо кончать, а то загроможждает путь других работ»⁶.

Главы о Николае I «загромождали путь» не только другим работам, но и «отделке» второй половины повести. Закончив пятую «отделку» первых тринадцати глав с тем, чтобы их «больше не трогать», Толстой из-за работы над главами о Николае не приступал к «отделке» остальных, последних одиннадцати глав.

В первой половине сентября 1903 года в Ясной Поляне гостили В. В. Стасов и И. Я. Гинцбург. Гинцбург сообщает: «6 сентября... гуляли днем в парке. Лев Николаевич рассказал сущность содержания «Хаджи-Мурата». Стасов начал зондировать почву, когда будет напечатано. Лев Николаевич, улыбаясь, говорит: «Я столько напечатал глупостей, что надо что-нибудь оставить и после смерти»⁷.

В письме к М. Н. Стасовой от 12 сентября 1903 года, написанном, как педантично указывает Стасов, в 9¹/₂ часов утра, он сообщает, что Толстой только что направился в свой кабинет писать «Хаджи-Мурата»⁸.

Толстой в это посещение Стасова просил его прислать еще материалы о Николае I. Стасов говорит по этому поводу: «...продолжение «Хаджи-Мурата» опять разыгралось у него в воображении»⁹. В чем заключалось это «продолжение», Стасов не указывает, но в Архиве Стасова сохранилась записка Толстого, датированная 14 сентября 1903 года, по которой можно судить, что «продолжение» касалось бы преимущественно главы о Николае I. В записке перечислены книги:

«Герлаха записки, 1827, 28.

Custine, 39.

Гоф-фур. журнал 27 и 28 с дек. 25 по 5 янв. 40-го года, Бородинск, памят. дней 5.

Русская старина с 1894 по 1902 г.

Шильдера — Николай I поздней эпохи.

(Истор. вестник)».

16 сентября 1903 года В. В. Стасов писал Толстому из Петербурга, что посылает ему: 1) «Русскую старину» все годы 1894—1902 гг., 2) Gerlach, Denkwurdigkeiten», 2 тома, 3) Custine, том; «Что же касается камер-фурьерских журналов, то завтра я с утра поеду в Придворный архив и двину дело»¹⁰. В письме от 17 сентября 1903 года Стасов сообщает: «Статьи Шильдера о Николае I (из не первых эпох) еще не можем найти, но вероятно скоро найдем и пошлем»¹¹. В письме от 23 сентября 1903 года В. В. Стасов извещал, что посылает выписки из камер-фурьерских журналов 1827—1928 гг. «Что же касается до выписок из времени Бородинской годовщины, то это немного замедлилось»¹². Относительно последних выписок Толстому писал и заведующий придворным архивом А. В. Половцов, к которому с просьбой Толстого обращался Стасов: «в камер-фурьерском журнале за 1839 г. не имеется данных о выезде Николая I на Бородинские торжества. Это обычный пробел

в камер-фурьерских журналах. Когда царь выезжал из Петербурга, журнал велся лишь на половине императрицы»¹³. Однако для того чтобы у Толстого был какой-либо материал об этом эпизоде, Половцов посылал ему свою статью «Бородинская годовщина», напечатанную в журнале «Царь-колокол» за 1889 год.

Из этого видно, что Толстой теперь хотел ознакомиться с материалами о различных периодах царствования Николая. Его интересует и выезд Николая на Бородинские торжества, происходившие в 1832 году и в позднейшие годы его царствования. Раньше он описывал только один день Николая в 1851 году. Теперь тема в его представлении сильно расширилась.

В письме от 20 сентября 1903 года Толстой благодарил Стасова за высылку книг и писал: «Все, что вы высылаете, то самое, что мне нужно»¹⁴.

Историк С. С. Татищев, узнав от А. С. Суворина о собирании Толстым материалов эпохи Николая, послал ему свои книги: «Внешняя политика императора Николая I» и «Император Николай I и иностранные дворы», за которые Толстой благодарил его письмом от 20 сентября 1903 года.

Узнав от Татищева о собирании Толстым материалов о Николае I, К. А. Военский, в свою очередь, послал Толстому «Записки Вылежинского», редактором которых он состоял.

Насколько тема о Николае захватывала Толстого, можно судить по его ответу К. А. Военскому от 6 октября 1903 года: «Прошу принять мою искреннюю и большую благодарность за ваши книги. Содержание их в высшей степени важно, интересно и для меня особенно нужно»¹⁵.

О количестве собранных Толстым в этот раз исторических материалов дает представление письмо Стасова к П. С. Стасовой из Петербурга от 23 сентября 1903 года: «Со времени приезда сюда я отослал Льву уже 3 больших тюка книг... и еще большую выписку Ремингтоном * из камер-фурьерских журналов»¹⁶.

В течение трех последних месяцев 1903 года Толстой, изучая эти материалы, однако, не принимался ни за «отделку» последних одиннадцати глав «Хаджи-Мурата», ни за главу о Николае, причиной чего была его работа в это время над статьей «О Шекспире» и над рассказом «После бала».

П. А. Сергеев в газете «Русские ведомости» от 11 декабря 1903 года сообщал, что Толстой, однако, «ждет не

* Ремингтон — пишущая машинка.

дождется, когда может опять взяться за «Хаджи-Мурата». Это Толстому удалось лишь в начале 1904 года, о чем И. К. Дитерихс в письме к А. К. Чертковой от 9 февраля 1904 года писал: «Сегодня вечером после обеда Лев Николаевич вычитывал нам очень понравившиеся ему места из сочинения Custine'a, посетившего Россию в царствование императора Николая I и дающего удивительно меткое описание его и русской жизни его времени. Затем он достал оба тома нового сочинения Шильдера «Царствование императора Николая», и мы рассматривали портреты его и его современных деятелей. Л. Н. взялся опять за «Хаджи-Мурата», т. е. он, по-видимому, хочет дополнить уже имеющееся об Николае по новым данным»¹⁷.

В те дни Толстой еще не работал над главой о Николае I, а только изучал материалы. Но две недели спустя после письма Дитерихса в Дневнике Толстого под 25 февраля 1904 года записано: «Нынче поправил Николая Павловича в Хаджи-Мурате и бросил. Если будет время, то напишу отдельно о Николае»¹⁸.

В этот раз решение, принятое девять месяцев назад о том, чтобы оставить в повести только одну главу (XV) о Николае, а остальные главы исключить или сделать из них самостоятельное произведение, стало окончательным. Эти главы заняли бы в повести слишком большое место в ущерб общей композиции.

В главе XV Толстой в этот раз выпустил «шутку Ростопчина» о Чернышеве, нарушавшую общий «тон» произведения, и сцену приема Блудова, слишком пространную для данной главы. Кроме того, были сделаны некоторые стилистические исправления и вставлена деталь о жене Николая I. Раньше было сказано: «вошла императрица», теперь стало: «вошла императрица со своей трясущейся головой». Эта деталь заимствована из книги Кюстина. После этого Толстой никогда больше не возвращался к работе над главой о Николае I. Как сообщает А. Ф. Кони, читавший «Хаджи-Мурата» во время своего пребывания в Ясной Поляне 1—4 апреля 1904 года, «Толстой считал главу о Николае Павловиче неоконченной и даже хотел вовсе ее уничтожить, опасаясь, что внес в описание нелюбимого им императора много субъективного в ущерб спокойному беспристрастию»¹⁹.

Толстой просил Кони при чтении этой главы сделать свои замечания. Кони собирал в то время материалы для своей книги о великой княгине Елене Павловне и изучал

придворный быт 50-х годов. После своего отъезда из Ясной Поляны он писал Толстому 21 апреля 1904 года: «Оказалось, что из двух моих фактических замечаний на вашего берущего за сердце «Хаджи-Мурата» одно оказалось неверным. Действительно в. к. Елена Павловна могла приехать с красным лакеем. Лакеи в. княгинь носят также красную ливрею, но лишь шляпу надевают поперек головы, а не вдоль, но треугольные шляпы генералов отменены 9 мая 1844 года и заменены касками, так что в описываемое время Чернышев уже не мог надевать шляпы с петушиными перьями»²⁰.

На это Толстой отвечал Кони 1 мая 1904 года: «особенно тронула меня ваша заботливость о таких пустяках, как подробности одежды при Николае. Жена утверждает, что она помнит плюмажи в 50-х годах. Может быть, они оставались у генералов, а государь уже не носил их. Постараюсь при случае справиться по портретам Николая 50-х годов»²¹.

Толстой назвал указания Кони «пустяками», но он сам придавал большое значение всем художественным деталям и реалистической точности в своих исторических произведениях²².

В дневниковой записи Толстого от 7 мая 1904 года отмечено, что у него возникла мысль написать произведение о Николае и декабристах и он читает о них «много хорошего»²³.

Этот замысел, как и рассказ «После бала», несомненно зародился в связи с «Хаджи-Муратом». О своем новом замысле Толстой сообщал Стасову в письме от 8 мая 1904 года: «...занят Николаем I и вообще деспотизмом, психологией деспотизма, которую хотелось бы художественно изобразить в связи с декабристами»²⁴.

Тема деспотизма, не воплощенная в «Хаджи-Мурате», углубляется и привлекает Толстого. Через семнадцать дней Толстой записывает в Дневнике 24 мая 1904 года: «Все читаю Декабристов и Николая. Очень казалось бы нужно»²⁵.

Но 7 июля 1904 года он сказал посетившему его С. Т. Семенову, что к художественным произведениям он, вероятно, больше не возвратится, «но если умрет, не поправивши такие вещи, как «Хаджи-Мурат» и «Отец Сергей», то они ничего от этого не потеряют»²⁶.

Через полгода после этого разговора 19 декабря 1904 года Д. П. Маковицкий, однако, записал в своем дневнике о том, что «Лев Николаевич усиленно работал: поправлял Хаджи-Мурата (его воспоминания о своем сыне Юсуфе)»²⁷.

Толстой исправил главу XXIII, внес в нее ряд вставок и стилистических исправлений и выкинул из воспоминаний Хаджи-Мурата сцену восхождения его сына Юсуфа на гору с соколом на плече, слишком пространную в данном месте и ослаблявшую общее впечатление от главы. Над другими главами Толстой не работал. Объяснить сделанное им в отношении XXIII главы исключение можно лишь тем, что он по какому-то поводу, случайно вспомнив сцену восхождения Юсуфа на гору с соколом, решил, что она в этой главе излишня. Он и захотел ее тотчас выпустить, так как вообще не любил ничего откладывать. Попутно он исправил и весь остальной текст главы.

Запись Д. П. Маковицкого 19 декабря 1904 года — последнее свидетельство о работе Толстого над повестью. Больше он к ней не возвращался.

Горький говорил: «Разве можно написать «Хаджи-Мурата» лучше? Нам кажется — нет. Толстому казалось — можно»²⁸.

Хотя Толстой после 19 декабря 1904 года к работе над «Хаджи-Муратом» не приступал, однако интерес к этому его «излюбленному», по выражению Софьи Андреевны, произведению не исчезал у него до конца его жизни. 27 января 1905 года он продиктовал С. А. Толстой, очевидно по ее просьбе, краткую заметку о последних годах жизни Хаджи-Мурата²⁹.

К 1906 году относится сообщение П. И. Бирюкова: «Мне помнится, как уже в последние годы его жизни, когда я собирал биографический материал и обращался к нему за разъяснениями, я попросил его припомнить обстоятельства его последнего путешествия в Оптину пустынь. Я знал, что он тогда гостил у своей сестры в Шамординском монастыре, и я спросил его, чем он был тогда занят.

Совсем сконфузившись, шепотом, чтобы никто не слышал, приблизившись ко мне и вместе с тем с заблестевшими глазами, он сказал: «Я писал «Хаджи-Мурата». Это было сказано тем тоном (простите за вульгарное выражение), каким школьник рассказывает своему товарищу, что он съел пирожное. Он вспоминает испытанное наслаждение и стыдится признаться в нем. Конечно, он оставался великим художником до конца дней своих»³⁰.

13 марта 1908 года великий князь Николай Михайлович писал Толстому:

«На свой страх, никого не спрося, я посылаю вам копии писем императора Николая I от 12 и 13 июля 1826 года,

т. е. накануне и в день казни пяти декабристов. Эти письма очень характерны, но прошу вас убедительно *que le tout reste entre nous* *, так как я все это сделал на свой риск, любя вас.

Оригиналы писем находятся в собственной его величества библиотеке, и копии снял библиотекарь государя — Вас. Вас. Щеглов. Они писаны к матери, которая, вернувшись из Белева, ожидала в Москве приезда сына на коронацию. Если вы закончите «Хаджи-Мурата», то для характеристики Николая I письма эти очень важны и ценны. Не забудьте меня, когда кончите это произведение, и дайте прочесть мне хоть в рукописи ваш роман. От души обнимаю вас. Сердечно любящий Ваш Николай» ³¹.

К этому письму Николая Михайловича были приложены копии писем Николая I на французском языке к его матери, которые могли только еще более убедить Толстого в правильности его отрицательного отношения к личности Николая I. Считаясь с просьбою Николая Михайловича о сохранении этих писем в тайне, Толстой не присоединил их к общим рукописям «Хаджи-Мурата», где они могли бы стать доступными другим, а хранил их особо, как секретные документы, и они стали известны лишь много лет спустя после его смерти.

Для «Хаджи-Мурата» этих писем Толстой не использовал, так как не вернулся к работе над повестью. Но судя по тому, что хранил их, очевидно, считал их ценными и предполагал когда-нибудь употребить в дело.

В феврале 1909 года Толстой получил из Тифлиса от С. Н. Шульгина карточку Хаджи-Мурата с следующей надписью: «Лев Николаевич! Я имел редкое счастье внести свою долю труда по собиранию понадобившихся вам сведений о наибе Хаджи-Мурате (в 1902 г.). Не будучи уверен, что вы имеете его изображение, я решаюсь предложить вам прилагаемый при сем портрет Хаджи-Мурата, снятый мною с очень редкого издания («Русский художественный листок», 1858, № 32). Будьте счастливы и здоровы на многие годы. С. Шульгин, 5 февраля 1909 г.»

Этот портрет Толстой видел давно в журнале «Русская старина» за 1881 г., № 3, при «Материалах» Зиссермана. Неизвестно, ответил ли Толстой Шульгину на письмо, но карточку приложил к рукописям «Хаджи-Мурата».

В декабре 1909 года С. Н. Шульгин прислал Толстому «Сборник материалов для описания местностей и племен

* чтобы все осталось между нами (франц.).

Кавказа» (Тифлис, 1909) со своей статьей «Предание о шамилевском наибе Хаджи-Мурате». На этом издании рукою Д. П. Маковицкого написано: «Лев Николаевич прочел 31. XII. 1909 г. и рассказал» (хранится в библиотеке Ясной Поляны).

Из того, что Толстой не только прочел эту статью Шульгина, но и сообщил ее содержание другим, видно, что и через семь лет после написания повести у него сохранялся интерес к «Хаджи-Мурату». О чтении Толстым этой статьи С. Н. Шульгин пишет: «В начале января настоящего (1910) года я получил письмо от друга Льва Николаевича доктора Д. П. Маковицкого, в котором сообщалось, что Л. Н. «прочел мое предание о Хаджи-Мурате, сказал домашним и гостям, что нашел его согласным с тем, как ему некогда рассказывали и как сам он описывал в своей неизданной повести»³².

За четыре месяца до своей смерти Толстой вторично получил от С. Н. Шульгина ту же статью, напечатанную отдельной брошюрой под заглавием «Из дагестанских преданий о Шамиле и его сподвижниках» (Тифлис, 1910), с надписью: «гр. Льву Николаевичу Толстому в знак глубокого почтения от автора. Июль 1910». Брошюра вновь заинтересовала Толстого, о чем можно судить по тому, что она была им разрезана (хранится в библиотеке Ясной Поляны).

Возможно, что Толстого не покидала мысль при случае вновь вернуться к работе над повестью. Этот вывод можно сделать из того, что он постоянно держал при себе ее рукопись. В особом перечне его произведений, названном: «Список всего, что находится у Л. Н. Толстого в письменных столах», и составленном в августе 1906 года его дочерью М. Л. Оболенской, значится и «Хаджи-Мурат». Рукопись повести Толстой держал при себе вплоть до 28 октября 1910 года, когда ночью, покидая Ясную Поляну, передал ее дочери для Черткова в числе других своих бумаг. Разобрать эти бумаги было поручено мне, и я обнаружил в них полный экземпляр повести, переписанный шесть лет назад.

Такова история создания «Хаджи-Мурата». Благодаря обилию сохранившихся материалов она, как может судить читатель, представлена с наивозможной полнотой.

История создания «Хаджи-Мурата» — яркий образец труда Толстого, по ней можно судить об его общих творческих процессах.

ЧАСТЬ II

ИСТОЧНИКИ «ХАДЖИ-МУРАТА»

ВВОДНАЯ ЗАМЕТКА

В письме к И. И. Карганову от 25 декабря 1902 года Толстой о своей работе над «Хаджи-Муратом» говорит: «...когда я пишу историческое, я люблю до мельчайших подробностей быть верным действительности». Эти слова отнесены Толстым ко всем своим историческим произведениям, в том числе и к «Войне и миру». Вследствие его строгой требовательности к себе в точной передаче минувшей действительности, он при создании исторических произведений всегда тщательным образом изучал огромное количество источников, относившихся к воспроизводимому им прошлому. Так было в период писания «Войны и мира». «Декабристов». Так обстояло и в период работы над «Хаджи-Муратом». Но, казалось бы, в этот раз он мог обойтись без подробного изучения источников, ибо отлично знал эпоху Хаджи-Мурата, находясь в последний год жизни своего героя на Кавказе, когда много наблюдал горцев, встречался с упоминаемыми в его повести лицами, участвовал в некоторых событиях. К тому же в первый период своей литературной деятельности уже написал несколько кавказских произведений из той же эпохи, с обычным для него глубоким знанием предмета («Набег», «Рубка леса», «Разжалованный», «Казак», «Кавказский пленник»).

Тем не менее, задумав писать «Хаджи-Мурата», Толстой, как и прежде, принялся за обстоятельное штудирование источников и изучал их на протяжении всей своей шестилетней работы над повестью.

Нижеприводимый список, состоящий из 172-х наименований, дает ясное представление о его огромном научно-исследовательском труде в связи с «Хаджи-Муратом».

Стасов в письме от 7 декабря 1902 года сообщал: «Это составляет один пуд». В письме от 3 сентября 1902 года Стасов спрашивал: «...было ли уже у вас в руках громад-

ное издание, напечатанное в Тифлисе, под названием: «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией? Это 12 или 13 томов колоссального размера и страниц по 900 в каждом, весом, я думаю, по 1/2 пуда каждый том»¹.

Если по Стасову перевести на «пуды» имевшиеся в руках Толстого все источники по «Хаджи-Мурату», то, вероятно, их оказалось бы не менее пудов ста, так как, судя по письмам к нему Стасова, Бартенева, Дунаева и других, одни только исторические журналы («Русская старина», «Русский архив», «Исторический вестник») были просмотрены им за все годы их существования, что составило 1098 книг. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» состоял из 40 томов, «Кавказский сборник» из 10 томов, «Сборник сведений о кавказских горцах» из 9-ти, сочинения Лакруа, Щербатова были в 6-ти томах, ряд других изданий в 5-ти, 3-х, 2-х томах. Таким образом, отдельных книг в связи с «Хаджи-Муратом» прошло через руки Толстого около полутора тысяч, число же статей в этих книгах, а также в газетах, сводах законов и пр., им просмотренных, вероятно, равно тысячам десяти.

Не было ни одного вопроса по Кавказу, которым Толстой не интересовался бы в период своей работы над «Хаджи-Муратом». География, этнография, археология, экономика, фольклор, история и т. д. были им исследованы, что видно из нижеприводимого списка источников. Однако и этот список не может считаться исчерпывающим, так как в него не вошли публикации, относительно чтения которых Толстым у нас не было бесспорных доказательств.

В список вошли лишь те источники, которые не вызывали сомнения в том, что они находились у Толстого. В скобках указано, на основании каких данных они приведены. Но один источник, относительно которого не было никаких доказательств, мы все же приводим. Это V выпуск «Сборника сведений о кавказских горцах». В письме к Стасову от 9 марта 1903 года Толстой писал: «...у меня есть VI томов этого сборника, и я брал из Румянцевского музея VII и VIII и кажется IX»². Но Толстой за давностью лет ошибся. VII том ему не надо было доставать, так как этот том всегда имелся в его собственной библиотеке. Скорее всего он брал из Румянцевского музея, наряду с другими томами, V том, которого не хватало в его экземпляре «Сборника». На основании этого мы считаем, что V том этого издания тоже являлся источником «Хаджи-Мурата».

К нашему списку присоединен список и тех книг, которые были получены Толстым уже после написания «Хаджи-Мурата». Часть из них не была им прочитана, а другие книги прочитаны, как «Записки» Якушкина, Трубецкого, Оболенского, статья Шингарева и письма Николая I. Это указывает на то, что тема «Хаджи-Мурата» продолжала интересовать его.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ «ХАДЖИ-МУРАТА»,
ИСПОЛЬЗОВАННЫХ И НЕ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ТОЛСТЫМ

1. Религиозные верования абхазцев.— «Сборник сведений о кавказских горцах», 1871, вып. V (см. здесь, ч. II, вводная заметка).

2. Абдулаев Б. Аварские сказки.— «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Тифлис, 1892, вып. IV (письмо Т. Л. Толстой к Стасову 4 января 1897 г.; письмо Стасова к Толстому 10 января 1897 г.).

3. Адрес-календарь. Спб., 1851—1852 (письмо В. Стасова к Толстому 7 декабря 1902 г.).

4. Чиркеевский Айдемир. Народные сказания кавказских горцев.— «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис, 1869, вып. II (Б-ка Толстого).

5. Материалы для истории Дагестана.— Казикумухские и кюринские ханы.— Там же (Б-ка Толстого, с его пометами).

6. Предания адаевцев.— Там же, 1873, вып. VII (Б-ка Толстого).

7. Сказки мангышлакских туркмен.— Там же, 1875, вып. VIII (письмо Толстого к Стасову 9 марта 1903 г.).

8. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1885, том X («Настольный календарь». 20 декабря 1902 г.).

9. Альбомы типов и видов кавказских (письмо Г. А. Жаншиева к Толстому 17 марта 1897 г.).

10. Амиров Гаджи-Мурад. Среди горцев Северного Дагестана (этнографические очерки).— «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис, 1873, вып. VII (Б-ка Толстого, с его пометами).

11. Андреев А. И. По лесбям Дагестана.— Журн. «Исторический вестник», 1899, № 10.

12. Архив князя Воронцова. М., 1875, т. IX; М., 1877, т. XI (письмо Стасова к Толстому 4 ноября 1902 г.).

13. Архив князя Воронцова. М., 1877, т. XII (Б-ка Толстого).

14. А х р и е в, Ч а х. Из чеченских сказаний.— «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис, 1871, вып. V (см. здесь, ч. II, вводная заметка).

15. А х р и е в, Ч а х. Ингушские праздники.— Т а м ж е, 1871, вып. V.

16. А х р и е в, Ч а х. Ингуши (их предания, верования и поверья).— Т а м ж е, 1875, вып. VIII (письмо Толстого к Стасову 9 марта 1903 г.).

17. А х р и е в, Ч а х. Несколько слов о героях в ингушевских сказаниях.— Т а м ж е, 1870, вып. IV (Б-ка Толстого, с его пометами).

18. А х р и е в, Ч а х. Похороны и поминки у горцев.— Т а м ж е, 1870, вып. III (Б-ка Толстого).

19. Aus der Petersburger Gesellschaft. Berlin, 1880—1881, 2 тома (письмо В. В. Стасова к Толстому 11 января 1903 г.).

20. Б а б а е в Д. Селение Ахты.— «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Тифлис, 1893, вып. 17 (письмо Т. Л. Толстой к Стасову 4 января 1897 г.; письмо Стасова к Толстому 10 января 1897 г.).

21. Б а з о р к и н А с л а м б е к. Горское паломничество.— «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис, 1875, вып. VIII (письмо Толстого к Стасову 9 марта 1903 г.).

22. Б а р с о в А. Дагестанские сказки.— Т а м ж е, 1882, вып. 2 (письмо Т. Л. Толстой к Стасову 4 января 1897 г.; письмо Стасова к Толстому 10 января 1897 г.).

23. Б а р с о в А. Предания о некоторых местностях Дагестана.— Т а м ж е, 1882, вып. 2 (письмо Т. Л. Толстой к Стасову 4 января 1897 г.; письмо Стасова к Толстому 10 января 1897 г.).

24. Б е ж а н о в М. Краткие сведения о селении Варташен и его жителях.— Т а м ж е, 1892, вып. 14 (письмо Т. Л. Толстой к Стасову 4 января 1897 г.; письмо Стасова к Толстому 10 января 1897 г.).

25. Б е ж а н о в М. Рустам (удинская сказка).— «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Тифлис, 1888, вып. 6 (письмо Т. Л. Толстой к Стасову 4 января 1897 г.; письмо Стасова к Толстому 10 января 1897 г.).

26. Б е н к е н д о р ф А. Х. Из записок.— «Исторический вестник», 1903, январь — февраль (письмо М. М. Кантакузена к Толстому 10 июня 1903 г.).

27. Берже А. И. Краткий обзор горских племен на Кавказе.— «Кавказский календарь» на 1858 г. Тифлис, 1859 (см. здесь, ч. I, гл. IV).

28. Bernhardi — Unter Nicolaus I, Leipzig, 1899 (письмо Стасова к Толстому 11, 23 января 1903 г.).

29. Богуславский. Записки («Исторические рассказы и анекдоты»).— «Русская старина», 1879, сентябрь—ноябрь (письмо Стасова к Толстому 23 января, 16 сентября 1903 г.).

30. Булгаков А. Я. Из писем к брату.— «Русский архив», 1899, кн. I. Из писем к брату.— «Русский архив», 1900, кн. II (письмо П. И. Бартенева к Толстому 31 августа 1902 г.).

31. Вердеревский Е. А. Плен у Шамиля. Спб., 1856 (Б-ка Толстого, с его пометами).

32. Вилльерде Лиль-Адам. Две недели в Даргинском округе.— «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис, 1875, вып. VIII (письмо Толстого к Стасову 9 марта 1902 г.).

33. Воронов Н. И. Из путешествия по Дагестану — Там же, 1870, 1878, вып. I, III (Б-ка Толстого, с его пометами).

34. Воронцов М. С., Ермолов А. И. Переписка.— «Русский архив», 1888—1890 (письмо Бартенева к Толстому 18 сентября 1902 г.).

35. Вылежинский Фадей. Записки. Спб., 1903 г. (письмо Кантакузена к Толстому 10 июня 1903 г.).

36. Гаврилов П. А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа.— «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис, 1869, вып. II (Б-ка Толстого).

37. Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле.— Там же, 1873, вып. VII (Б-ка Толстого, с его пометами).

38. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин.— Там же, 1876, вып. IX (письмо Толстого к Стасову 9 марта 1903 г.).

39. Географические карты Чечни и Дагестана (письмо Толстого к Стасову 31 июля 1902 г.).

40. Gerlach, Leopold.— «Denkwürdigkeiten aus dem Leben». Berlin, 1891, 2 тома (письмо В. В. Стасова к Толстому 16 сентября 1903 г.).

41. Грабовский Н. Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи).— «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис,

1876, вып. IX (письмо Толстого к Стасову 9 марта 1903 г.).

42. Грабовский Н. Ф. Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе.— Там же, 1870, вып. IV (Б-ка Толстого).

43. Грабовский Н. Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость.— Там же, 1876, вып. IX (письмо Толстого к Стасову 9 марта 1903 г.).

44. Грабовский Н. Ф. Свадьба в горских обществах Кабардинского округа.— Там же, 1869, вып. II (Б-ка Толстого).

45. Грабовский Н. Ф. Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа.— Там же, 1870, вып. III (Б-ка Толстого).

46. Григорашвили Л., Коптелов М., Азатов А., Семенов Е. Промысловые занятия в некоторых населенных пунктах Закавказья. Дагестанская область.— «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Тифлис, 1891, вып. II (письмо Т. Л. Толстой к Стасову 4 января 1897 г.; письмо Стасова к Толстому 10 января 1897 г.).

47. Далгат Б. 12 Цудахарских песен.— Там же, 1892, вып. 14 (письмо Т. Л. Толстой к Стасову 4 января 1897; письмо Стасова к Толстому 10 января 1897 г.).

48. Дебиров Гаджи-Магома. Дагестанские предания и суеверия.— Там же, 1884, вып. 4 (письмо Т. Л. Толстой к Стасову 4 января 1897 г.).

49. Джемалэдин Казикумухский. Абадуль-Марзия (Правила достойных приличий). Учение о тарикате.— «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис, 1869, вып. II (Б-ка Толстого, с его пометами).

50. Дондуков-Корсаков А. М. Воспоминания.— «Старина и новизна», Спб., 1902, кн. V.

51. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе 1885—1886. 6 томов (см. здесь, ч. I, гл. IV).

52. Захарьин-Якунин И. Н. Поездка к Шамилю в Калугу в 1860 г.— «Вестник Европы», 1898, август (письмо Захарьина-Якунина к Толстому 5 декабря 1899 г.).

53. Здекауер Н. Ф. Императорская Спб. медико-хирургическая академия в 1833—1863 гг.— «Русская старина», 1891, апрель.

54. Зиссерман А. Л. Генерал-фельдмаршал князь А. И. Барятинский. 1889—1890 г. 3 тома.

55. Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Спб., 1879—1884. 2 тома (Б-ка Толстого, с его пометами).

56. Зиссерман А. Л. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя А. И. Барятинского полка. Спб., 1881. 3 тома (Б-ка Толстого, с его пометами).

57. Зиссерман А. Л. Хаджи-Мурат. Письма о нем кн. М. С. Воронцова и рассказы кавказцев.— «Русская старина», 1881, № 3.

58. Зотов Р. Исторические очерки царствования императора Николая I. Спб., 1859 (Б-ка Толстого).

59. Ипполитов А. П. Учение «Зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе.— «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис, 1869, вып. II (Б-ка Толстого, с его пометами).

60. Ипполитов А. П. Этнография Аргунского округа.— Там же, 1868, вып. I (Б-ка Толстого, с его пометами).

61. «Кавказ», газета 1852 г., № 12 (письмо Стасова к Толстому 21 августа 1902 г.).

62. «Кавказский сборник». Тифлис, 1875—1886. I—X тт. (письмо В. В. Стасова к Толстому 10 марта 1903 г.).

63. Казбек Г. Н. Куринцы в Чечне и Дагестане. Тифлис, 1885.

64. Камер-фурьерский журнал, 1827—1828, 1839, 1851—1852 гг. (рукопись) (письма Стасова к Толстому 11 января 1903 г., 23 сентября 1903 г.; письмо Половцова при письме Стасова 3 октября 1903 г.).

65. Кануков Инал. В осетинском ауле.— «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис, 1875, вып. VIII (письмо Толстого к Стасову 9 марта 1903 г.).

66. Кануков Инал. Горцы-переселенцы.— Там же, 1876, вып. IX (письмо Толстого к Стасову 9 марта 1903 г.).

67. Каранайлов Омар. Аул Чох.— «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Тифлис, 1884, вып. 4 (письмо Т. Л. Толстой к Стасову 4 января 1897 г.; письмо Стасова к Толстому 10 января 1897 г.).

68. Карганова А. А. Воспоминания о Хаджи-Мурате (рукопись) (использовано для «Хаджи-Мурата»).

69. Киселев П. Д. Записки (рукопись, выпущенные места) (письмо А. А. Толстой к Толстому 21 сентября 1903 г.).

70. Клюки фон Клюгенау Ф. А. Записки.— «Русская старина», 1876, т. XVI (письмо Сильчевского к Толстому 25 октября 1902 г.).

71. Козубский Е. Очерки истории гор. Темир-Хан-Шуры.— «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Тифлис, 1894, вып. 19 (письмо Т. Л. Толстой к Стасову 4 января 1897; письмо Стасова к Толстому 10 января 1897 г.).

72. Коф Н. А. «Русская старина», 1884, кн. 3, 4, 5 (письмо Бартенева к Толстому 31 августа 1902 г.).

73. Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним.— «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис, 1868, вып. I (Б-ка Толстого).

74. Кривенко В. С. Очерки Кавказа. Спб., 1893 (Б-ка Толстого).

75. Custine, marquis de. «La Russie en 1839». Paris, 1843 г., 2 тома (письмо И. К. Дитерихса к А. К. Чертковой 9 февраля 1904 г.).

76. Лакруа Поль. История жизни и царствования Николая I—императора Всероссийского (русский перевод). М., 1877—1878, 2 тома (Б-ка Толстого).

77. Лаудаев Умалат. Чеченское племя.— «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис, 1872, вып. VI (Б-ка Толстого, с его пометами).

78. Линевич И. П. Бывшее Елисуйское султанство.— Там же, 1873, вып. VII (Б-ка Толстого).

79. Леонидзе и Султанов Б. Кюринские тексты.— «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Тифлис, 1892, вып. 14 (письмо Т. Л. Толстой к Стасову 4 января 1897 г.; письмо Стасова к Толстому 10 января 1897 г.).

80. Львов Н. Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев.— «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис, 1870, вып. III (Б-ка Толстого, с его пометами).

81. Магомедханов Мугеддин. Истинные и ложные последователи тариката.— Там же, 1870, вып. IV (Б-ка Толстого, с его пометами).

82. Мамедов А., Ханагов Л. Из дагестанских нравов.— «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Тифлис, 1892, вып. 13 (письмо Т. Л. Толстой к Стасову 4 января 1897 г.; письмо Стасова к Толстому 10 января 1897 г.).

83. Мандт М. И. Записки (рукопись) (письмо А. Л. Толстой к Толстому 21 сентября 1903 г.).

84. Марков Е. Л. Очерки Кавказа. М., 1887 (письмо Т. Л. Толстой к Толстому 29 ноября 1897 г.).

85. Марлинский А. А. Аммалат-Бек.— Собр. соч., Спб., ч. V (см. здесь, ч. I, гл. VII).

86. Марлинский А. А. Мулла-Нур.— Собр. соч., 1847, ч. IX (письмо Т. Л. Толстой к Толстому 29 ноября 1897 г.).

87. Мордовцев Д. Л. Кавказский герой.— Сб. «Были и рассказы». Спб., 1894 (использовано для «Хаджи-Мурата»).

88. «Московские ведомости», 1851—1852 гг. (письмо Стасова к Толстому 7 декабря 1902 г.).

89. Муравьев-Карский Н. Н. Записки.— «Русский архив», 1889, кн. I (Дневник. 24 марта 1889 г. Использовано для «Хаджи-Мурата»).

90. Мухамед-Рафи. Извлечение из истории Дагестана.— «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис, 1871, вып. V.

91. Надеждин И. И. Кавказский край, природа и люди. Тула, 1895 (письмо Т. Л. Толстой к Толстому 29 ноября 1897 г.).

92. Народные сказания кавказских горцев (Аварские народные сказания).— «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис, 1869, вып. II (Б-ка Толстого, с его пометами).

93. О самоубийствах в Дагестанской области.— Там же, 1872, вып. VI (Б-ка Толстого).

94. Состав населения Дагестанской области.— Там же, 1875, вып. VIII (письмо Толстого к Стасову 9 марта 1903 г.).

95. Неверовский А. Истребление аварских ханов. Спб., 1848 (письмо Т. Л. Толстой к Стасову 4 января 1897 г.).

96. Неверовский А. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. Спб., 1847.— Там же.

97. Неверовский А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. Спб., 1848.— Там же.

98. Неизвестный автор. Абхазцы.— «Сборник сведений о кавказских горцах». 1872, вып. VI (Б-ка Толстого).

99. Неизвестный автор. Адаты Даргинских обществ.— Там же, Тифлис, 1873, вып. VII (Б-ка Толстого).

100. Неизвестный автор. Адаты жителей Кумыкской плоскости.— Там же, 1872, вып. VI (Б-ка Толстого).

101. Неизвестный автор. Адаты южно-дагестанских обществ.— Там же, 1875, вып. VIII (письмо Толстого к Стасову 9 марта 1903 г.).

102. Неизвестный автор. Государь Николай Павлович.— «Русский архив», 1881, кн. 2 (использовано для «Хаджи-Мурата»).

103. Неизвестный автор. Из городской криминалистики.— «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис, 1870, вып. III (Б-ка Толстого, с его пометами).

104. Неизвестный автор. Из городской криминалистики.— Там же, 1870, вып. IV (Б-ка Толстого, с его пометами).

105. Неизвестный автор. Из Кабардинских сказаний.— Там же, 1871, вып. V.

106. Неизвестный автор. Императоры Александр I и Николай I и их эпохи.— «Русская старина», 1883, декабрь (использовано для «Хаджи-Мурата»).

107. Неизвестный автор. Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками. Спб., 1841, 3 тома (Б-ка Толстого).

108. Неизвестный автор. Кабардинские сказки.— «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис, 1872, вып. VI (Б-ка Толстого).

109. Неизвестный автор. Казикумухские (лакские) народные сказания.— Там же, 1868, вып. I (Б-ка Толстого, с его пометами).

110. Неизвестный автор. Материалы для истории Дагестана. Мехтулинские ханы.— Там же, 1869, вып. II (Б-ка Толстого, с его пометами. Использовано для «Хаджи-Мурата»).

111. Неизвестный автор. Народные сказания кавказских горцев. Кабардинская старина.— Там же, 1872, вып. VI (Б-ка Толстого, с его пометами).

112. Неизвестный автор. Несколько данных для определения экономического быта жителей Елисуйского наместничества.— Там же, 1872, вып. VII (Б-ка Толстого).

113. Неизвестный автор. Несколько слов о применении народных обычаев к судопроизводству Абхазии.— Там же, 1870, вып. IV (Б-ка Толстого).

114. Неизвестный автор. Низам Шамиля.— Там же, 1870, вып. III (Б-ка Толстого).

115. Неизвестный автор. Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани.— Там же, 1870, вып. III (Б-ка Толстого).

116. Неизвестный автор. Привилегированные сословия Кабардинского округа.— Там же, 1870, вып. III (Б-ка Толстого).

117. Неизвестный автор. Тарикатские легенды, поучения и письма.— Там же, 1869, вып. II (Б-ка Толстого, с его пометами).

118. Неизвестный автор. Тяжелые времена (из воспоминаний доктора).— «Исторический вестник», 1884, май (использовано для «Хаджи-Мурата»).

119. Неизвестный автор. Чеченские сказки, басни и половицы.— «Сборник сведений о кавказских горцах», 1870, вып. IV (Б-ка Толстого).

120. Неизвестный автор. Шамиль и Чечня.— «Военный сборник», 1859, т. IX (использовано для «Хаджи-Мурата»).

121. Неизвестный автор. Шахмалы Тарковские.— Там же, 1868, вып. I (Б-ка Толстого).

122. Неизвестный автор. Цензура в царствование императора Николая I.— «Русская старина», 1903, февраль, октябрь, декабрь (Б-ка Толстого).

123. Огарков В. В. Воронцовы, их жизнь и общественная деятельность. Спб., 1892 (Б-ка Толстого).

124. Омаров Абдулла. Воспоминания муталима.— «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис, 1868—1869, вып. I—II (Б-ка Толстого, с его пометами).

125. Омаров Абдулла. Как живут лаки.— Там же, 1870, вып. III—IV (Б-ка Толстого, с его пометами).

126. Осетров З. Б. «Хаджи-Мурат». Комическая опера в 3-х действиях. Литографическое издание. Театр.— Б-ка Разсохина, 1895 (находится в черновых рукописях «Хаджи-Мурата»).

127. П. У. Император Николай I. Историческая характеристика.— «Исторический вестник», 1903, сентябрь — ноябрь (Б-ка Толстого).

128. Пантюхов И. И. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1899 (Б-ка Толстого).

129. «Петербургские ведомости», 1851—1852 гг. (письмо Стасова к Толстому 15 октября 1903 г.).

130. Петрусович Н. Г. Заметка о карачаевских адатах по долговым обязательствам.— «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис, 1870, вып. IV (Б-ка Толстого).

131. Половцов А. В. Бородинская годовщина.— Календарь-альманах «Царь-колокол». Спб., 1889 (письмо Стасова к Толстому 3 октября 1903 г.).

132. Полторацкий В. А.— «Исторический вестник», 1893, январь — май (использовано для «Хаджи-Мурата»).

133. Попов И. М. Ичкерия (Историко-топографический

очерк).— «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис, 1870, вып. IV (Б-ка Толстого, с его пометами).

134. Потто В. А. Вступительная глава к истории Дагестанского конно-иррегулярного полка (рукопись) (Б-ка Толстого. «Материалы к «Хаджи-Мурату»).

135. Потто В. А. Гаджи-Мурат.— «Военный сборник», 1870, № 11 (использовано для «Хаджи-Мурата»).

136. Прушановский штабс-капитан ген. штаба. Выписки из путевого журнала «Сосны» в 1841 г. (рукопись). (Б-ка Толстого. «Материалы к «Хаджи-Мурату»).

137. П. У. Кое-что о словесных произведениях горцев.— «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис, 1868, вып. I (Б-ка Толстого, с его пометами).

138. П. У. Начало христианства в Закавказье и на Кавказе.— Там же, 1869, вып. II (Б-ка Толстого).

139. П. У. О распространении грамотности между горцами.— Там же. 1870, вып. III (Б-ка Толстого).

140. Пфаф В. Б. Материалы для истории осетин.— Там же, 1871, вып. V.

141. Руновский А. И. Записка о Шамиле пристава при военнопленном. Спб., 1860 (Б-ка Толстого).

142. Руновский А. И. Кодекс Шамиля.— «Военный сборник», 1862 (использовано для «Хаджи-Мурата»).

143. Руновский А. И. Шамиль.— «Кавказский календарь» на 1861 год. Тифлис, 1860 (письмо Т. Л. Толстой к Стасову 4 января 1897 г.).

144. Свод законов Российской империи 1892 г. Спб., 1857 (письмо Толстого к Стасову 30 июня 1903 г.).

145. Свод законов Российской империи, повелением императора Николая составленный. Устав Благочиния.— Спб., 1842 (Б-ка Толстого, с его пометами).

146. «Северная пчела» за 1852 г. Газета (письмо Стасова к Толстому 7 декабря 1902 г.).

147. Соколов И. Воспоминания о государе Николае Павловиче.— «Русский архив», 1886, кн. 2 (использовано для «Хаджи-Мурата»).

148. Соллогуб В. А. Воспоминания. Спб., 1887 (использовано для «Хаджи-Мурата»).

149. Татищев С. С. Император Николай I и иностранные дворы. Исторические очерки. Спб., 1889 (письмо Толстого к С. С. Татищеву 20 сентября 1903 г.).

150. Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая I. Спб., 1887 (письмо Толстого к С. С. Татищеву 20 сентября 1903 г.).

151. Татищев С. С. Воцарение императора Николая.— «Русский вестник», 1892, март, апрель (Б-ка Толстого, с его пометами).

152. Толстой Л. Н. Дневники 1851—1882 гг.

153. Толстой И. Н. Охота на Кавказе.— «Современник», 1857, февраль (Б-ка Толстого. Использовано для «Хаджи-Мурата»).

154. Устрялов П. Г. Историческое обозрение царствования императора Николая I (письмо Стасова к Толстому 7 декабря 1902 г.).

155. Филипсон Г. И. Записки.— «Русский архив», 1884 (использовано для «Хаджи-Мурата»).

156. Фон-Потто А. И. Природа и люди Закатальского округа.— «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис, 1870, вып. IV (Б-ка Толстого, с его пометами).

157. Цветков В. В. Из городской криминалистики.— Там же, 1875, вып. VIII (письмо Толстого к Стасову 9 марта 1903 г.).

158. Чистович Я. А. Записки.— «Русская старина», 1886, декабрь (использовано для «Хаджи-Мурата»).

159. Шанаев, Гацыр. Из осетинских сказаний о партах.— «Сборник сведений о кавказских горцах». Тифлис, 1876, вып. IX (письмо Толстого к Стасову 9 марта 1903 г.).

160. Шанаев, Гацыр. Народные сказания кавказских горцев.— Там же, 1873, вып. VII (Б-ка Толстого).

161. Шанаев Жантемир. Народные сказания кавказских горцев.— Там же, 1873, вып. VII (Б-ка Толстого).

162. Шанаев Жантемир. Осетинские народные сказания.— Там же, 1870, вып. III (Б-ка Толстого).

163. Шанаев Жантемир. Осетинские народные сказания.— Там же, 1870, вып. V.

164. Шанаев Жантемир. Свадьба у северных осетин.— Там же, 1870, вып. IV (Б-ка Толстого).

165. Шильдер Н. К. Император Николай I в 1848—1849 гг.— «Исторический вестник», 1899, т. 78 (письмо В. В. Стасова к Толстому 20 сентября 1903 г.).

166. Шильдер Н. К. Император Николай I, его жизнь и царствование. Спб., 1903, 2 тома (Б-ка Толстого. Использовано для «Хаджи-Мурата»).

167. Щербатов. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Спб., 1888—1889, 6 томов с тремя приложениями (письмо Бартенева к Толстому от 31 августа 1902 г.).

168. Щербинин М. П. Биография генерал-фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова. Спб., 1858 (Б-ка Толстого).

169. Эсадзе С. С. Материалы Военно-исторического отдела штаба Кавказского округа. 151 выписка (Б-ка Толстого. «Материалы к «Хаджи-Мурату»).

170. Юзефович М. В. Памяти Пушкина.— «Русский архив», 1880, кн. III (использовано для «Хаджи-Мурата»).

171. Юнге Е. Ф. Воспоминания о Николае I (рукопись) (использовано для «Хаджи-Мурата»).

172. Янжул М. А. Восемьдесят лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады. Тифлис, 1886—1887, 2 тома (Б-ка Толстого).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ «ХАДЖИ-МУРАТА», ПОЛУЧЕННЫХ ТОЛСТЫМ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ПОВЕСТИ

1. Гершензон М. О. Эпоха Николая I. Спб., 1910 (Б-ка Толстого).

2. Зыков С. Император Николай I и Европейские революции.— «Русская старина», 1904, апрель, май (Б-ка Толстого, с его пометами).

3. Корф М. А. Из дневника.— «Русская старина», 1904, январь (Б-ка Толстого).

4. Николай I. Письмо к матери о казни декабристов. Из секретных документов придворного архива (рукопись) (Архив Толстого).

5. Оболенский Е. П. Записки.— «Записки декабристов», вып. III. Лейпциг, 1861 (письмо Толстого к Стасову 22 апреля 1904 г.; письмо Стасова к Толстому 27 апреля 1904 г.).

6. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Тифлис, 1889—1909, вып. 8—40 (Б-ка Толстого).

7. Трубецкой С. П. Записки.— «Записки декабристов», вып. II. Лондон, 1863 (письмо Толстого к Стасову 22 апреля 1904 г.; письмо Стасова к Толстому 27 апреля 1904 г.).

8. Шульгин С. Н. Из дагестанских преданий о Шамиле и его сподвижниках. Тифлис, 1909 (Б-ка Толстого).

9. Якушкин И. Д. Записки.— «Записки декабристов», вып. I. Лондон, 1862 (письмо Толстого к Стасову 22 апреля 1902 г.; письмо Стасова к Толстому 27 апреля 1904 г.).

1-я ГРУППА ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ИСТОЧНИКОВ (ГЛАВНЫХ)

Сборник сведений о кавказских горцах

*(Шесть выпусков хранятся
в библиотеке Ясной Поляны)*

Первым источником «Хаджи-Мурата» по времени его изучения Толстым является «Сборник сведений о кавказских горцах» (Тифлис, 1868—1881). Это капитальное 10-томное издание, состоящее из этнографических, исторических, фольклорных, филологических, статистических, экономических материалов. Издание представляет собой весьма ценное пособие для изучения Кавказа времен Хаджи-Мурата.

В первый набросок «Хаджи-Мурата» — «Репей» (1896) — ничего из «Сборника» не вошло, вследствие ограниченности темы «Репья»: в нем изображен лишь один Хаджи-Мурат, причем главное внимание сосредоточено на его смерти. В «Сборнике» собственно материалов о Хаджи-Мурате не имеется, его имя лишь несколько раз упоминается в VII выпуске.

Возобновляя в 1897 году работу над «Хаджи-Муратом», Толстой решил предварительно изучить «Сборник» и, читая его, составил список отмеченных мест.

По отобранному материалу о быте горцев и свадебных обрядах можно судить, что Толстой намеревался широко изобразить жизнь Хаджи-Мурата и уделить значительное внимание празднествам, связанным с его женитьбой.

Для написанных в 1897 году вариантов Толстой взял из «Сборника» горские имена. Мюрид Хаджи-Мурат называется Кильяс-ханом — это взято из вып. IV, отд. IV, с. 82; имя кунака чеченца Таймасхан — взято оттуда же, с. 81.

Толстой и впоследствии неоднократно обращался к «Сборнику» в поисках имен для своих персонажей. Целый ряд мужских и женских имен выписан им в свою записную книжку за 1896 год. Из «Сборника» же взяты имена матери Хаджи-Мурата. В редакции третьей она — «Ханум» — (взято из вып. IV, отд. II, с. 39), в редакции пятой — «Фатима» (из вып. VII, отд. I, с. 11), наконец, «Патимат» — имя особенно понравившееся Толстому, так как после оно уже ни разу им не менялось. Жена Кази-Муллы (Н. Окольников. «Перечень событий в Дагестане», «Военный сборник», 1859, т. V, № 1, с. 346) и одна из жен Шамиля (Дрансе. «Плен-

ницы Шамиля». 1859, с. 95) тоже носили имя Патимат, что, вероятно, Толстой знал, но несомненно остановился он на этом имени при чтении «Сборника» (вып. VII, отд. I, с. 11). В некоторых случаях Толстому было особенно трудно остановиться на каком-либо определенном имени. Так, имя кунака Хаджи-Мурата менялось пять раз. Кроме имени Таймасхан, он назывался еще Сафедин, Ахты-Бек, Нур-Магома и, наконец, Садо. Если в других своих произведениях Толстой дает своим героям имена или обыкновенно русские: Паташа, Вера, Николай, Иван, или аристократические: Долли, Бетси, Мисси, или чисто крестьянские: Матрена, Акулина, Никита, Аким,— то для «Хаджи-Мурата» выбирались наиболее характерные горские имена.

В редакции третьей (1897 г.) описывается жизнь Хаджи-Мурата, начиная с детства. Материалом для этого послужили статьи Абдуллы Омарова «Воспоминания муталима», напечатанные в выпусках I и II. Автор «Воспоминаний» — ученый горец в живой форме повествует о своих ученических годах («муталим» — учащийся, воспитанник мечети). На фактах из его жизни Толстой строит свой рассказ о детстве и молодости Хаджи-Мурата. Весь заимствованный материал художественно обогащен, но во многих деталях чрезвычайно близок к источнику.

Абдулла Омаров пишет: «Отец мой был ученый мусульманин и славился святостью своей жизни» (вып. I, отд. VII, с. 14). У Толстого дед Хаджи-Мурата: «Уважаемый всеми человек, ученый и набожный старик».

Абдулла Омаров приводит часто произносившиеся его отцом слова: «Имущество сего мира останется здесь же: оно временно, нужно стараться о приобретении сокровищ для вечной жизни» (там же, с. 14). У Толстого это говорит дед: «богатство мирское останется здесь», «нужно добывать богатство вечной жизни».

В «Воспоминаниях» читаем: «у горских племен Дагестана родители считали священным долгом обучать детей своих арабской грамоте, чтобы доставить им возможность со временем читать Коран» (вып. I, с. 13), и, будучи мальчиком, Омаров поступил для этого в «муталимы». У Толстого: «Хаджи-Мурат обучался сначала дома арабской грамоте», потом «был отдан в муталимы».

Омаров рассказывал о своем друге — молодом мулле Маме, с которым он вследствие недовольства властью хапов делает попытки уйти в горы к мюридам для участия в движении хазавата. Молодой мулла говорил ему, что «в газа-

вате, если и убьют, то пойдешь без суда в рай, а если победишь, то тебе слава... Рана, полученная от оружия неверных в газавате, не причиняет никакой боли» (вып. II, отд. VI, с. 5).

Хаджи-Мурат у Толстого также хочет бежать в горы к мюридам и тоже слышал, что «раны, полученные в газавате, не болят. А если убьют в газавате, то пойдешь без суда в рай, а если победишь, то тебе слава».

Готовясь к бегу, Омаров с молодым муллою приобретают материи для их перепродажи, чтобы пополнить свои денежные средства, без которых к мюридам нельзя было бы явиться. Велось все это ими в большой тайне, ввиду чего свой товар они переносили ночью в мечеть (вып. II, отд. VI, с. 8, 10).

У Толстого так же: «Решив бежать в горы с товарищем, они приготовили для этого товар, потом перешли в мечеть за оградой».

Бегство Омарова с молодым муллою не удалось из-за кражи их товаров. Бегство молодого Хаджи-Мурата с его товарищем тоже не состоялось, но по другой причине: вождь мюридов Кази-Мулла стал осаждать столицу родины Хаджи-Мурата Хунзах. В сражении же с Кази-Муллой был убит отец Хаджи-Мурата. Хаджи-Мурат застал только похороны отца, как несли его на носилках, покрытого черной буркой. Последняя подробность взята также из «Воспоминаний муталима» (вып. I, отд. VII, с. 25). Мать Хаджи-Мурата на похоронах отца «рвала на себе волосы» — это взято оттуда же (вып. I, с. 49).

Толстой мало отступает от источника там, где характеризует молодечество, удалство, энергию юного горца, и отбрасывает хотя и ценный материал, но касающийся личных переживаний автора, семейных событий, религиозных обрядов.

В нескольких последующих редакциях вымышленная Толстым и написанная по «Воспоминаниям муталима» история молодого Хаджи-Мурата не приводится, но в редакции девятой (1902 г.) Толстой восстанавливает ее и опять берет за ее основу «Воспоминания» Абдуллы Омарова, внося множество мелких подробностей, заимствованных из «Сборника».

Патимат, «донага раздевши» ребенка Хаджи-Мурата, «укладывала его голенького спать на крыше под овчинной шубой». Так и у Омарова: «Когда я ложился спать, мать заставляла меня снимать всю одежду до наготы, после чего

тщательно укутывала меня, накрывая сверх одеяла еще шубою». Об этом же сказано в другом месте: «У горцев нет постельного и ночного белья и они спят совершенно нагие» (вып. VII, отд. III, с. 10). То и другое место были Толстым отчеркнуты для своей работы.

Патимат ходила «печь лепешки в общую пекарню». Об общих пекарнях рассказано в статье Н. Львова «Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев аварского племени» (вып. III, отд. III, с. 6).

Патимат «собирала... коровий навоз и сушила его». Об этом рассказывает Омаров в статье «Как живут лаки» (вып. IV, отд. III, с. 24).

«Мать с пустыми кувшинами на голове водила его за руку к фонтану и там быстро и много говорила с другими женщинами». Это написано по статье Львова «Домашняя и семейная жизнь дагестанских горцев»: «довольнее же всех бывает женщина, идущая с кувшинами за спиною по воду к фонтану, у которого собирается немало женщин... Пока одна наполняет свой кувшин, ожидающие очереди занимаются сообщением друг дружке разных новостей...» (вып. III, отд. III, с. 5).

Образ матери Хаджи-Мурата — вымысел Толстого. Но некоторыми своими чертами она напоминает мать Абдуллы Омарова.

В описании обучения мальчика Хаджи-Мурата арабской грамоте сказано: «Когда была пройдена последняя глава Корана, товарищи торжественно понесли его на руках в дом отца, а учитель мулла, пришедший вслед за ним, получил в награду угощение и 2 р. денег».

В «Записках муталима» рассказывается о таком же факте: «Когда же я произнес последнее слово Корана, в тот же миг я очутился на руках товарищей, которые понесли меня в дом моих родителей... Дома между тем был приготовлен обед, на который явились по приглашению влиятельнейшие люди и за которым учитель воссел на самом почетном месте. После же обеда отец вручил учителю 2 р. 50 к.» (вып. I, отд. VII, с. 18).

В редакции девятой вновь рассказывается о попытке Хаджи-Мурата бежать в горы к мюридам. Осуществить ему это было очень трудно, во-первых, потому, что у него не было ни лошади, ни хорошего оружия, а он слышал, что мюриды неохотно принимают плохо вооруженных, и во-вторых, потому, что «по всей границе... были расставлены караулы конные и пешие...».

Это также написано по «Воспоминаниям муталима»: «нам нельзя было взять с собой лошади, во-первых, потому что ее у нас не было, кроме того были назначаемы ночные караулы из жителей...» (вып. II, отд. VI, с. 9).

В конце концов Хаджи-Мурат, рассказывает Толстой в редакции девятой, бежит в горы с Эльмансуром, который первоначально тоже назывался Мамой, как и молодой мулла в «Воспоминаниях муталима» (там же, с. 8—22). «Хаджи-Мурат с Эльмансуром вышли на дорогу и почти бегом пошли по ней до того места, где надо было сворачивать с нее».

В «Воспоминаниях муталима» (там же, с. 11): «Мы шли сначала по большой дороге, но скоро повернули налево в ущелье».

Далее у Толстого: «они подошли к скале, в которой была тропинка, знакомая Эльмансуре, но в темноте Эльмансур долго не мог найти ее. И когда нашел, не мог идти по ней, так как она стала скользка от выпавшего с вечера тающего, мокрого снега».

В «Воспоминаниях муталима» (там же): «из ущелья мы начали подниматься выше и выше, дорога не была видна от выпавшего снега...»

После этого Хаджи-Мурат с Эльмансуром выходят опять на дорогу, «два верховых, державшие караул, окликнули их и бросились за ними. Эльмансура тотчас же поймали, но Хаджи-Мурат пустился бежать и верховые не поймали его».

В «Воспоминаниях муталима» беглецов вызывает хан, допрашивает их и сажает в яму. Так и у Толстого: в яму сажают Эльмансура, а вслед за ним Хаджи-Мурата, выданного Эльмансуром. В «Воспоминаниях муталима» молодой мулла Мама выдал Омарова.

«Яма, в которой был посажен Хаджи-Мурат, была в сажень глубиной, два аршина шириной и аршин пять длиной. Здесь в этой яме с пятью другими арестантами и Эльмансуром пришлось Хаджи-Мурату просидеть десять дней».

В «Воспоминаниях муталима» несколько иначе: «Яма была вырыта четырехугольно и внутри выложена камнями, без цемента. Она имела глубину около 1½ сажени, а ширину в сажень... В яме было семь человек... Я пробыл в яме целый месяц» (там же, с. 29—31).

В последнюю редакцию из истории ранней поры жизни Хаджи-Мурата, написанной по «Воспоминаниям муталима», ничего не вошло вследствие изменения композиции повести.

Влияние «Воспоминаний муталима» в этой редакции отразилось лишь на двух местах: в рассказе о сидении у Шамиля в яме сына Хаджи-Мурата Юсуфа и в сцене разговора Шамиля с Юсуфом (гл. XIX). Описание ямы и состояние томившегося в ней Юсуфа занимает в последней редакции всего несколько строк, все подробности из «Воспоминаний муталима», перенесенные в предыдущую редакцию, в последнем тексте опущены. Так же сильно изменен в последнем тексте допрос Юсуфа. Хан в «Воспоминаниях муталима» говорит долго, нравоучительно, его допрос растянут на трех страницах, у Толстого Шамиль говорит всего несколько коротких фраз. Для этого допроса заимствованы из «Воспоминаний муталима» две детали: Шамиль спрашивает Юсуфа: «— Умеешь писать?» Юсуф отвечает: «— Я готовился быть муллой». Автор «Воспоминаний муталима» это же самое говорит хану. Шамиль объявляет Юсуфу: «...я пожалел тебя и не убью, а выколю глаза...»

Приговор хана в «Воспоминаниях муталима» такой же: «— А тебе, дураку, я ничего больше не сделаю, как только выколю оба глаза» (вып. II, отд. VI, с. 20).

Создавая в предыдущих редакциях историю жизни Хаджи-Мурата, Толстой хотел показать, как духовно складывался его герой, что оказало на него особенно сильное влияние, почему преобладающей его чертой явилась ненависть к русским. Для объяснения этого Толстой вводил ряд эпизодов: проповедь мюридизма, картину прогнания сквозь строй, убийство Хаджи-Муратом мюрита, в момент смерти завещающего Хаджи-Мурату быть последователем хазавата. Материалом для этой сцены послужил случай, описанный в статье И. М. Попова «Ичкерия» (вып. IV, с. 13): «Аварцы, опустошив часть аула, уже отступали обратно, когда Берсан догнал главу партии и выстрелом нанес ему смертельную рану. Раненый, падая с лошади, сказал: «Берсан, я шейх Гада, истиной следуя закону пророка Магомета, я учил народ идти путем правым, умирая от руки твоей, я именем аллаха завещаю тебе силу моего слова и учения майхомара (пророка.— А. С.): обращай народ в мусульманство и прими его прежде сам». Сказав последние слова, Гада умер. Берсан возвратился домой печальным от первого впечатления случившегося, но вскоре принял мусульманство и начал проповедовать учение Магомета».

Этот эпизод впервые появляется в редакции третьей (1897 г.) в рассказе Хаджи-Мурата Лорис-Меликову: «Кази-Мулла второй день стоял под Хунзахом. Наши пешие

выходили к лесу и перестреливались... Мы выехали на заре... Мы гикнули. Кого убили, кого взяли живыми. Кази-Мулла бежал... Когда мы выскакали в гору, они все пустились бежать. Моя лошадь была добрее всех, и я стал нагонять их». Шейх Гада переделан Толстым в молодца Хаджи в черной черкеске. «Он кричал мне, что убьет, и, повернувшись, целил в меня ружьем. Я знал, что, если я побоюсь его и сдержу лошадь, то он уйдет от меня до ущелья; если же я не сдержу, он выпустит заряд и не успеет зарядить». Далее Хаджи-Мурат рассказывает, что он стал близиться к мюриду и как он «...надал ходу и потом в упор выстрелил ему в спину. Он схватился за пистолет, но опять промахнулся. Я догнал его, схватил за повод. Он лежал на луке. Я остановил лошадь. Он свалился наземь. Он поднял глаза к небу, прочел молитву: «Ля иллаха иль аллах» и потом сказал: «Ты убил меня. Я мюрид, бился против неверных. Будь мюридом. Нет спасенья без хазавата. Ля иллаха, держи хазават», и умер».

Вся сцена у Толстого еще ярче и драматичнее, чем в источнике. Она становится центральным событием в жизни Хаджи-Мурата, определившим все его дальнейшее направление. Толстой дорожит этой сценой и особенно развивает ее в следующей, четвертой редакции (1897 г.). В начальной строке этой редакции сказано, что в 1830 году «Хаджи-Мурат в первый раз убил человека», затем изображено сражение под Хунзахом. «Зашелкали пули, задымились дымки. Два мюрида, доскакавшие до ручья, стали останавливать рассказавшихся лошадей и поворачивали их назад. Человек пять, которые были за ручьем, продолжали скакать вперед и вверх к Хунзаху. В самом низу упал один мюрид. Абунунцал наскочил на него и ударил его шашкой, но в это время лошадь у Абунунцала упала на передние колена. Абунунцал силился подняться, но не мог. Мюрид с черной бородкой, на белой лошади, в черной папахе вернул и замахнулся на Абунунцала шашкой. И он бы срезал его, если бы Хаджи-Мурат в это самое время не наскочил на мюрида — не ударил грудью своей лошади так, что лошадь зашаталась. Шашка мюрида попала не по Абунунцалу, а по голове Хаджи-Мурата, по папахе, но не прорезала ее. Мюрид оскалил белые зубы и схватился за пистолет, но не успел он вынуть его, как Хаджи-Мурат выстрелил в упор в грудь. Мюрид поднял было еще руку, но тотчас же схватился за живот». Хаджи-Мурат нагоняет мюрида, и тут мюрид произносит:

«...Алла... Ты убил меня! Ты джигит. Служи богу и Магомету. Хазават Нет бога кроме бога и Магомета, пророка его. И мюрид упал на шею лошади... Хаджи-Мурат соскочил с лошади и скинул мюрида с седла. Это был человек лет 40, тех же лет, как отец Хаджи-Мурата. Он, как мертвый, упал и перевернулся навзничь; красивое сухое лицо было красно, глаза закатились, и рот с черными подстриженными усами равномерно зевал и с каждым зевком поднималась и опускалась высокая грудь под черными хозырями черкески».

В «Сборнике» шейх Гада произносит только один раз свое завещание. У Толстого мюрид вторично говорит Хаджи-Мурату:

«— Алла! Алла Гу! Будь мюридом. Алла-илля-ха!» (Слово «гу!» взято из «Сборника», вып. II, отд. II, с. 6, означает: «О, ты, который есть» — исповедание вечности бога).

Займствовав эпизод из «Сборника», Толстой облек его в иную форму, пополнив высокохудожественными деталями.

В последующих редакциях этот эпизод выкидывается и приводятся другие случаи, произведшие в Хаджи-Мурате внутренний переворот, но в последнюю редакцию сцена смерти мюрида вновь вводится, хотя передается по-другому и в более сжатом виде, чем в источнике. От прежних вариантов этой сцены оставлено лишь упоминание о молодом хане и о трех мюридах, все остальные художественные подробности опускаются, так как они нарушили бы общий строгий и лаконичный характер речи Хаджи-Мурата, который, как и в третьей редакции, сам рассказывает об этом случае.

В том же описании молодости Хаджи-Мурата говорилось и о «тайной любви» его к ханской дочери, «красавице Салтанет».

Поэтический образ Салтанет создан Толстым на основе ряда источников. В статье Н. Окольного «Перечень событий в Дагестане» («Военный сборник». 1859, № 2, с. 366) Салтанет названа «прекрасной Султанетой, перлом дагестанских красавиц», ей же посвящены восторженные страницы в сочинении И. Березина «Путешествия по Дагестану и Закавказью» (Казань, 1850), она же воспета в повести «Аммалат-бек» А. А. Бестужева-Марлинского.

В редакции девятой сказано: «веселая, красивая... бодрая, молодая, полная жизни...», «Салтанет любит его»:

«...увидав Хаджи-Мурата, которого она считала убитым, лицо ее просияло». Хаджи-Мурат мечтает, что, может быть, осуществит свой план женитьбы на Салтанет.

В источниках нет никаких упоминаний об отношениях Хаджи-Мурата и Салтанет, но Толстой об этом пишет в ряде вариантов. Ему это необходимо для характеристики молодого Хаджи-Мурата. В последней редакции Хаджи-Мурат лишь мельком упоминает о Салтанет: «Этот Ахмет-хан возненавидел меня. Он сватал за сына дочь ханши Салтанет. Ее не отдали ему. Он думал, что я виноват в этом».

О подобном факте читаем в «Сборнике»: «Арслан-Хан возненавидел семейство аварских ханов вследствие обиды, нанесенной ему отказом в выдаче замуж дочери ханши — Пахубике Салтанет за сына его Магомед-Мирзу» (вып. II, отд. IV, с. 29).

Здесь сказано об Арслан-хане, а не Ахмет-хане. Толстой тоже пишет в редакции девятой: «Салтанет, та самая, которую сватали за сына хана Арслан-хана». Но в большинстве вариантов и в последней редакции Арслан-хан заменяется у Толстого Ахмет-ханом и именно ему приписывается неприязнь из-за Салтанет к Хаджи-Мурату, о чем в источниках нигде не упоминается. Толстой это вводит для объяснения последующей борьбы Ахмет-хана с Хаджи-Муратом, имевшей роковые последствия.

В редакции третьей (1897 г.) в описании чтения Хаджи-Муратом «священной арабской рукописи» сказано, что это была «рукопись Джемал-Эдина о тарикате». Статья «Учение о тарикате в изложении Джемал-Эдина» напечатана в вып. II «Сборника», что и навело Толстого на мысль создания данной сцены. Отдельные выдержки из указанной статьи здесь не приводятся, а берутся из другого источника. В последней редакции, в главе XII мюриды Хаджи-Мурата Хан-Магома и Гамзало спорят о том, кто истинный руководитель горцев. Гамзало признавал Шамиля святым.

«— Святой был не Шамиль, а Мансур,— сказал Хан-Магома.— Это был настоящий святой. Когда он был имамом, весь народ был другой».

Для данного места использована статья У. Лаудаева «Чеченское племя» (вып. VI), излагающая историю возникновения мюридизма.

У Толстого Хан-Магома говорит: «Он (Мансур.— А. С.) ездил по аулам и народ выходил к нему целовать полу его черкески и каялся в грехах и клялся не делать дурного...» У Лаудаева: «Мансур... стал навещать аулы... жители вы-

ходили ему навстречу... целовали полы его одежды... клялись не делать дурных поступков...» (с. 60).

У Толстого: «Старики говорили, тогда все люди жили, как святые». У Лаудаева: «Говорят, что тогда народ до такой степени обратился на истинный путь...»

У Толстого: «не курили, не пили, не пропускали молитвы, обиды прощали друг другу, даже кровь прощали...»

У Лаудаева: «обязывались... не курить табаку, не пить крепких напитков, усердно молиться Богу, не пропуская для этого назначенных сроков... прощали даже самую кровь...»

У Толстого: «тогда деньги и вещи, как находили, привязывали на шести и ставили на дорогах». У Лаудаева: «Найденные вещи и деньги привязывали на шести и выставляли на дорогах...»

Выслушав все это, Гамзало у Толстого заявляет:

«И теперь в горах не пьют и не курят».

«Ламорой твой Шамиль,— сказал Хан-Магома, подмигивая Лорис-Меликову».

«Ламсрой» было презрительное название горцев.

«Ламорой — горец,— отвечал Гамзало. — В горах-то и живут орлы».

«А молодчина, ловко срезал,— оскаливая зубы, заговорил Хан-Магома, радуясь на ловкий ответ своего противника».

О слове «ламорой» читаем в статье Лаудаева, что оно употреблялось состоятельными чеченцами в отношении немущих жителей гор, где достаток был невозможен. «Для высказывания своего преимущества они называли горцев с презрением «ламорой», то есть горные. Горные жители были равнодушны к этому названию и отвечали: «орлы являются из гор», то есть сравнивали себя с орлами» (вып. VI, с. 50).

В той же главе XII Ханефа, «названный брат» Хаджи-Мурата, рассказывает Лорис-Меликову:

«Я из одного аула с ним. Мой отец убил его дядю, и они хотели убить меня... Тогда я попросил принять меня братом... Я не брил два месяца головы, ногтей не стриг и пришел к ним. Они пустили меня к Патимат, к его матери. Патимат дала мне грудь, и я стал его братом».

Этот рассказ основан на следующих данных из той же статьи Лаудаева: «Случалось, что убивший, уплатив деньги, снимал с себя кровь; но более похвальным считалось, если убийца был прощаем без возмездия. В таком случае он делался названным сыном матери убитого. Для этого

убийца отпускал на голове волосы, не стриг ногтей и, обнимая новую мать, прикладывался к ее груди, как младенец» (там же).

Для последней редакции Толстой использовал и фольклорный материал «Сборника»: горские поговорки, песни, в некоторых случаях отдельные выражения. В главе I, при одной из последних «отделок» ее, в описании аула к фразе «тесно сплетенных друг с другом саклей» прибавлены слова «как соты». Подобное выражение встречается в «Сборнике» (вып. I, отд. V, с. 14): «Аул, как сот,— построенный весьма тесно». Слова эти были в «Сборнике» подчеркнуты Толстым.

В главе XI последней редакции Хаджи-Мурат говорит Лорис-Меликову: «Пиши: родился в Цельмесе, аул небольшой, с ослиную голову». Последние слова взяты из «Сборника» (вып. I, отд. IV, с. 14), где приведено выражение племени лаков — «аул с ослиную голову — маленький, ничтожный аул» (там же).

В главе I последней редакции Хаджи-Мурат говорит старику чеченцу обычное приветствие: «Селям-алейкум», старик отвечает ему тоже по-обычному: «Алейкум-селям», но с женщиной Хаджи-Мурат обменивается другими приветствиями. Она говорит ему: «Приход твой к счастью», он ей: «Сыновья твои чтоб живы были».

Об употреблении горцами различных приветствий, кроме арабских «селям-алейкум» и «алейкум-селям», сказано в статье П. У. «Кое-что о словесных произведениях горцев»: «Чаще всего слышится «селям-алейкум» и в ответ «алейкум-селям». Но горские языки изобилуют и собственными приветствиями. Чеченцы говорят: «Приход твой да будет к счастью. Утро твое да будет хорошо». Аварцы: «Светлый день да не минует тебя». Лаки: «Да дадутся тебе сердечная радость и жизнь... Сыновья да будут невредимы...» Акушинцы: «Благословение да достанется твоему дому... Да расцветешь ты, как сад...» и т. д.

Заимствовав характерные горские приветствия, Толстой, однако, видоизменяет их текст.

В главе IV при отъезде из аула Хаджи-Мурат говорит хозяевам сакли: «Бог да воздаст вам». Это измененное прощальное приветствие аварцев: «бог да обрадует тебя» (вып. I, отд. V, с. 6).

В главе I Хаджи-Мурат спрашивает старика чеченца: «— Что нового?» Старик чеченец отвечает: «— Хорошего но-

вого ничего нет. Только и нового, что все зайцы совещаются, как им орлов прогнать...»

Это измененная горская поговорка, приведенная в выпуске I, отд. V, с. 12: «легковерие свое сами горцы осмеяли следующей поговоркой: «Каждую ночь зайцы совещаются о том, как им прогнать орлов. К рассвету разбегаются, еще не решив дела».

Толстой сначала заимствовал всю поговорку, затем вычеркнул последнюю часть.

Продолжая свой рассказ Хаджи-Мурату, старик говорит: «На прошлой неделе русские собаки у мичицких сено сожгли, раздерись их лицо...»

В «Сборнике» даны образчики горских проклятий: «Провались ты в ад!» «Семя да иссякнет твое!» «Да растерзает тебя орел! Пожрись ты тотчас же!» «Да сожжется грудь твоя!» «Сдерись твое лицо...» «Да вылезут твои косы» (женщинам). «Да вылезут твои усы» (мужчинам) и т. д. (вып. I, отд. V, с. 14).

Прерывая словоохотливого Бату (гл. I), Хаджи-Мурат говорит: «Веревка хороша длинная, а речь короткая». Это видоизмененная поговорка, взятая из «Сборника»: «Хорошо слово короткое, а веревка длинная» (вып. I, отд. V, с. 7; вып. II, отд. V, с. 56).

При «отделке» главы I было вычеркнуто следующее место:

«— Чтобы женщины не болтали,— сказал Хаджи-Мурат.— У них ведь шея короткая.

— Знаю,— сказал Садо.

— Держи рот, сбережешь и голову,— сказал старик пословицу на пословицу».

Выражение «шея короткая» взято из «Сборника» и означает «болтливость» (вып. I, отд. V, с. 14). «Держи рот, сбережешь голову» — не пословица, а моральное правило, повторяемое в начале и в конце каждой главы древних «Постановлений китайского уцмия Рустем-хана», напечатанных в вып. I, отд. II, с. 87, где оно читается так: «кто будет беречь рот свой, того и голова будет спасена».

Созданная Толстым из этого предписания пословица звучит как подлинно горская.

Все извлеченные Толстым из «Сборника» поговорки им видоизменяются, и они от этого только выигрывают, будучи выражены более сильно и более передавая дух горской речи, чем в переводах лингвистов.

Использовал Толстой и горские песни, помещенные в «Сборнике». Одна из них — «Высохнет земля на могиле моей» (вып. I, отд. III, с. 27).

Ее поет в главе XX окончательного текста Ханефи, и о песне сказано, что она «особенно нравилась Хаджи-Мурату». Он «всегда слушал эту песню с закрытыми глазами и когда она кончалась протяжной замирающей нотой, всегда по-русски говорил: «Хорош песня, умный песня».

Эта песня пленяла и самого Толстого. В вышеприведенном письме к Фету (1875 г.) он привел ее текст как образец «сокровищ поэтически необычайных». В 1902 году, по прошествии двадцати семи лет, Толстой, перечитывая «Сборник», пишет о ней и о песне про Гамзата: «чудные песни о мщении и удалстве».

Песня эта своей высокой поэзией обращала на себя внимание не одного Толстого. По поводу нее Фет писал Толстому:

...бросил мне кавказские ты песни,
В которых бьется и кипит та кровь,
Что мы зовем поэзией³.

Фет даже переложил песню «Высохнет земля на могиле моей» в стихотворение⁴.

Л. Семенов в исследовании «Кавказ и Лев Толстой» (Владикавказ, 1928) указывает: «песня эта, как яркий образец чеченской поэзии, перепечатывалась в различных изданиях: см., например, труды Н. Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе». Спб., 1871, кн. I, с. 459; В. Зотова «История всемирной литературы в общих очерках, биографиях, характеристиках и образцах». Спб., 1877, т. I, с. 354; В. Потто «Кавказские войны». Спб., 1885, ч. II, с. 75». Толстому эта песня представлялась столь совершенной по поэтическому содержанию и форме, что он приводит ее всю целиком, выкинув лишь в предпоследней фразе: «Я был твоим господином» слово «ведь», а в конце слова «мое тело — достояние земли», заменив словами: «мое тело возьмет земля».

Другая песнь «О Гамзате» была им также сначала помещена полностью. В первоисточнике приведено большое количество подробностей. Гамзат смотрит «в зрительную трубку» и говорит: «мы теперь перережем угнанный скот и окружим себя им, как высоким забором. Если мы это сделаем, мы будем в состоянии защитить себя». На это согласились его товарищи. Зарезали лошадей, закололи быков

и сделали крепкий завал вокруг себя. Между Гамзатом и русским князем происходит длинный диалог, после чего начинается перестрелка. Гамзат уверяет наездников, что во время сражения на них смотрят «райские гурии» и тем, «кто будет храбрей, каждая перед подругой своей будет хвастаться». Затем подумал Гамзат, что «настал час его смерти и что нет им больше надежды», но высоко на небе увидел он перелетных птиц, и сказал он им: «О воздушные птицы, передайте вы наш последний привет, наш последний поклон красавицам, белым девушкам и скажите вы им, что наши крепкие плечи стеной служат теперь для русских пуль, что желаем мы по смерти лежать на родном кладбище в Чихах, где бы поплакали над нашей могилой сестры и пожалел бы народ, но что не дал нам бог этой радости: вместо плача сестер будет слышен над нами вой голодных волков. А на место толпы родственников соберется стая черных воронов. И скажите вы всем на черкесской горе: на земле христиан... мы лежим мертвые. Наши очи — выпьют вороны, наше тело съедят волки жадные».

Если бы эта песня была сохранена Толстым целиком, она своими длиннотами и повторениями не произвела бы того сильного впечатления, какое производит в изложении Толстого. Читатель не поверил бы, что Хаджи-Мурат мог настолько ее заслушаться, выйдя ночью за водой, «что не заметил, как нагнул кувшин и вода лилась из него». А песня потрясла его, и даже после бегства, в лесу, он вспоминает ее. «Он всякую минуту теперь мог быть в том же положении, в котором был Гамзат. Ему подумалось, что это так и будет, и ему вдруг стало серьезно на душе». При приближении же погони он сказал себе: «Что же, будем биться, как Гамзат».

Таким образом, песня имеет важнейшее значение в последних сценах, и Толстому необходимо было достигнуть ее наибольшей красоты и силы. Гамзат назван Толстым «джигитом», а его товарищи «молодцами», чего в подлиннике нет. О «зрительной трубке», быках и споре с русским князем не упоминается. Толстой сразу переходит к драматической основе песни: «Гамзат порезал лошадей и с молодцами своими засел за кровавым завалом (в подлиннике «крепкий завал») и бился с русскими до тех пор, пока были пули в ружьях и кинжалы на поясах и кровь в жилах». Последних слов в подлиннике нет, а в них заключено беспредельное упорство борьбы, что заражает Хаджи-Мурата. «Райские гурии» выкидываются, вместо растянутого обра-

щения Гамзата к птицам даны две фразы: «Вы перелетные птицы, летите в наши дома и скажите нашим сестрам, матерям и белым девушкам (в подлиннике «красавицам»), что умерли мы все за хазават. Скажите им, что не будут наши тела лежать в могилах, а растаскают и оглодают наши кости жадные волки и выключают глаза нам черные вороны». На песне о Гамзате особенно наглядны методы обработки Толстым горского фольклора, благодаря которой заимствованный им материал совершенствуется.

В «Хаджи-Мурате» приводится третья песня — колыбельная: «Булатный кинжал прорвал мою белую грудь...» Она настолько колоритна и полна горской поэзии, что могла бы считаться образцом горского фольклора. На самом же деле текст ее целиком принадлежит Толстому.

Упоминает Толстой и о предсмертном пении горцев.

В редакции девятой, в главе, заключающей описание прогнания сквозь строй, молодой горец в момент приближения к нему солдат, «схватив ружье за дуло», «бросился на штык и воткнул его себе в грудь ниже левого ребра и протяжно тонким голосом запел: «ля-илляха иль-аллах...»

О пении горцами предсмертных песен упоминается еще у Толстого в «Казаках».

«Все было тихо. Вдруг со стороны чеченцев раздались странные звуки заунывной песни, похожей на ай-далай дяди Ерошки. Чеченцы знали, что им не уйти, и, чтобы избавиться от искушения бежать, они связались ремнями, колено с коленом, приготовили ружья и запели предсмертную песню».

О том, что иногда горцы умирали с песнею на устах, Толстому напомнил в период создания «Хаджи-Мурата» и «Сборник», в котором приводится следующий рассказ: «...Взвод драгун успел окружить дом, где Вара скрывался, и после отчаянной трехчасовой защиты, во время которой он не переставал петь молитвы зикристов, абрек этот, будучи уже ранен пулею Гудунаты, с шашкою в руках и с громким пением своей предсмертной молитвы бросился в середину наших солдат и был убит» (вып. II, отд. II, с. 17).

В главе XXV последней редакции, в то время как Хаджи-Мурат с мюридами отстреливался от русских, также раздалось предсмертное пение. «Курбан сидел с краю канавы и пел: «Ля-илляха иль-алла» и, не торопясь, стрелял». Хаджи-Мурат и Хан-Магома были ранены, Элдар убит, но Курбан «...все пел, медленно заряжая и целясь».

То, что в повесть введены горские песни, не является приемом опоэтизирования произведения. Толстой воспроизводил лишь реальную действительность. Он знал, что песня занимала большое место в жизни горца, пелась при рождении, сопровождала все обряды, пелась в сражении и, как мы видели, даже перед смертью.

В главе XX сказано: «Ханефи знал много горских песен и хорошо пел их. Хаджи-Мурат, в угождение Бутлеру, призывал Ханефи и приказывал ему петь, называя те песни, которые он считал хорошими». Изучение «Сборника» и подтвердило Толстому необходимость введения в повесть горских песен.

«Сборник сведений о кавказских горцах» по количеству сделанных в нем помет занимает первое место в библиотеке Толстого, насчитывающей двадцать три тысячи томов. Такое тщательное изучение «Сборника» объясняется тем, что и в свои семьдесят четыре года Толстой так же «упивался» им и так же находил в нем «сокровища поэтические необычайные», как 25 лет назад, когда впервые ознакомился с ним (см. здесь, ч. I, гл. I).

По отмеченным в «Сборнике» местам можно судить о том, что сначала Толстой отмечал в нем все материалы, казавшиеся ему нужными, но потом ему понадобилась только часть из них. При методах работы Толстого это бывало неизбежно.

А. Л. Зиссерман.

Генерал-фельдмаршал князь А. И. Барятинский
М., 1889—1890, 3 тома

(Хранятся в библиотеке Ясной Поляны)

Когда 19 июля 1896 года Толстой впервые отметил в Дневнике свое намерение писать «Хаджи-Мурата», он, как можно заключить по отсутствию соответствующих записей, еще не знал, в какую форму облечется его новое произведение. Книга Зиссермана «Фельдмаршал князь А. И. Барятинский» дала ему для этого материал. Книга Зиссермана представляет собой биографию Барятинского, начальника левого фланга Кавказской линии, впоследствии покорителя Шамиля. В книге приводится переписка Барятинского с Воронцовым о Хаджи-Мурате, одно время находившемся в крепости Грозной под наблюдением Барятинского, а затем вытребованном Воронцовым в Тифлис. В Тифлисе Хад-

жи-Мурат жил в ожидании того, что Воронцов организует выкуп его семьи из плена Шамиля. Но Воронцову это не удалось. Хаджи-Мурат истомился в ожидании и начал проситься обратно в Грозную, о чем Воронцов писал Бярятинскому: «Хаджи-Мурат умоляет дать ему позволение отправиться к вам, так как он там надеется получить верные известия о своей матери и жене... и узнать, нет ли каких надежд их снова увидеть посредством обмена на пленных, или каким-нибудь другим образом освободить их» (т. I, с. 198).

В то время, когда Воронцов писал это письмо, Бярятинский выбыл из Грозной. Узнав об этом, Воронцов дополнительно сообщал Бярятинскому: «Мы придумали устроить дело иначе: пока он отправляется в Таш-Кичу. Он выедет послезавтра и будет ожидать в Червленной ваших распоряжений» (там же).

Этот эпизод — пребывание Хаджи-Мурата в крепости, по пути в Грозную, — Толстой и избрал исходным пунктом для первой редакции повести («Репей»), которая начинается с того, что Хаджи-Мурат приезжает в «одну из кавказских крепостей» «по приказанию главнокомандующего, чтобы попытаться через лазутчиков узнать о своей семье и, если можно, выкрасть ее из гор».

Под словами «одну из кавказских крепостей» Толстой имел в виду Таш-Кичу, о которой упоминает Воронцов, так как впоследствии к эпизоду приезда Хаджи-Мурата в крепость присоединил сцену стычки его с Арслан-ханом (гл. XX), что произошло тоже в Таш-Кичу (см. письмо Воронцова к Чернышеву, 25 апреля 1852 г.)⁵.

В письме к Бярятинскому от 20 февраля 1852 года Воронцов писал: «Камков (начальник крепости) пусть примет со своей стороны все предосторожности во время прогулок Хаджи-Мурата и озаботится исправным доставлением нам сведений обо всем, что он будет делать» (т. I, с. 199).

Толстой использовал и эту подробность — фамилию «Камков» переделывает на фамилию «Канатчиков». Вымышленные фамилии Толстой обычно начинал тою же буквою, с какой писалась действительная. В «Репье» воинский начальник Канатчиков «каждый день посылал донесение к начальнику левого фланга о том, что делал Хаджи-Мурат» и «принимал все меры, чтобы он не ушел».

Бярятинский писал Воронцову, что надзор за Хаджи-Муратом дело «крайне тяжелое». После отъезда от него

Хаджи-Мурата он сообщал: «К моему великому облегчению Хаджи-Мурат уехал» (т. I, с. 163).

Толстой использовал и это, приписывая Ивану Матвеевичу подобное же отношение к Хаджи-Мурату: «Хаджи-Мурат пробыл у Ивана Матвеевича десять дней и измучил в эти десять дней Ивана Матвеевича... Иван Матвеевич старался скорее избавиться от него».

Сцену приезда Хаджи-Мурата в крепость Толстой сохраняет в редакциях седьмой, восьмой, а также в последней редакции. В редакциях седьмой и восьмой эпизод этот имеет то же основное композиционное значение, что в «Репье»,— в последней редакции на нем построена заключительная часть повести.

В письмах Бяратинского к Воронцову Толстой нашел и штрих к характеристике Хаджи-Мурата. Бяратинский писал: «Он производит большое влияние на окружающих... Он может легко воспользоваться своим обаянием» (т. I, с. 136). Черты «обаяния» и воздействия на других Толстой и придал образу Хаджи-Мурата.

Из того же сочинения Зиссермана взято сведение для I главы последней редакции, в которой старик говорит Хаджи-Мурату: «на прошлой неделе русские собаки у мичицких сено сожгли...» Об этом Бяратинский доносил Воронцову: «сено и хлеба на Мичике... совершенно уничтожены» (т. I, с. 235).

Книга Зиссермана, однако, не была использована Толстым для описания самого Бяратинского, несмотря на пребывание у Бяратинского Хаджи-Мурата. Этому, несомненно, помешало то, что личность Бяратинского не вызывала у Толстого интереса как в его молодости, так и в период создания «Хаджи-Мурата».

А. Л. Зиссерман.

**История 80-го пехотного Кабардинского
генерал-фельдмаршала князя А. И. Бяратинского полка**

Спб., 1881, 3 тома

В этом сочинении подробным образом излагается история старейшего кавказского полка. Вместе с тем даны общие сведения по истории Кавказа, кавказских войн и некоторый этнографический материал. Книга включает много данных, относящихся к работе Толстого над «Хаджи-Муратом» и была им тщательно изучена.

Для «Репья» взяты сведения об убийстве Хаджи-Муратом и его братом Гамзат-бека (т. II, с. 37). Об этом Хаджи-Мурат рассказывает Лорис-Меликову в редакции третьей, но здесь в пересказ Хаджи-Мурата Толстой внес от себя много художественных дополнений.

В редакции девятой (1902 г.) снова излагается эта история подробнее. На этот раз Толстой точно придерживался текста Зиссермана. У Толстого: «Хамзат два года тому назад, еще будучи мюридом Кази-Мулы, бежал от русских и скрылся у них в Хунзахе». У Зиссермана: «Паху-бике не решилась выдать Гамзат-бека, считая его родственником своим, и дозволила ему жить в своих владениях» (т. II, с. 32). У Толстого: «было собрано около 20 тыс. вооруженных». У Зиссермана: «Скопище его возросло до 20 тыс. человек» (т. II, с. 31).

У Толстого: «Все соседние аулы передались Хамзат-беку, и Хамзат подступил к Хунзаху, требуя, чтобы аварцы прекратили свою дружбу с русскими и приняли бы хазават».

У Зиссермана: «Из всей Аварии один только Хунзах не признавал власти Гамзата, а потому он обложил его... Предложения, им сделанные, состояли в том, чтобы ханша со всеми подвластными приняла новое учение, прервала всякие сношения с русскими и заставляла своих сыновей действовать против неверных» (т. II, с. 31—32).

Данные об отправке к Гамзат-беку «уважаемого старика Нур-Магомета с просьбой прислать сведущего муллу для истолкования тариката» и о том, что «через день посланные явились обратно и, к удивлению своему, жители Хунзаха увидели всех своих почтенных стариков с выстриженными усами и с подвешенными на нитках, продетых в ноздри, кусками кукурузных лепешек» взяты также у Зиссермана (т. II, с. 32—33).

У Толстого: «Ответ Хамзата состоял в том, что он готов прислать сведущего муллу для истолкования нового учения, но для того, чтобы он сделал это, он просил прислать к нему в мечеть сына Паху-бике — Булач-хана».

У Зиссермана: «Гамзат-бек велел сказать ей, что готов послать сведущего муллу для истолкования мюридизма, если только она выдаст в аманаты меньшего сына своего Булач-хана» (т. II, с. 32).

У Толстого: «Кроме того, он велел передать, что если только аварцы примут новое учение, то он не только не уничтожит власть ханов, а напротив, покорится ей и будет

служить старшему сыну Абунунцалу так же, как отец его Алискен-дер служил отцу молодого хана Али-Султана Ахмет-хану».

У Зиссермана: «При этом, с тонким лицемерием, приказал передать, что если Абунунцал примет титул имама Дагестана и решится действовать против русских, как действовал отец его, то в таком случае он, Гамзат, будет служить при нем по примеру своего отца Алискен-дер-бека, служившего верою и правдою покойному Али-султан-Ахмет-хану (т. II, с. 32—33).

У Толстого: «Паху-бике послала своего мальчику сына Булач-хана к Хамзату. Скоро после отправки Булач-хана явились новые посланные от Хамзата. Посланные объявили, что... Хамзату нужно лично переговорить с молодым ханом Абунунцалом и Омар-ханом».

У Зиссермана: «Он послал несколько мюридов к ханше с требованием прислать обоих старших сыновей: Абунунцала и Умма-хана» (т. II, с. 33).

В последней части главы VII редакции девятой говорится о том, что Хаджи-Мурат, увидев хитрые замыслы Гамзат-бека, советовал ханше не посылать к нему сыновей. «...соглашаясь с подозрениями Хаджи-Мурата, она решила послать только одного хана Омара».

У Зиссермана этого нет, имя Хаджи-Мурата при описании истории с Гамзат-беком не упоминается. Опасение о поездке ханов к Гамзат-беку высказывает у Зиссермана ханше не Хаджи-Мурат, а ее сын Абунунцал-хан. Толстой намеренно отступал от этого для того, чтобы показать ум молодого Хаджи-Мурата и ту значительную роль, которую он играл в ханской семье.

Далее у Толстого: «Когда же Омар-хан уехал и два дня не было о нем известий, она стала просить Абунунцала ехать к брату. Абунунцал соглашался с Хаджи-Муратом и опасался измены, но ханша, не помня себя от страха, поженски сказала сыну: «Считаешься храбрецом, а боишься опасности». Абунунцал не отвечал матери, велел оседлать своего карабаха и с Хаджи-Муратом и 20 нукерами поехал в лагерь Хамзата».

У Зиссермана почти так же, но опять без упоминания имени Хаджи-Мурата. «Между тем Паху-бике, беспокоясь долгим отсутствием Умма-хана, стала просить старшего сына поехать к Гамзат-беку... Когда нунцал в этот раз отказался, ханша, как бы увлекаемая роком, прибегла к сред-

ству, ускорившему развязку драмы: она попрекнула сына трусостью. Этого же, конечно, он не мог снести.

— Ты хочешь,— гордо сказал Абунунцал,— лишиться и последнего сына? Изволь, я поеду.— Взяв двадцать пукеров, он отправился в неприятельский лагерь» (т. II, с. 34).

Толстой заканчивает данную (V) главу словами: «Это было 23 августа». В источниках такой даты убийства Гамзат-беком ханов не имеется. В книге Зиссермана, т. II, с. 35, сказано, что убийство аварских ханов произошло 13 августа 1834 г. Возможно, Толстой ошибочно написал «23» вместо «13».

В следующей, VIII главе той же редакции девятой Толстой продолжает изложение истории Гамзат-бека. «Гамзат, сопровождаемый свитой более сотни мюридов... выехал на встречу Абунунцала».

У Зиссермана: «Гамзат-бек, лишь только завидел едущего хана... поспешил навстречу и принял его с рабскою почтительностью» (т. II, с. 34).

У Толстого: «Он сказал: «Я не сделал вашему дому никакого зла и не желаю и не сделаю. Вам сказали, что я хочу отнять у вас ханство, но это неправда. Я, напротив того, только хочу служить тебе так же, как отец служил твоему отцу. Одно, чего я желаю, это то, чтобы вы не дружили с русскими и не мешали мне проповедовать хазават, как завещал это мне святой Кази-Мулла, умерший в борьбе с неверными».

У Зиссермана: «Я не сделал вашему дому никакого зла и не намерен его делать; я даже не имел мысли отнимать у вас ханства. Все это ложные слухи, распушенные моими врагами. Моя просьба только в том, чтобы не искали моей смерти; я, по принятой на себя обязанности и званию, буду заниматься распространением мюридизма. Как отец мой служил твоему отцу, так и я желаю служить нынешнему хану, в распоряжение коего отдаю все мое войско. Действуйте по своему усмотрению, а я буду жить у вас в доме и помогать моими советами и опытностью, когда встретится надобность» (т. II, с. 33—34).

У Зиссермана эту речь Гамзат-бек произносит только перед старшим ханом Умма-ханом, еще до появления второго хана Абунунцала. У Толстого Гамзат-бек произносит эту речь, когда съезжаются все посланные ханшей.

У Толстого Гамзат-бек угощает обоих ханов в палатке перед их убийством. У Зиссермана эта подробность не имеется. Также у Зиссермана не указано, чтобы тут же в па-

латке находился Хаджи-Мурат и слышал слова Шамиля Гамзат-беку, колебавшемуся уничтожить молодых ханов: «куй железо, пока горячо». Толстой вводит Хаджи-Мурата, вопреки источнику. Ему это надо для того, чтобы события, связанные с Гамзат-беком, оказались решающими в жизни Хаджи-Мурата. Сцену убийства старшего хана, Умма-хана (он же и у Толстого и в источниках иногда именуется Омар-ханом), в палатке Гамзат-бека дана Толстым пространнее, чем у Зиссермана, у которого она производит слабое впечатление. Сцена же убийства второго хана, Абунунцал-хана, у Толстого значительно короче, чем у Зиссермана, у которого она занимает несоразмерно большее место.

Подробности этих убийств, заимствованные у Зиссермана, Толстым сохранены как в девятой, так и в последней редакции.

У Толстого в редакции девятой Абунунцал «был весь в крови и разрубленная щека его висела лохмотом до самого воротника бешмета». В последней редакции: «Половина лица у него была отрублена и висела. Он захватил ее одной рукой, а другой рубил кинжалом всех, кто подходил к нему».

У Зиссермана: «Видя невозможность одиночной борьбы, кучка мюридов бросилась на хана разом и один рассек ему левую часть лица... Прихватив рукою отрубленную щеку, Абунунцал выхватил шашку и нанес ею еще несколько смертельных ударов».

В главе IX той же редакции девятой у Толстого сказано: «На другой день после смерти ханов, 27 августа 1834 года Хамзат вступил в Хунзах». У Зиссермана этой даты нет. Затем Толстой рассказывает, что Хамзат выслал из Хунзаха ханшу Паху-бике и Салтанет. У Зиссермана только: «Гамзат-бек выслал ханшу в ближайший аул». Толстой вводит Салтанет, возлюбленную Хаджи-Мурата, для того, чтобы усугубить драматизм положения Хаджи-Мурата.

После этого у Зиссермана и у Толстого Гамзат-бек убивает ханшу Паху-бике и ее главного правителя Сурхан-хана.

Сцена прихода Хаджи-Мурата в слесарную мастерскую к деду с сообщением об убийствах, совершенных Гамзат-беком, и предсказания его деда о том, что Гамзат-бек погибнет подобно тому, как от него погибли ханы, а также разговора Хаджи-Мурата с братом о необходимости уничтожения Гамзат-бека и доноса на Хаджи-Мурата и его брата Гамзат-беку у Зиссермана нет, но у Зиссермана ска-

зано: мюрид сообщил Гамзату, что «его убьют в мечети во время молитвы; главным заговорщиком он назвал некоего Османли-Гаджиева, деда двух братьев Османа и Хаджи-Мурата, бывших эмджеками (молочными братьями.— А. С.) убитых ханов. Поколебленный Гамзат потребовал к себе Гаджиева. Хитрый старик, невзирая на пристальный взгляд, вперенный в него, умел с таким спокойным лицом приблизиться к имаму и так простодушно стал просить его помощи и содействия к обучению внука арабскому языку, что Гамзат, совершенно успокоенный, обещал ему исполнить его просьбу» (т. II, с. 37). Эти данные Толстой использовал в одном из вариантов редакции девятой, затем написал так: «Хамзат узнал про заговор и позвал к себе старика деда Османли-Гаджиева и спросил его, правда ли, что у него собирались аварцы, уговариваясь убить его? Османли отвечал, что это было неправда, что у него собирались только затем, чтобы просить Хамзата помиловать меньшего из ханских детей — Булач-хана. Хамзат обещал ничего не сделать дурного Булач-хану...»

Далее у Толстого: «13 сентября был магометанский праздник и Хамзат собрался в мечеть со своими мюридами. «Что определено богом, то будет», — сказал Хамзат и пошел в мечеть. Он сам был вооружен тремя пистолетами, за ним шли 20 мюридов с обнаженными шашками. Кроме того, было объявлено, чтобы в мечеть никто не входил в бурках, под которыми могло бы быть скрыто оружие».

У Зиссермана: «19 сентября был большой праздник и Гамзат-бек имел намерение идти в мечеть». «Что определено богом, того не избегнешь, и если мне завтра назначено умереть, то завтрашний день и будет днем моей смерти...» «Вооруженный тремя пистолетами и предшествуемый 12-ю мюридами с обнаженными шашками, вошел в храм Гамзат-бек». «На всякий случай, однако, приказал, чтобы никто из жителей не смел входить в мечеть в бурке, дабы можно было видеть вооруженных и отнять оружие» (т. II, с. 36 и 37).

У Толстого: «Войдя в мечеть, Хамзат увидел несколько человек в бурках, сидевших на полу.

— Что же вы не встаете, когда великий имам пришел молиться с вами? — крикнул один из людей в бурках, вскакивая на ноги. Это был... Осман, брат Хаджи-Мурата».

У Зиссермана: «Он уже готовился к молитве, как, заметив несколько человек в бурках, остановился. Тогда Осман (внук Гаджиева) громко обратился к собравшимся:

«Что же вы не встаете, когда великий имам пришел молиться с вами?» (т. II, с. 37).

У Толстого: «Хамзат понял, что это был враг, и остановился. Но Осман, как волк за овцой, бросился за ним и выстрелил в него в упор из пистолета».

У Зиссермана: «Гамзат почувствовал что-то зловещее в этих словах и стал отступать к дверям, но Осман вдруг выхватил пистолет и нанес ему тяжелую рану. За этим сигналом последовали еще несколько выстрелов, и коварный убийца ханов пал на ковер мечети, простреленный несколькими пулями».

Сцену убийства Гамзат-бека Толстой сохранил и в последней редакции, включив ее в рассказ Хаджи-Мурата (гл. XI, XIII), но значительно сократив и внеся в нее другие художественные детали.

Во II томе «Истории 80-го пехотного Кабардинского полка» Зиссерман дает краткий очерк возникновения мюридизма и приводит речь его основоположника муллы Магомета (с. 13). Так же как история Гамзат-бека, эта речь была много раз использована Толстым в его работе над «Хаджи-Муратом».

Впервые она помещена в редакции третьей в отвергнутой главе II. Здесь Хаджи-Мурат читает якобы «арабскую рукопись», начинающуюся словами: «Истинный магометанин не может находиться под властью неверных. Магометанин свободен и потому не может быть ничьим рабом. Все магометане равны...» В действительности — это переложение первых строк из речи муллы Магомета: «Магометанин не может быть ничьим рабом и никому не должен платить подати, даже магометанину. Кто мусульманин, должен быть свободный человек и между всеми мусульманами должно быть равенство...»

Во втором, также отвергнутом наброске той же главы рассказывается о том, что Хаджи-Мурат в детстве слушал проповедь мюридов. В рукописи проставлена ссылка на речь муллы Магомета для включения ее в текст.

В последнем варианте редакции третьей при упоминании Хаджи-Муратом слова «хазават» Лорис-Меликов спрашивает, что такое хазават, и Хаджи-Мурат, называя имя муллы Магомета, произносит всю его заученную на память речь.

В четвертый раз речь муллы Магомета использована для редакции седьмой в сцене убийства Хаджи-Муратом мюрида, завещающего ему идею хазавата: «Ты убил меня.

Но за то ты должен принять хазават, который состоит в том, что правоверный не может быть подвластен собакам неверным, не может быть ничьим рабом и никому не может платить подати».

В пятый раз речь муллы Магомета вводится в редакцию девятую в проповедь горцев, приехавших к деду Хаджи-Мурата. Сначала речь была дана здесь так же полностью, как в редакции третьей, затем сильно сокращена и вместо трех страниц от нее остается двенадцать строк. Толстому нужно было здесь представить фанатичного мюрида, своей страстной речью зажигающего Хаджи-Мурата. С этой целью из речи берутся лишь самые характерные выражения и соединяются со второй речью муллы Магомета (т. II, с. 13 и 17) следующим образом:

Первая речь: «Магометанин не может быть ничьим рабом... Кто мусульманин, должен быть свободный человек».

У Толстого: «Мусульманин не может быть ничьим рабом, а должен быть свободный человек».

Первая речь: «Кто считает себя мусульманином, для того первое дело — хазават, то есть война против неверных».

У Толстого: «Если же он покоряется кому-нибудь, а особенно гяурам, он не мусульманин уже. И потому, ежели он находится во власти неверных, первое дело его это хазават, война против гяуров».

Вторая речь: «...если же вы убежите с поля сражения, или через деньги и ложные обещания покорят вас, тогда ваши мечети будут обращены в церкви, вы будете навсегда прокляты, для вас нет спасения».

У Толстого: «Если кто побоится, тот проклят, и тому нет спасения».

Вторая речь: «Мы гости в этом свете, мы все должны переселиться в настоящее наше место, чтобы там найти спасение».

У Толстого: «Мы все гости на этом свете, все переселимся в настоящее наше место и потому ничего не бойтесь».

Вторая речь: «Один мусульманин должен идти против десяти неверных и не поворачиваться спиной к неприятелю. Кто так будет поступать, тот будет святым и вкусит все наслаждения рая» (т. II, с. 17).

У Толстого: «Один мусульманин должен идти против десяти неверных и не поворачиваться спиной к неприятелю. Кто так будет поступать, тот будет святым и вкусит все наслаждения рая».

В последнюю редакцию речь муллы Магомета не вне-

сена. Здесь она могла бы быть вставлена лишь в рассказ Хаджи-Мурата, но оказалась бы велика даже в сокращенном виде для лаконической речи Хаджи-Мурата, и по поводу возникновения мюридизма Хаджи-Мурат только говорит: «Мне было лет пятнадцать, когда по аулам стали ходить мюриды. Они били по камням деревянными шашками и кричали: «Мусульмане, хазават!» Чеченцы все перешли к мюридам». Данные о том, что мюриды ходили с проповедью хазавата по аулам, взяты также из книги Зиссермана.

В редакции девятой в главе III изображается экзекуция горцев. Один из горцев, чтобы избежать позора наказания, «бросился на штык ближайшего солдата и, схватив ружье за дуло, воткнул себе его штык ниже левого ребра».

О подобных случаях Толстой прочел у Зиссермана: «Некоторые из них (пленных горцев), собрав последние силы свои, выхватывали штыки у часовых и бросались на них, предпочитая смерть унижительному плену...» (т. II, с. 145).

Первоначально в редакции девятой непосредственно после сцены экзекуции горцев следовала глава, в которой Толстой резко осуждал царскую колониальную политику на Кавказе. Толстой подтверждает свою критику фактами, заимствованными из т. I книги Зиссермана, ввиду чего можно полагать, что замысел главы возник у Толстого благодаря этой книге. Зиссерман сообщает, что 15 сентября 1819 г. к чеченскому аулу Дадаюрт подошел русский отряд и обложил его... «Дрались здесь дадаюртовцы отчаянно: каждую саклю приходилось обстреливать артиллериею на ближайших расстояниях, в 100 шагах, под сильным ружейным огнем, затем брать штурмом. Как только пробивалось малейшее отверстие или осыпалась часть стенки, наши солдаты мгновенно врываются туда с штыками и уже не давали пощады. Рукопашный бой кинжалов и шашек против штыков произошел такой ожесточенный, какого войскам нашим едва ли еще и случалось до того встречать на Кавказе. Пришлось спешить часть казаков и послать в аул для подкрепления Кабардинских рот. Некоторые чеченцы, видя, что не устоять, на глазах наших солдат убивали своих жен и детей... Несколько женщин сами бросались с кинжалами на солдат и гибли на штыках... Ужасное побоище длилось несколько часов и аул был окончательно взят только после истребления всех его защитников; из 500 человек чеченцев взято только 14 тяжело раненных в плен, да взяты и спасе-

ны от побоища небольшое число женщин и детей (около 140 душ), тоже большей частью раненных, избегших смерти от ядер, пуль и штыков» (т. I, с. 353). Углы страниц с этим описанием загнуты Толстым, что делалось им, когда прочитанное производило на него особо сильное впечатление. По-видимому, картина зверского истребления аула и побудила Толстого написать о царской политике на Кавказе. Подтверждается это и тем, что описание уничтожения аула находится в той же части книги Зиссермана, из которой заимствованы почти все остальные приводимые Толстым в данной главе факты.

Начинается обличительная глава с того, что «...под предлогом внесения цивилизации в нравы дикого народа... слуги больших военных государств совершают разного рода злодеяния над мелкими народами, утверждая, что иначе и нельзя обращаться с ними. Так это было на Кавказе, когда, под предлогом чумы в 1806 году, жителям запрещалось выходить из аулов, и тех, кто нарушал это запрещение, засекали насмерть».

Об этом сказано у Зиссермана: «...по поводу появившейся в Турции в 1806—1807 гг. чумы предписано было и на Кавказской линии принять указанные законом меры. Усердное без разума начальство и применило к нагайским кибиткам все карантинные правила, а узнав где-либо о смерти одного человека — может быть, вовсе не от чумы,— заграждало жителям всякий доступ и сношения с соседними поселениями. Для туземцев подобные распоряжения казались чем-то совершенно произвольным и бесцельным, и некоторые, не придавая им особого значения, переходили секретно за черту оцепления, нарушая предписанные правила. Их ловили, отдавали под суд и гоняли жестоко шпицрутенами сквозь строй» (т. I, с. 332).

Дальше Толстой говорит: «Чтобы отличиться или забрать добычу, русские военные начальники вторгались в мирные земли, разоряли аулы их, убивали сотни людей...»

Эти строки написаны на основании сообщения Зиссермана о том, что Александр I подозревал, что причиной ряда набегов на горцев было одно лишь намерение начальников получить часть добычи (т. I, с. 328).

«Император Александр I,— говорит Толстой,— делая выговор Ртищеву, писал ему по случаю ничем не вызванного набега на мирную Чечню, сделанного Эристовым, что устанавливать сношения с соседними народами надо не жестокостью, а кротостью». Это тоже написано на основании

сообщения Зиссермана: «Полковник князь Эристов, назначенный командиром Суздальского полка, с отрядом сделал набег на Чечню, причем было побито до 150 чеченцев и захвачено у них много скота и проч. Император Александр, прочитав донесение об этом генерала Ргищева, особым рескриптом выразил ему свое неудовольствие и рекомендовал водворить спокойствие на Кавказской линии дружелюбием и ласковым снисхождением...» (т. I, с. 328). «Но,— продолжает Толстой,— все кавказские деятели такие указания считали ошибочной сентиментальностью, порождаемой незнанием характера горцев». «Ермолов, один из самых жестоких людей своего времени, считавшийся очень мудрым государственным человеком, доказывал государю вред системы заискивания дружбы и доброго соседства». Слова «считавшийся очень мудрым государственным человеком» написаны, наоборот, в противовес мнению Зиссермана о Ермолове как о «человеке замечательного ума и энергии» (т. I, с. 328).

Зиссерман говорит: «В 1818 году 20 мая Алексей Петрович Ермолов в собственноручном рапорте государю из станции Червленной излагал взгляд свой на отношения к соседним туземным племенам, убедительно доказывая вред системы заискивания дружбы и доброго соседства» (т. I, с. 329).

Как видим, Толстой дословно передает последнюю строку из книги Зиссермана. Пользуясь источниками, Толстой считал в некоторых случаях необходимым переносить из них в свой текст те или иные, по его мнению, удачные выражения.

Толстой продолжает: «Мало того, что считались полезными и законными всякого рода злодейства, столь же полезными и законными считались всякого рода коварства, подлости, шпионства, умышленное поселение раздора между кавказскими ханами». Это написано по поводу приказа Николая I об «употреблении политических средств к разъединению восставших племен», цитируемого Зиссерманом (т. II, с. 237).

В главе II последней редакции приводится разговор солдат:

«— А, сказывали, ротный-то опять в ящик залез. Проигрался вишь,— сказал один из солдат ленивым голосом.

— Отдаст,— сказал Панов.

— Известно, офицер хороший».

Материалом для этого диалога послужили следующие

строки в книге Зиссермана: «Во 2-м батальоне был ротный командир Трегубов, страстный игрок, имевший часто большие деньги, но проигрывавшийся и занимавший из ротных денег; рота на это не претендовала потому, что он исправно расплачивался» (т. III, с. 71).

У Толстого солдат делает вывод: «...Надо роте поговорить с ним: коли взял, так скажи, сколько и когда отдашь».

«— Как рота рассудит,— сказал Панов, отрываясь от трубки.

— Известное дело, мир большой человек,— подтвердил Авдеев».

Для этой последней фразы использовано замечание Зиссермана о том, что выражение «рота — большой человек» было так же распространено среди солдат на Кавказе, как в русской деревне часто можно было услышать фразу: «Мир — сила, кто может противу мира идти» (т. III, с. 70).

Разговор солдат по поводу растраты ротной кассы у Толстого поясняется указанием на значение роты как хозяйственной организации:

«В те времена на Кавказе каждая рота заведовала через своих выборных всем хозяйством. Она получала деньги от казны по 6 рублей 50 копеек на человека и сама себя про довольствовала, сажала капусту, косила сено, держала свои повозки, щеголяла сытыми ротными лошадьми. Деньги же ротные находились в ящике, ключи от которого были у ротного командира, и случалось часто, что ротный командир брал займы из ящика». Все это также написано по Зиссерману, у которого читаем:

«Рота была самостоятельная хозяйка, сама распоряжалась своими капиталами, покупала, расходовала, контролировала своих выборных, была, одним словом, такая замечательная община, какой нигде в других войсках, да и в русской армии не встречалось...» Отпускалось «смотря по местности — 5 р. 60 к. и 8 р. 40 к. на человека... Хозяйство заключалось главнейше в огородах... имела с собой три собственных троечные телеги, щеголяя друг перед другом лошадьми... всякий понимал значение покоса, огорода и проч. для своего благосостояния. Ящики с деньгами находились в руках ротного командира. Бывали случаи... что ротные командиры занимали деньги из ротных сумм...» (т. III, с. 69, 73).

В главе IX последней редакции, за обедом у наместника Воронцова, рыжий с щетинистыми усами «генерал расска-

зал про то, как Хаджи-Мурат в 43-м году, после взятия горцами Гергебиля, наткнулся на отряд генерала Пассека и как он, на их глазах почти, убил полковника Золотухина».

О поражении русских войск 1—8 ноября 1843 года при атаке фортов аула Гергебиль Толстой прочел во втором томе «Истории 80-го полка», с. 297—305. Однако здесь о столкновении Хаджи-Мурата с Золотухиным не упоминается. В действительности Хаджи-Мурат имел стычку с Золотухиным не в 1843 году, а 8 апреля 1851 года в сражении у Мякининского редута, когда Золотухин и был убит (В. Потто. «История 44-го драгунского Нижегородского полка». Спб., 1894, с. 73). Не имел Хаджи-Мурат в 1843 году и дела с отрядом генерала Пассека под Гергебилем. По данным Потто, Хаджи-Мурат встречался с Пассеком не под Гергебилем, а всего три раза: у Цельмеса, в Зырянах и под аулом Дарго («Военный сборник», 1871 г., № 11, с. 165). Все эти отступления от источников сознательно допущены Толстым для того, чтобы были упомянуты и прославившаяся во времена Хаджи-Мурата крепость Гергебиль, и известные по войне с горцами Пассек и Золотухин, последний сыграл особенно большую роль в боевой жизни Хаджи-Мурата.

В той же IX главе последней редакции рыжий генерал напоминает Воронцову о том, что Хаджи-Мурат «устроил в сухарную экспедицию засаду на выручке». Толстой разъясняет: «Дело в том, что храбрый генерал называл «выручкой» то дело в несчастном Даргинском походе, в котором действительно погиб бы весь отряд с князем Воронцовым, командовавшим им, если бы его не выручили вновь подошедшие войска. Всем было известно, что весь Даргинский поход, под начальством Воронцова, в котором русские потеряли много убитых и раненых и несколько пушек, был постыдным событием, и потому, если кто и говорил про этот поход при Воронцове, то говорил только в том смысле, в котором Воронцов написал донесение царю, то есть что это был блестящий подвиг русских войск».

О Даргинской экспедиции, длившейся с 1 по 20 июля 1845 года, Толстой упоминал еще в своих ранних кавказских произведениях, но в период работы над «Хаджи-Муратом» он прочел подробное ее описание у Зиссермана (т. II, с. 398—454). Экспедиция была прозвана солдатами «сухарной» вследствие того, что войска питались некоторое время только одними сухарями, которых к концу экспедиции тоже не стало. Потери экспедиции в условиях Кав-

казской войны были огромны: около 2000 человек убитых, более 4000 человек раненых (т. II, с. 468). Воронцов, разорив резиденцию Шамиля, не нанес ему этим большого урона и еле вывел из ущелий остатки своего отряда. В донесении же Николаю I (т. II, с. 457—460) писал, что войска в «блистательном порыве» доказали, «сколь малосилен наш неприятель в сопротивлении против русских».

В главе XV последней редакции Чернышев говорит Николаю I:

«Очевидно, план, составленный вашим величеством, начинает приносить свои плоды».

Основанием для этой реплики послужил доклад Чернышева Николаю I, в котором Чернышев писал о необходимости «приступить на Кавказе к неуклонному исполнению действий, высочайше одобренных в 1842 г.» (т. II, с. 464).

Давая в главе XV последней редакции характеристику Николаю I, Толстой останавливается на его непоследовательности в ведении Кавказской войны: «Несмотря на то, что план медленного движения в область неприятеля посредством вырубки лесов и истребления продовольствия был план Ермолова и Вельяминова, совершенно противоположный плану Николая, по которому нужно было разом завладеть резиденцией Шамиля и разорить это гнездо разбойников и по которому была принята в 1845 г. Даргинская экспедиция, стоившая стольких людских жизней, несмотря на это, Николай приписывает план медленного движения, последовательной вырубки лесов и истребления продовольствия тоже себе».

О том, что «план медленного движения» принадлежал Ермолову, Толстой прочел у Зиссермана (т. I, с. 328—332), где сказано, что с 80-х годов XVIII столетия в ведении Кавказской войны «никакой системы, никакой руководящей идеи не существовало», и Ермолов был первый, кто, в рапорте Александру I от 20 мая 1818 года, наметил систему искоренения горцев путем медленного продвижения в глубь гор. «Мысль о рубке просек обыкновенно приписывалась начальнику штаба при Алексее Петровиче Ермолове генералу Вельяминову, но нам приходится обоим им отдать в этом отношении справедливость» (т. I, с. 367—368).

Николай I в 1842 году утвердил эту систему по докладу Чернышева, в котором предлагалось «постепенное овладение плоскостями». В дополнение к этому Зиссерман сообщает, что через год «18 ноября 1843 г. из Петербурга писали: Государь не изменяет прежнего своего мнения насчет

неизбежности общей системы действий, но убедился, однако, в необходимости перейти временно к наступательным действиям, дабы решительным ударом сокрушить власть Шамиля» (т. II, с. 349). Овладение неприступным аулом Дарго, в котором жил Шамиль, и было собственным планом Николая I. У Зиссермана этот вопрос недостаточно ясно освещен. Поэтому Толстой, чтобы проверить историчность своего предположения о противоречиях стратегии Николая I, и обратился 21 февраля 1903 года к С. Н. Шульгину со следующим запросом: «Сколько я знаю, Николай сначала в 45 году требовал решительных действий, а потом, противореча сам себе и не замечая этого, требовал медленного воздействия на горцев вырубкой лесов и набегами. Интересно бы найти указания на это»⁶. Шульгин дополнительных данных по этому вопросу Толстому не доставил, и текст в главе XV о противоречиях стратегии Николая I Толстым не был изменен.

Часто высказываемое Зиссерманом критическое отношение к военным планам Николая дало основание Толстому вставить в характеристику Николая слова: «...Хотя он и гордился своими стратегическими способностями, в глубине души он сознавал, что их не было...»

В главе XIX последней редакции Шамиль подписывает составленное его тестем Джемал-Эдином «Провозглашение» 6 января 1852 года. Но в источниках такого «Провозглашения» за 1852 год не имеется. «Провозглашение» составлено Толстым по двум документам:

- 1) «приказу» Шамиля за 1847 год (т. III, с. 24),
- 2) «ответу» чеченской делегации, просившей защиты Шамиля от русских (т. III, с. 25).

У Зиссермана приказ Шамиля 1847 года начинался словами: «Желаю вам вечный мир с богом всемогущим. После этого душевного приветствия повелеваю не иметь не только намерения, но и помышления покоряться русским до тех пор, пока будет существовать небесная твердь». Из этих фраз первую фразу Толстой помещает в «Провозглашении» без всякого изменения, вторую фразу в сокращенном виде переносит в заключение «Провозглашения», остальную часть «приказа», о принятии Шамилем на себя обязанности бороться с неверными и требования от горцев исполнения его воли, Толстой не приводит, а заимствует текст из «ответа» Шамиля чеченской делегации: «Терпите и не покоряйтесь, если не будете вознаграждены в сей жизни, то в будущей. Теперь русские вас стали ласкать, желая вашей по-

корности, но вспомните, что было прежде, когда у вас стали отбирать оружие. Если бы не вразумил вас бог в 1840 году, вы бы уже были солдатами и ходили вместо кинжалов с штыками, а жены ваши были бы поруганы. Можете судить по прошедшему о будущем. Лучше умереть во вражде с русскими, чем жить с неверными. Я скоро с Кораном и шашкою в руках поведу вас против русских» (т. III, с. 24—25). Этот текст, значительно видоизмененный, входит в «Провозглашение», со вставкой характерных дополнительных слов «а жены ваши — ходили бы без шароваров», что взято из упоминания Зиссермана о том, что горцы вполне верили «рассказням о солдатчине, кормлении свининой, уничтожении мечетей, лишении женщин прав носить шаровары», чему горцы подверглись бы под властью русских (т. III, с. 25).

Придерживаясь довольно близко текста обоих документов, Толстой сокращает их, выкидывает лишнее, добивается предельной силы выразительности, вследствие чего бесцветный текст, каким изложен в переводе Зиссермана приказ Шамиля, становится неузнаваемым и настолько характерным для Шамиля, что кажется подлинным историческим документом. Само название, данное Толстым документу — «Провозглашение», придает ему особый восточный стиль. У Зиссермана это название отсутствует.

А. Л. Зиссерман.

**Хаджи-Мурат — сподвижник Шамиля. Материалы
Журнал «Русская старина», 1881, март**

«Материалы» состоят из: 1) Вступительной заметки Зиссермана. 2) Писем Воронцова к военному министру Чернышеву о Хаджи-Мурате. 3) «Записки» Лорис-Меликова, составленной по рассказам Хаджи-Мурата. 4) Отрывка из «Записок» М. Я. Ольшевского. 5) Заключительной заметки Зиссермана.

К этим статьям приложен портрет Хаджи-Мурата, относительно которого сказано, что, по свидетельству лица, «весьма близко знавшего Хаджи-Мурата» (очевидно, Лорис-Меликова), портрет «отличается достаточным сходством». Толстой руководствовался этим портретом при описании внешности Хаджи-Мурата. Это было единственное изображение его героя. В редакции третьей о наружности Хаджи-Мурата на основании этого портрета Толстой и го-

ворит: «выдающеюся чертою его лица были очень широко расставленные глаза и выступы лба на бровях».

Во вступительной заметке Зиссерман, сообщая о событиях, предшествовавших переходу Хаджи-Мурата к русским, говорит: «остался неразгаданным вопрос: было ли бегство к нам и обратно хитро придуманною, с ведома Шамиля, комбинацией, ради осмотра со всех сторон местных условий обороны, расположения войск, настроения покорного населения и т. п., в видах действия против нас; было ли это его единичною затеей, чтобы таким рискованным шагом смирить гнев имама и вновь войти в милость, получить прежнее значение в горах и проч., или же бежал он, искренно решившись перейти на нашу сторону и мстить своему оскорбителю...» Это Толстой использовал для первого своего наброска «Репей», где к Хаджи-Мурату недоверчиво относится и воинский начальник Иван Матвеевич, который «так же, как и все тогда на Кавказе, от главнокомандующего до последнего солдата, не знали, что такое была эта выходка Хаджи-Мурата, правда ли, что он оскорблен Шамилем, как он говорил, и ушел из гор, желая отомстить ему, или правда, что он вышел к русским только затем, чтобы высмотреть все и бежать». То же место вступительной заметки Зиссермана использовано для последней редакции (гл. XII): «Лорис-Меликову приходила мысль, разделяемая и некоторыми начальствующими лицами, что выход Хаджи-Мурата и его рассказы о вражде с Шамилем был обман, что он вышел, только чтобы высмотреть слабые места русских и, убежав опять в горы, направить силы туда, где русские были слабы». Зиссерман говорит, что «Записка» Лорис-Меликова «грешит скромностью подвигов Хаджи-Мурата... Все подробности новейшего периода Кавказской войны... изучены мною... и потому говорю о скромности Хаджи-Мурата, не боясь впасть в ошибку».

Это указание было принято Толстым во внимание при создании образа Хаджи-Мурата, с неоднократным подчеркиванием его черт «скромности».

В «Записке» Лорис-Меликова излагаются основные факты жизни Хаджи-Мурата. Для редакции первой было взято лишь то, что Хаджи-Мурату при переходе к русским не удалось увезти свою семью из-за того, что «дорогою один из посланных изменил, бежал и дал знать Шамилю» (с. 676).

Для редакции второй из «Записки» Лорис-Меликова ничего не заимствовано. Редакция же третья в той части,

в которой описывается жизнь Хаджи-Мурата, вся написана по «Записке», за исключением фактов из детства и молодости Хаджи-Мурата, о которых ни в «Записке» и ни в каком другом источнике не упоминается. Аул Цельмес (переименованный Толстым в «Цельбес» в редакции девятой), в котором Хаджи-Мурат одно время скрывался от русских, назван его местом рождения. В редакциях седьмой и восьмой также излагается биография Хаджи-Мурата, для которой материалом послужила та же «Записка». Для редакции девятой использованы данные о поездке Хаджи-Мурата с Омар-ханом в молодости за военной помощью к барону Розену в Тифлис: «прожив в Тифлисе десять дней и не получив желаемого удовлетворения, мы возвратились домой» (с. 168).

На основании этого Толстой рисует в главе VI пребывание молодого Хаджи-Мурата в Тифлисе, внося от себя ряд дополнительных фактов: прием Хаджи-Мурата с молодым ханом во дворце главнокомандующего, вовлечение Омар-хана в кутежи русскими офицерами, зарождение в душе Хаджи-Мурата чувства неприязни к русским. В главе X той же редакции рассказывается об избрании Хаджи-Мурата правителем Аварии и о том, что «командующий войсками в Аварии оказывал особенное расположение» к нему, но Ахмет-хан арестовал его, привязал к пушке, отправил в Темир-хан-шуру; по пути туда Хаджи-Мурат сбросился с обрыва, укрылся в ауле Цельмес, потом русские под начальством Бакунина, приехавшего из Петербурга и желавшего отличиться, напали на него, но «он отбился и убил самого Бакунина».

Обо всем этом сказано в «Записке». Таким образом, «Записка» Лорис-Меликова явилась для повести материалом первостепенной важности. Она послужила основой сообщения Хаджи-Мурата о своем прошлом, что Толстой считал необходимым для полноты его характеристики.

В последней редакции Лорис-Меликов приезжает к Хаджи-Мурату «по поручению главнокомандующего» и сообщает ему, что князь, хотя и знает прошлое Хаджи-Мурата, желает от него самого узнать всю его жизнь.

Основанием для этого послужило название записки: «Записка, составленная из рассказов и показаний Хаджи-Мурата по приказанию г. главнокомандующего (кн. М. С. Воронцова) состоящим при его светлости по особым поручениям гвардии ротмистром М. Т. Лорис-Меликовым».

В последней редакции первая часть рассказа Хаджи-Мурата о своем прошлом (гл. XI) — вымысел Толстого, вторая часть (гл. XIII) почти целиком написана по «Записке», после чего Толстым сказано, что Хаджи-Мурат сообщил Лорис-Меликову также «все свои военные дела», которых «было очень много». В «Записке» больше всего говорится о военной деятельности Хаджи-Мурата, так как в свое время для русских властей она представляла главный интерес, но Толстому она не была нужна для характеристики Хаджи-Мурата, так же как излишне имеющееся в «Записке» подробное описание организации армии Шамиля.

Из писем Воронцова к военному министру Чернышеву письмо от 20 декабря 1851 года было впервые полностью использовано для редакции третьей (1897 г.). В нем Воронцов говорит, что «неизвестность, в которой Хаджи-Мурат находится», вызывает в нем лихорадочное состояние...», «он не спит ночи...», «он очень сильно заботится о своем семействе». Толстой использовал это: «Он не спал ночи и, как зверь в клетке, ходил, прихрамывая, по двум комнатам отведенной ему квартиры... Беспокойство за семью еще более охватило его» (с. 638). Этим и ограничилось использование письма в редакции третьей. В последней редакции (гл. XV) Чернышев докладывает его Николаю I, согласно просьбе Воронцова к Чернышеву: «Прошу вас, любезный князь, повергнуть это на рассмотрение его величеству государю императору». Благодаря этому создается глава XV, посвященная Николаю I.

Другие письма Воронцова использованы частично. Так, в главе XIII последней редакции Хаджи-Мурат говорит Лорис-Меликову: «...Случилось то, что у меня спросили, кому быть имамом после Шамиля. Я сказал, что имамом будет тот, у кого шашка остра». Об этом читаем в письме Воронцова к Чернышеву от 25 апреля 1852 года: «Хаджи-Мурат... выразился... что по смерти Шамиля сабля и большее или меньшее влияние на жителей Дагестана порешат принадлежность одному или раздел между несколькими нынешней власти имама».

В главе XX последней редакции: «Жители кумыцкого аула Таш-Кичу, питавшие большое уважение к Хаджи-Мурату и много раз приезжавшие в укрепление, чтобы только взглянуть на знаменитого наиба, за три дня до отъезда Хаджи-Мурата посылали к нему послов просить его в пятницу в мечеть. Кумыцкие же князья, жившие в Таш-Кичу и ненавидевшие Хаджи-Мурата и имевшие с ним кровомще-

ние, узнав об этом, объявили народу, что они не пустят Хаджи-Мурата в мечеть. Народ взволновался и произошла драка народа с княжескими сторонниками».

Об этом Воронцов писал в том же письме: «...в Таш-Кучу он был виною, хотя и невольною, ссоры между так называемыми княжескими семействами кумыков и простым народом. Князья объявили, что не пойдут в мечеть, если там будет Хаджи-Мурат, а народ, напротив, уговаривал его идти туда, чтобы помолиться вместе с ними» (с. 663).

В главе XXII последней редакции Воронцов говорит Хаджи-Мурату, что «решит его дело, когда приедет в Тифлис генерал Аргутинский. Тогда Хаджи-Мурат стал просить Воронцова разрешить ему съездить на время пожить в Нухе... магометанском городе».

Об этом Воронцов писал Чернышеву там же: «я наконец сказал ему... надо для этого обождать приезда сюда князя Аргутинского... Видя, что пройдет еще 2—3 недели до приезда князя Аргутинского, он попросил меня позволить ему провести это время в Нухе, магометанском городе».

Воронцов писал в письме к Чернышеву от 25 апреля 1852 года об отъезде Хаджи-Мурата из Тифлиса в сопровождении капитана Бучкиева. Армянская фамилия Бучкиева побудила Толстого в редакции VIII включить в конвой Хаджи-Мурата «офицера из горцев... сухого горбоногого черного...» Это же сохранено и в главе XVIII последней редакции.

В главе XXV последней редакции Хаджи-Мурат «высмотрел в середине кустов старую канаву и решил засесть в ней и отбиваться... Он сказал это своим товарищам и велел им делать завал на канаве...» Об этой детали сообщается в письме Воронцова: «...он спрятался в какую-то яму, которую укреплял с товарищами, копая землю руками». Далее Воронцов пишет: «он отвечал ругательствами на предложение сдаться». Толстой использовал эту деталь в черновиках главы XXV, но при обработке выкинул ее.

В заключительной заметке к материалам в «Русской старине» Зиссерман говорит, что Воронцов выдавал Хаджи-Мурату «по 5 полуимпералов в день» и что «в его бешмете между подкладкой и ватой оказалось очень ловко размещенных 600—700 полуимпералов». Это побудило Толстого на создание в первой редакции двух сцен:

1) получения Хаджи-Муратом денег от статского советника Кириллова («он получал по 7 золотых ежедневно») и

2) зашивания в ночь перед бегством золотых в бешмет («их было вшито 700 штук»).

Эти сцены приводятся также в редакциях седьмой и восьмой и сохранены в последней редакции с той разницей, что в ней не указано количество золотых.

В заключительной же заметке Зиссермана говорится, что Хаджи-Мурат происходил из аварских ханов и по крови был незаурядным горцем. У Толстого в «Репье» Хаджи-Мурат — «тавлинец, между своими благородного рода». Расхождения между Зиссерманом и Толстым нет, так как «тавлиницы» («тау» — по-тюркски гора) — общее название всех жителей Нагорного Дагестана, а «аварцы» («авар» — по-тюркски беспокойный, бродяжный) — название одного из нагорных племен Дагестана. В заключительной заметке Зиссермана еще сказано, что Хаджи-Мурат «особенно обожал своего старшего сына». Это послужило для Толстого основанием несколько раз упоминать о нежных чувствах Хаджи-Мурата к своему сыну Юсуфу.

В конце заключительной заметки Зиссерманом говорится: «...перенести этого гениального дикаря всего, каков он был,— в армию французов, либо еще лучше в армию Мольтке, в какую хотите европейскую армию, всюду Хаджи-Мурат явился бы лихим командиром кавалерии».

У Толстого в главе IX последней редакции за обедом у Воронцова во время разговора о Хаджи-Мурате «глупый грузинский князь» сказал:

«— Если бы он родился в Европе, это, может быть, был бы новый Наполеон...

— Ну, хоть не Наполеон, но лихой кавалерийский генерал,— да,— сказал Воронцов».

А. Л. Зиссерман.

Двадцать пять лет на Кавказе (1842—1867)

Спб., 1879, 2 части

(Хранятся в библиотеке Ясной Поляны)

«Двадцать пять лет на Кавказе» — основное произведение Зиссермана, наиболее им самим ценимое, вследствие чего оно и было подарено им Толстому с его собственноручной надписью. Начав службу на Кавказе юношей в качестве гражданского канцелярского служащего, Зиссерман затем перешел на военную службу и дослужился до чина полковника. Он подробно рассказывает о своей служебной карье-

ре и попутно описывает горцев, их нравы, обычаи, природу Кавказа, отдельные эпизоды Кавказской войны и встречи с кавказскими деятелями. Сочинение страдает длиннотами, но включает много ценного фактического материала. Толстым сделано в книге множество пометок для своей работы над «Хаджи-Муратом».

В редакции первой о матери Хаджи-Мурата сказано: «Она была взята в кормилицы к аварскому хану. Он рос с ханом и в молодости жил и джигитовал с ним». Это написано на основании упоминания Зиссермана о том, что Хаджи-Мурат был «эмждек, молочный брат одного из аварских ханов» (ч. I, с. 413).

В той же редакции фамилия прикомандированного Воронцовым к Хаджи-Мурату пристава — Эрстов. Эта распространенная грузинская фамилия была, конечно, известна Толстому и раньше, но теперь, вероятно, он остановился на ней, прочтя у Зиссермана: «В числе многих грузинских князей, состоявших при Воронцове, был... князь Захар Георгиевич Эрстов» (ч. I, с. 265).

В редакции первой говорится: «Переходя над пропастью, Хаджи-Мурат бросился под кручу с солдатом, убил солдата, сломал себе ногу, и сам, развязавшись, освободился и приполз к пастухам, которые спрятали его... Когда он выздоровел, он пришел к Шамилю». Об этом эпизоде рассказывается в нескольких источниках с иными подробностями, чем у Зиссермана. Но Толстой в редакции первой пишет по Зиссерману, у которого читаем: «связанный арестант внезапно бросился с кручи, увлекая за собой одного из конвойных солдат, который убился, а сам со сломанной ногой кос-как дополз до ближайших овечьих загонов и с помощью пастухов спасся в ближайший аул, где после месячного лечения выздоровел. Затем... явился к Шамилю» (т. II, с. 179).

Этот эпизод излагается в редакции третьей точно так же, как в редакции первой, но в редакции седьмой Хаджи-Мурат, «рукою таща за собой ногу, дополз» не к пастухам, как у Зиссермана, а «до аула, где его вылечили и вывели». В редакции восьмой новая версия: Хаджи-Мурат сломал не только ногу, но и ребро, и «его нашли, ребро залечили, а нога осталась короткая». В редакции девятой, так же как в седьмой, Хаджи-Мурат сломал лишь одну ногу и дополз до аула. В последней редакции (гл. XIII) эпизод особенно подробно описан, с добавлением многих вымышленных художественных подробностей, но в основном Тол-

стой еще больше здесь следует за Зиссерманом, чем раньше: «Вели сорок солдат с заряженными ружьями (у Зиссермана — 30 солдат, ч. I, с. 412. В предыдущих редакциях количество солдат не указывалось). Руки были связаны, и велено было убить меня, если я захочу бежать. Я знал это. Когда мы стали подходить, подле Моксоха (аул Моксох упоминается Зиссерманом: ч. I, с. 412) тропка была узкая, направо кручь, сажен в пятьдесят, я перешел от солдата направо, на край кручи. Солдат захотел остановить меня, но я прыгнул под кручь и потащил за собой солдата. Солдат убился насмерть, а я вот жив остался. Ребра, голову, руки, ноги — все поломал, пополз было — и не мог... Пастух увидал. Позвал народ, снесли меня в аул. Ребра, голова зажили, зажила и нога, только стала короткая».

Зиссерман дает в своей книге описание приручения горцами охотничьих ястребов, внося такую подробность: ястреб «срывается с руки, повисает на шнурках», ему «цмокают, присвистывают...» (ч. I, с. 44—45).

Толстой создает из этого в «Репье» поэтическую страницу воспоминания Хаджи-Мурата о сыне: «Магома шел в гору, легко поднимаясь своими длинными тонкими ногами, и на одной левой руке, подогнутой к плечу, нес на перчатке сокола, а другой, ловко размахиваясь, пускал высоко вверх поднимаемые с земли камушки... В ту минуту, как он вскинул камень, сокол сорвался с его руки и повис на ремнях, трепеща крыльями, пища и позванивая бубенцами. Магома ловким движением опять вскинул его, зачмокал и опять нагнулся, выбирая получше камень».

Редакция вторая начиналась описанием вечера в крепости: солдаты «вышли из казарм и своих домиков... на вечернюю зорю... стали лицом на восток, песенники пропели «отче наш», часть солдат получает приказ выйти рано утром на рубку леса, другая назначается «в секрет». Когда стало «совсем темно и яркие звезды зажглись над горами», солдаты, назначенные «в секрет», выступили из крепости.

Данные о том, что в кавказских крепостях, помимо казарм, существовали отдельные «домики» для семейных солдат, образующие «форштадт» — предместье крепостей, имеются в книге Зиссермана, ч. II, с. 288.

Изображенная Толстым сцена вечера в крепости написана по Зиссерману, у которого читаем: «Вечер: пробили зорю, ударили на молитву, весь лагерь... огласился стройным пением в каждом батальоне молитвы господней... Раздалась последняя барабанная дробь, обряд кончился, все

расползлись по палаткам, и люди, назначенные в цепи, секреты и проч., тронулись в путь» (ч. II, 36). Эта сцена, значительно измененная впоследствии, была перенесена в последнюю редакцию (гл. II).

В редакции третьей описан званый обед во дворце старого Воронцова. Сцена эта возникла при чтении книги Зиссермана. О знаменитых в свое время на Кавказе званых обедах Воронцова Толстой не мог не слышать в молодости, живя в Тифлисе. Но сцена с обедом описана не по воспоминаниям, а по тексту Зиссермана. Это подтверждается тем, что в последней редакции Толстой в точности следовал Зиссерману.

У Зиссермана: «Обеды... начинались ровно в 6 часов» (ч. I, с. 107).

У Толстого: «Было шесть часов вечера и Воронцов шел к обеду». У Зиссермана: «...приглашенных каждый день было не менее 25—30 человек (т а м же). У Толстого: «приглашенные к столу человек тридцать». У Зиссермана: Воронцов «чрезвычайно доволен бывал... если около него сидела княгиня — умнейшая из туземок... Манана Орбелиани. Княгиня Манана, не взирая на свои тогда уже не молодые лета, не менее 45 лет, была одна из красивейших женщин» (ч. I, с. 107—110). У Толстого: Воронцов, подойдя «к грузинской княгине Манане Орбелиани, сорокапятилетней восточного склада, полной высокой красавице, подал ей руку, чтобы вести ее к столу... Грузинский князь подал руку графине Шуазель, приятельнице княгини».

У Зиссермана «грузинского князя» нет, но есть упоминание о приятельнице княгини графине Шуазель. У Толстого княгиня переводила по-французски разговор за обедом графине Шуазель, не понимавшей по-русски. На самом деле графиня Шуазель была русская, урожденная княжна Голицына, в замужестве за адъютантом Воронцова, сыном французского эмигранта графа Шуазель де Гуфье⁷. После смерти мужа графиня проживала в доме Воронцовых, и русский язык не могла не знать, так как всю жизнь прожила в России. Но Толстой изобразил графиню Шуазель французенкой для придачи лишнего штриха к картине богатства и аристократизма дома князя Воронцова.

У Зиссермана: Воронцов был «в его любимом егерском длинном сюртуке» (ч. I, с. 85). У Толстого: «Воронцов был в своем обычном черном военном сюртуке». У Зиссермана: Воронцов «садился посередине стола на одной», жена его «на другой стороне» (ч. I, с. 107). У Толстого: «Воронцов

сел в середине длинного стола. Напротив его села княгиня, его жена...»

Зиссерман упоминает о красавице грузинке Елене Эристовой. У Толстого она без фамилии — «стройная, черная, румяная, в блестящих украшениях княжна-грузинка, не переставая улыбающаяся». У Зиссермана: «разговоры велись, конечно, не громкие, но оживленные», и только когда Воронцов что-нибудь начинал рассказывать, наступало общее молчание» (ч. I, с. 108). У Толстого: Воронцов «стал рассказывать так, чтобы могли слушать все сидящие за столом... Все обедавшие, даже молодежь, адъютанты и чиновники, сидевшие на дальних концах стола и перед этим о чем-то тихо смеявшиеся, все затихли и слушали». У Зиссермана: «После обеда, когда обносили кофе, которого Воронцов никогда не пил, он обходил своих гостей, кому говорил какую-нибудь любезность, предлагал вопрос или вспоминал что-нибудь деловое...» У Толстого: «после обеда, когда в гостиной обнесли кофе, князь особенно ласков был со всеми...» У Зиссермана: «Затем уходил в гостиную, играл в ломбер». У Толстого: «обойдя всех гостей, князь сел за карты. Он играл только в старинную игру — ломбер». У Зиссермана упоминается «полковник Д», который для того, чтобы быть «домашним человеком» Воронцова, «выучился ломберу у его лакея». У Толстого в числе партнеров Воронцова: «армянский генерал, выучившийся у камердинера князя играть в ломбер». У Зиссермана Воронцов иногда «брал щепотку из лежавшей около него золотой табакерки с портретом Александра I и как будто нюхал» (ч. I, с. 108—110). У Толстого: «Поставив подле себя золотую табакерку с портретом Александра I, Воронцов разодрал атласные карты...», затем «...достал старчески сморщенными белыми руками щепотку французского табаку, поднес ее к носу и высыпал».

В конце IX главы у Толстого: «вошел камердинер, итальянец Джовани с письмом на серебряном подносе». Об этом Джовани Зиссерман сообщает: «ловкий, всему Кавказу хорошо известный камердинер «Джовани», то есть просто Иван Мартыныч, из одесских, кажется, молдаван, — лицо знаменитое... «он был без всякого преувеличения русский Меццофанти и говорил одинаково бегло на двадцати, по крайней мере, европейских и восточных языках» (ч. I, с. 108). Но Толстой называет лакея Воронцова итальянцем также с художественной целью, делая более яркой картину роскоши Воронцова.

Зиссерман заключает свое описание званого обеда словами: «...подобные мелочи покажутся, конечно, неинтересными и лишними читателю, не кавказскому старожилу...» (ч. I, с. 108). В самом деле у Зиссермана они кажутся лишними. Но, преобразованные Толстым, живут и ярко воссоздают картины жизни знатного сановника.

В одном из набросков редакции пятой, датированном 12 января 1898 года, дана сцена прогнания горцев сквозь строй по описанию Зиссерманом экзекуции качагов (ч. I, с. 340—341). Впоследствии эта сцена была перенесена в редакцию девятую (гл. III).

У Зиссермана: «Собраны были из всего округа старшины, муллы, почетные жители и пр.». У Толстого: «В назначенный день из всех аулов народ верхами и пешком двинулся к тому месту, где должна была происходить казнь». У Зиссермана: «генерал обратился через переводчика к народу с грозной речью» (ч. I, с. 340—341). У Толстого: «...один из офицеров вышел вперед, и остановившись перед закованными, поднял к глазам бумагу и начал читать».

У Зиссермана: «Генерал слез с лошади, ему поставили на возвышение походное складное кресло, подали трубку с длинным янтарным чубуком, его окружили несколько офицеров из штаба и началась кровавая расправа». У Толстого: «...сидел на барабане толстый усатый человек в черных узких штанах, белом кителе с золотыми наплечниками и в фуражке с красным околышком. Это был начальник. Около него стояло несколько человек таких же, как он, начальников и два солдата. Один из солдат подал ему на длинном чубуке трубку. Начальник взял трубку, закурил ее о зажженную бумажку, которую поднес один из солдат к трубке, и сделал знак».

Как обычно, заимствовав материал, Толстой совершенно видоизменяет его художественными вставками вроде таких: «начальник махнул рукой, барабан остановился и опять стал слышен шум налившегося вчерашним дождем ручья и крик молодых орлов на горе».

Книга Зиссермана дала некоторый материал и для главы X последней редакции. При перечислении посетителей в приемной Воронцова у Толстого сказано: «тут был армянин богач, покровительствуемый доктором Андреевским, который держал на откупе водку и теперь хлопотал о возобновлении контракта».

Зиссерман по поводу покровительства доктором Андреевским ряда коммерсантов сообщает: «можно приве-

сти дело о довольствии войск кавказской армии спиртом. Из этого была устроена долголетняя монополия для одного тифлисского торгового человека, извлекавшего миллионные барыши... Было и еще не мало таких крупных интересных дел, где через доктора достигали решения к явному ущербу казне» (ч. I, с. 125). У Толстого в приемной Воронцова находился также «пристав с большим свертком, в котором был проект о новом способе покорения Кавказа».

По поводу подачи всевозможных проектов о покорении Кавказа Зиссерман рассказывает о тогдашней моде на проекты, очень снисходительно принимавшиеся князем и дававшие авторам надежды на особое внимание (ч. I, с. 129). У Толстого: «он (Воронцов.— А. С.) говорил «ты» молодым офицерам». У Зиссермана: «Воронцов говорил «ты» молодым людям» (ч. I, с. 85).

В этой же главе Толстой описывает бал в доме Воронцова, на котором присутствует Хаджи-Мурат. «Молодые и не совсем молодые женщины в одеждах, обнажавших и шею, и руки, и почти груди, кружились в объятиях мужчин в ярких мундирах... Жена сардаря тоже, несмотря на свои немолодые годы, так же полуобнаженная, ходила между гостями, приветливо улыбаясь... подходили к Хаджи-Мурату... спрашивали... как ему нравится то, что видит... Хаджи-Мурат отвечал всем, что у них этого нет...»

Эта сцена навеяна следующим сообщением Зиссермана — не о Хаджи-Мурате, а об одном горце: «На балу Хакматец, озадаченный невиданным зрелищем, не преминул, однако, заметить, что весь этот блеск омрачается непостижимым для него бесстыдством этих женщин с обнаженными плечами и руками, так свободно толкающихся между мужчинами и позволяющих при всех себя обнимать (в танцах.— А. С.). Он удивлялся, как это сардарь допускает их к себе в дом да еще во время приглашения в гости всех знатнейших военачальников... Но когда я ему объяснил, что эти женщины — супруги и дочери всех этих сановников... и жена самого сардаря (наместника), хевсур мой просто стал в тупик» (ч. I, с. 190).

Глава XV начинается у Толстого строками: «Донесение это было отправлено из Тифлиса 24 декабря. Накануне же нового, 52-го года, фельдъегерь, загнав десяток лошадей и избив в кровь десяток ямщиков, доставил его к князю Чернышеву...» Срок доставки донесения и картина избияния фельдъегерем ямщиков взяты у Зиссермана, который пи-

шет: «Мы уже были готовы выезжать, как к станции подскочил фельдъегерь, от которого мы узнали, что он восемь дней, как из Петербурга (тогда это считалось почти баснословною скоростью) (ч. I, с. 186). В. (полковник генерального штаба) взбесился: «Ты, скотина, почему дал себя обогнать, ведь наша тоже курьерская тройка?..» «Помилуйте, ваше высочество, там сидят двое, а нас четверо, да еще большой чемодан». Но не успел он еще вымолвить последнее слова, как ему полетели в спину кулаки, фуражка у него свалилась на дорогу и В. не позволил остановиться, чтобы ее поднять, осыпая ямщика кучей казарменных ругательств, неистово повторяя: «пошел, пошел, такой-сякой...» Тогда ведь этим хвастались... молодежь военная даже рисовалась... сочиняла подвиги, вроде избития какого-нибудь станционного смотрителя...» (ч. I, с. 156—187).

В той же главе XV у Толстого читаем: «Чернышев не любил Воронцова и за всеобщее уважение, которым пользовался Воронцов, и за его огромное богатство, и за то, что Воронцов был настоящий барин, а Чернышев все-таки *rag vepu*» *.

У Зиссермана так: «Чернышев с графом Воронцовым был не в приятных отношениях, видя в нем не рабского подчиненного, каковыми были все остальные генералы (за исключением, конечно, Паскевича), а соперника и вообще слишком самостоятельного человека» (ч. I, с. 48).

У Толстого Чернышев «хотел внушить государю, что Воронцов, всегда в ущерб русским оказывающий покровительство и даже послабление туземцам». У Зиссермана: «При Воронцове... как в военном, так и в гражданском ведомствах лучшие места стали занимать туземцами» (с. 116—117). «Желание князя Воронцова вышарить туземцев и давать им всеми возможными способами ход выражалось систематически на каждом шагу» (с. 122).

Толстой заимствовал у Зиссермана и одно сравнение. Зиссерман пишет об офицере, прошедшем строгую муштровку: «с полным стаканом на кивере он прошел бы, конечно, не пролив ни капли» (ч. II, с. 184).

В начале главы XVI описывается выход из крепости отряда. «Отряд, назначенный в набег, состоял из четырех батальонов пехоты, двух сотен казаков и восьми орудий».

* выскочка (франц.).

Это перечисление войсковых частей соответствует такому же перечислению у Зиссермана: «Состав отряда... был... следующий: 2 и 3 батальоны Эриванского карабинерного, 3 и 4 грузинского гренадерского ...осьми или десяти горных орудий ...две сотни донских казаков...» (ч. II, с. 343).

По данному приему можно судить о том, насколько точно Толстой придерживался источников для верного изображения действительности. Кроме того, этот пример указывает и на кропотливость его исследовательской работы. Численность отряда дана им по одному источнику («Двадцать пять лет на Кавказе»), а сцена выхода этого отряда — по другому (рассказ Власова в «Истории 80-го Кабардинского полка», см. выше).

В главах XXIII и XXV последней редакции упоминается пение соловьев. Под это пение Хаджи-Мурат принимал решение бежать в горы, это же пение раздается после его смерти. Контраст между радостным пением соловьев и гибелью Хаджи-Мурата подчеркивает трагичность судьбы Хаджи-Мурата. Навеяна эта деталь описанием Нухи у Зиссермана, отмеченное Толстым: «Нуха картинностью местоположения, относительной опрятностью, оживленностью, отсутствием удушливой жары, вечерним шелканьем и пересвистами множества соловьев по садам оставляет весьма приятное впечатление» (ч. I, с. 316).

Книга Зиссермана была главным образом использована для последней части повести. О смерти Хаджи-Мурата писали также Воронцов, Потто, Полторацкий, Ольшевский, Харитонов и др. Но для Толстого основным материалом послужило сочинение Зиссермана.

В редакциях первой, седьмой, восьмой и последней описание гибели Хаджи-Мурата начинается описанием его выезда на прогулку. Так и у Зиссермана: «почти каждый день после обеда Хаджи-Мурат... ездил гулять по окрестностям Нухи» (ч. II, с. 91).

Далее Зиссерман говорит, что в день своей смерти Хаджи-Мурат выехал на прогулку «позже обыкновенного». В «Репье» время выезда не указано, но в седьмой и восьмой редакциях — как у Зиссермана: «...он каждый день после обеда выезжал... Так и 17 апреля он поехал...» В последней редакции Хаджи-Мурат решает выехать не позже обыкновенного, как у Зиссермана, а наоборот, когда «солнце еще не всходило, но было совсем светло» (гл. XXIII). Это отступление от Зиссермана объясняется тем, что у Толстого

Хаджи-Мурат проводит перед бегством ночь в душевной борьбе и настолько взволнован, что должен тотчас же действовать. У Зиссермана Хаджи-Мурат выезжал на прогулку в сопровождении «квартильного надзирателя из туземцев Халил-бека и казачьего урядника». В «Репье» этого нет, но в седьмой и восьмой редакциях — как у Зиссермана: «один урядник, казаки и еще мирной». В последней редакции «мирной» выпущен: может быть, для того, чтобы были две определенные враждебные группы: горцы и русские. У Зиссермана: «удалившись верст на 6—7 от города» (ч. II, с. 91), Хаджи-Мурат «вдруг выхватил из-за пояса пистолет, убил наповал урядника». Для этого у Толстого в «Репье» Хаджи-Мурат пускает рысью свою лошадь, урядник Хазаров нагоняет его, велит ехать тише, но Хаджи-Мурат не слушает, Хазаров замахивается шашкой, «но не успел он вынуть шашку, как уже раздался выстрел из пистолета и казак схватился за грудь».

В седьмой и восьмой редакциях эта сцена выпущена, и только сказано, что были «убиты казак и мирной... нашли же их поздно, почти затемно». В последней редакции сцена с урядником восстановлена и расширена.

В «Репье» во время расправы нукеров с казаками Мишкин скачет обратно в крепость и доносит о побеге Хаджи-Мурата. В седьмой и восьмой редакциях этого нет. У Зиссермана по-другому: воинский начальник Карганов беспокоится долгим невозвращением Хаджи-Мурата с прогулки, «вслед за тем дали ему знать, что нашли на дороге убитых урядника и квартильного» (ч. II, с. 92). В седьмой и восьмой редакциях соответственно этому Каменев сообщает: «...мне сам Карганов рассказывал: отпустил, говорит, я его, и как всегда сердце не на месте... Собрал Карганов казаков, сел верхом, поехал искать. Отъехали версты две, наткнулись на лошадей, и на дороге оба убитые...» В последней редакции это выпускается и восстанавливается сцена расправы с казаками и возвращение в крепость Мишкина.

Далее у Зиссермана: «Схватив тогда все то, что можно наскоро собрать из вооруженных жителей, и послав приказание в ближайшие аулы, чтобы конные скакали за ним, Карганов пустился по следам беглецов...» (ч. II, с. 92). Он послал нарочных в Элису к приставу, чтобы тот тоже собрал милиционеров и разослал известие во все стороны. Так же и в «Репье»: «тревога дана была везде. И не только все бывшие в наличности казаки и пехота посланы наперерез беглецам, но и все со всех мирных аулов милиционеры».

В седьмой и восьмой редакциях: «Карганов дал тревогу и собралось человек сто, пустились к горам».

Зиссерман высказывает предположение, что Хаджи-Мурат, сообразив, что погоня пустится за ним в направлении гор, «решился на хитрость, которая могла ввести преследующих в обман и дать ему возможность скрыться. Вместо того, чтобы броситься в горы, беглецы пустились напротив, внутрь края, с целью переправиться через Алазань на нухинскую почтовую дорогу, куда никому и в ум бы не пришло кинуться за ними в погоню; затем, проехав почтовой дорогой вверх по Алазани, опять переправиться на левый ее берег и лесами... уже пуститься в горы. Хитрость удалась бы непременно, если бы не помог нам случай... В это время уже смеркалось... они попали на сплошные рисовые поля, как известно, искусственно заливаемые водой, и, бросаясь то вправо, то влево, никак не могли попасть на тропинку, а все вязли в топях. Пробившись таким образом часа два и замучив лошадей, они решились забраться в видневшийся вблизи кустарник и дожждаться там рассвета» (ч. II, с. 92).

В «Репье» так: «дорога по лесу — частому, непрокатному, заросшему колючками, так что без дороги нельзя было и думать ехать — шла вправо и по направлению не куда нужно было, а в такие места, где могут и должны по тревоге встретить и остановить... Выехали в кукурузное поле. Проехали полем и опять въехали в лес. В лесу наехали на ручей». В «Репье» рисовое поле не имело того рокового значения, как у Зиссермана. Так же отступает Толстой в этом месте от Зиссермана в редакциях седьмой и восьмой. Но в последней редакции он придерживается Зиссермана во всех деталях: «Хаджи-Мурат повернул в противоположную сторону, влево, рассчитывая на то, что погоня бросится за ним именно направо. Он же, и без дороги переправясь через Алазань, выедет на большую дорогу, где его никто не будет ожидать, и проедет по ней до леса и тогда уже, вновь переехав через реку, лесом проберется в горы. Решив это, он повернул влево. Но доехать до реки оказалось невозможным. Рисовое поле, через которое надо было ехать, как это всегда делается весной, было только что залито водой и превратилось в трясины, в которой выше бабки вязли лошади. Хаджи-Мурат и его нукеры брали направо, налево... Лошади с звуком хлопання пробки вытаскивали утопающие ноги в вязкой грязи и, пройдя несколько шагов, тяжело дыша останавливались. Так они бились так долго, что начало смеркаться, а они все еще не доехали до реки. Влево

был островок с распустившимися листиками кустов, и Хаджи-Мурат решил въехать в эти кусты и, дав отдых измученным лошадям, пробыть до ночи...»

По Зиссерману, гнавшийся за Хаджи-Муратом Карганов «встретил какого-то татарина, возвращавшегося на арбе домой... и без особенной надежды узнать от него что-нибудь, а просто, как бы по наитию, остановил его вопросом: откуда едешь? Получив ответ, что с работы в поле, он еще спросил его: какая же у тебя работа могла быть так поздно, впотьмах? Тогда татарин рассказал, что в сумерки, уже собираясь домой, он заметил каких-то пятерых вооруженных верховых людей, разъезжающих по полям, испугался и притаился в канавке, не смея подняться все время, пока верховые кружили около него, очевидно отыскивая дорогу; когда же они въехали в кусты, он незаметно прополз к оставленной в стороне своей арбе и отправился домой» (ч. II, с. 93).

В «Репье» Толстой этот эпизод несколько изменил. Встретившийся Хаджи-Мурату назван не татарин, а стариком. Он ехал с кукурузой. Хаджи-Мурат расспрашивает его о дороге, берет его с собой, но наталкивается на русских, с которыми вступает в борьбу.

В седьмой и восьмой редакциях этот эпизод передается почти как у Зиссермана: «...ночью уж Карганов хотел назад ехать, встречает татарина на арбе с хворостом, стал спрашивать, зачем так поздно едет, а татарин, оказывается, наткнулся на Хаджи-Мурата, когда они искали дорогу, и испугался, спрятался в канаву и все видел, как они месили рисовое поле и как потом въехали в кусты». Так же передается этот эпизод и в последней редакции, но только татарин опять назван стариком и он не едет на арбе, а собирает в лесу дрова, а в это время «шесть конных кружились по рисовому полю». Слово «кружились» взято у Зиссермана.

У Зиссермана читаем: «Карганов... посадив татарина верхом, приказал ему показать кусты, в которые заехали беглецы». В «Репье» этого эпизода нет, но в последней редакции есть: «Карганов, захватив с собой старика, вернулся назад...»

У Зиссермана: «Чуть стало рассветать, Карганов увидел пять спутанных лошадей». В «Репье»: «К утру, только стало розоветь на горах, слышались шаги и говор»; но в редакциях седьмой и восьмой — как у Зиссермана: «когда стало рассветать, в кустах показались стреноженные лошади...» В последней редакции также почти как у Зиссермана:

«как только стало светать, так к кустам близко подъехал согенный командир милиции», то есть Карганов.

Зиссерман рассказывает, что Карганов «начал кричать Гаджи-Мурату, чтобы лучше сдался, что ему все пути отрезаны и что, положившись на милость сардаря, он сохранит свою жизнь и т. п. Вместо ответа последовали выстрелы...» (ч. II, с. 94).

В «Репье» сдаваться предлагает Хаджи-Мурату не Карганов, а один из «мирных». Но в редакциях седьмой и восьмой — так же, как у Зиссермана: «Карганов остановил свою стрельбу и стал кричать, чтобы Хаджи-Мурат сдался, что сардарь простит его, если он покорится. Горцы заругались, завизжали и стали палить».

По Зиссерману, Карганов «приказал сделать несколько выстрелов, чтобы поднять беглецов на ноги, и велел своим людям идти в кусты, по храбрецов, невзирая на угрозы, на просьбы, не оказывалось». Лишь после выстрелов Карганова Хаджи-Мурат защищается.

В «Репье» Толстой отступает от текста Зиссермана. Первая стрельба начинается не со стороны Карганова, а со стороны Хаджи-Мурата. Толстой передает ему инициативу для подчеркивания его неустрашимости. В седьмой и восьмой редакциях Толстой придерживается Зиссермана: «Карганов велел стрелять в кусты и вызвал охотников броситься в кусты, чтобы взять Хаджи-Мурата с молодцами. Но никто не решался...» В последней же редакции Хаджи-Мурат опять стреляет первый.

Зиссерман упоминает, что со стороны русских было «убито два, ранено девять человек» (ч. II, с. 95). В «Репье» это число не указывается. Но в редакциях седьмой и восьмой — как у Зиссермана: «человек 9 ранили и двух убили...» В последней редакции опять не дается количество убитых и раненых при перестрелке.

Зиссерман говорит, что против Хаджи-Мурата со стороны Карганова было человек 250 (ч. II, с. 95). В «Репье»: больше двухсот человек конных, кроме двух рот пеших», что составляет человек 900. В редакциях седьмой и восьмой то же количество, что у Зиссермана. В последней редакции «Карганов с сотней милиционеров и казаков» и «человек двести» со стороны Гаджи-Ага, то есть всего человек 350.

По Зиссерману, борьба продолжалась «часа два», в «Репье» и в редакциях седьмой и восьмой время не упоминается, в последней редакции сказано: «так продолжалось более часа».

Зиссерман объясняет затяжку борьбы тем, что Карганов не смог «убедить своих полтора человека броситься в кусты и только когда наконец показалось человек сто элисуйцев, скакавших с исправляющим должностью пристава капитаном из туземцев Гаджи-Ага и его сыном, корнетом лейб-казацкого полка Ахмет-ханом, сцена сейчас переменялась. Элисуйцы — не нухинские жители: будучи близкими соседями горцев, они были воинственны и отважны. Гаджи-Ага выдвинулся со своими людьми вперед, крикнул по-аварски Хаджи-Мурату, с которым он сам, будучи когда-то в бегах, был лично знаком: «сдавайся, а то погибнешь»; но когда тот ответил ему: «ты изменник святому делу мюридов, попробуй меня взять», Гаджи-Ага сделал по кустам залп и, выхватив саблю, с сыном своим впереди, бросился к кустам, за ним все элисуйцы и многие ободренные примером нухинцы. Пять выстрелов встретили их почти в упор; но это не остановило Гаджи-Агу, и они наконец наскочили на беглецов. В «Репье» этой сцены нет. В редакциях седьмой и восьмой она передается по Зиссерману: «тут подоспел Гаджи-Ага из Элису с сыном своим Ахмет-ханом. Эти — не то что нухинцы — тотчас же бросились в кусты. Гаджи-Ага был когда-то мюридом, кунаком с Хаджи-Муратом, но потом изменил хазавату и теперь был злейший враг Хаджи-Мурата. Он по-аварски закричал ему, чтобы сдавался. Хаджи-Мурат изругал его, называя изменником святого. «Бери, коли возьмешь, собака беглая». Гаджи-Ага вместе с прежними засыпал пулями кусты и, слезши с лошади, с сыном и своими молодцами бросился в кусты. Его молодцы охраняли поочередно его. Хаджи-Мурат и его нукеры подпустили их и в упор застрелили пятерых».

В последней редакции вместо диалога между Хаджи-Муратом и Гаджи-Агой только сказано, что «Гаджи-Ага закричал Хаджи-Мурату, чтобы он сдавался, но так же, как и в первый раз, Хаджи-Мурат ответил выстрелом».

Зиссерман пишет, что Хаджи-Мурат был ранен «несколькими пулями, причем он всякий раз вырывал из своего бешмета куски ваты и затыкал себе раны». Но не указано, как был ранен Хаджи-Мурат. В «Репье» Хаджи-Мурат ранен в руку, в плечо, в ногу, в бок, две пули пробивают ему грудь, одна попадает в сердце. В редакциях седьмой и восьмой не указывается количество ран, а лишь сказано, как у Зиссермана, что Хаджи-Мурат «не давал крови вытекать из ран, а выдергивал вату из бешмета и затыкал раны». В последней редакции Хаджи-Мурата ранят два

раза: в плечо и в левый бок, и он также затыкает раны ватой; в последнюю минуту, когда он встал, «раздалось несколько выстрелов», от которых «он зашатался и упал».

«Репей» кончается тем, что после того как пуля попала Хаджи-Мурату в сердце, он проговорил: «Алла», упал навзничь и уже не двинулся». К редакциям седьмой и восьмой добавлен конец, не имеющийся у Зиссермана, но, по-видимому, возникший под влиянием употребленного Зиссерманом выражения Гаджи-Ага «рубнул его саблей»... У Толстого: «...Гаджи-Ага наступил ногой на бритую рассеченную голову и кинжалом отодрал ее от туловища». Эта же сцена с деталями внесена и в последнюю редакцию.

После описания гибели Хаджи-Мурата Зиссерман сообщает, что «голову Хаджи-Мурата отрезали и отправили в Шеллаху, к губернатору... а затем в Тифлис», где она была выставлена в течение нескольких дней. Этого Толстой не приводит, но под влиянием этого создал сцену привоза Каменевым, в «Репье» и последней редакции, головы Хаджи-Мурата. Зиссерман рассказывает, что победители Хаджи-Мурата поделили между собою его оружие и деньги. Это Толстой выпускает.

Сочинения Зиссермана были использованы Толстым для десяти глав повести: II, IX, X, XI, XIII, XIV, XV, XVI, XXIII, XXV. В такой степени им не был использован никакой другой источник. Из этого видно, что сочинения Зиссермана являлись главными источниками «Хаджи-Мурата».

В. А. Полторацкий. Воспоминания «Исторический вестник», 1893, январь — июнь

Третьим по степени использования источником, после «Сборника сведений о кавказских горцах» и сочинений Зиссермана, являются «Воспоминания» В. А. Полторацкого. Автор их, служивший на Кавказе молодым офицером в 1850—1860 годах, вел еще в то время записки, которые впоследствии переработал в «Воспоминания». Живо и интересно написанные, «Воспоминания» заключают описание многих эпизодов Кавказской войны, ряд характеристик кавказских деятелей и много ценного бытового материала. Часть их посвящена Хаджи-Мурату, восторженным поклонником которого, как и Зиссерман, являлся Полторацкий.

Для редакции первой («Репей») из описания Полторацким гибели Хаджи-Мурата взята лишь одна деталь, не

встречающаяся в других источниках: «Хаджи-Мурат, закатывая глаза в предсмертной агонии, успел распороть кинжалом животы двум отважным врагам» (июнь, с. 93). У Толстого это изображено так: Хаджи-Мурат, «выхватив кинжал, бросился к тому, в которого он два раза промахивался, и не успел тот поднять руки, как кинжал пропорол ему брюхо». В другие редакции не внесена эта подробность, может быть вследствие неподтверждения ее остальными источниками, но, возможно, и по художественным соображениям.

Редакция вторая почти целиком написана на основе «Воспоминаний». Описанные в ней Толстым события происходят «в передовой крепости Шахгири или по-русски Воздвиженской». Крепость Воздвиженская, находившаяся у истока реки Аргун, названа в память праздника «Воздвижения» по кресту, найденному на месте постройки крепости в 1844 г.» (Казбек Г. Н. Куринцы в Чечне и Дагестане, 1885, с. 161).

Во второй редакции выведен и сам Полторацкий. Первоначально Толстой намеревался назвать его настоящую фамилию. В черновой рукописи написано и зачеркнуто: «Полторац...», затем написано «Полторасов», это также зачеркнуто, после чего Полторацкий именуется «краснолицый» или «широколицый офицер» без фамилии. Толстой, конечно, помнил Полторацкого с времен своей молодости, когда встречался с ним на Кавказе (июнь, с. 674—675). Но внешность Полторацкого, с его особенно большим широким лицом, конечно, напомнила Толстому его портрет, приложенный к журналу «Исторический вестник» за 1895 год. В последней редакции Полторацкий назван своей полной фамилией, изменено лишь его имя-отчество: вместо Владимир Алексеевич — Алексей Владимирович.

Полторацкий изображен в повести жизнерадостным, добродушным весельчаком, страстным поклонником жены молодого Воронцова. Таков он и по своим «Воспоминаниям». В последнюю редакцию введен также слуга Полторацкого — Вавило. Это — действительное лицо, о котором Полторацкий не раз упоминает.

В редакции второй солдаты в «секрете» толкуют о бессмысленности своей службы, заключающейся главным образом в рубке леса. «Руби, руби, а она опять вся пуще зарастает», — говорят они. Толстой сам в молодости, находясь на военной службе в кавказской армии, присутствовал при рубке лесов. Это являлось одним из главных средств поко-

рения Кавказа, так как давало возможность русским войскам продвигаться внутрь страны, но о постоянной рубке лесов в окрестностях Воздвиженской, с которой связана большая часть «Воспоминаний» Полторацкого, не раз им упоминается: «прогулки в лес бывали через день» (январь, с. 70), «пошла наша колонна в лес на обычное занятие рубки леса» (апрель, с. 34), о чем счел нужным для изображения подлинной обстановки в крепости Воздвиженской сказать и Толстой.

Те же солдаты у Толстого в редакции второй вспоминают о недавно убитом генерале Слепцове. О смерти этого генерала Толстому было известно еще в молодости, когда он писал с Кавказа брату С. Н. Толстому: «на днях убит известный храбрый и умный генерал Слепцов»⁸ (23 декабря 1851 г.). Однако теперь в разговор солдат введено упоминание о Слепцове несомненно потому, что о его гибели подробно рассказано у Полторацкого (апрель, с. 80—84). О Слепцове в последней редакции рассуждают офицеры, в числе которых и Полторацкий (гл. V), что также указывает на зависимость этих строк от «Воспоминаний».

Н. Лернер во вступительной заметке к повести (изд. Голицыне и Вильборг, Пгр., 1918) указывает на ошибку Толстого в том, что у него Хаджи-Мурат выходит к русским после смерти Слепцова, тогда как было наоборот: Хаджи-Мурат вышел 23 ноября, а Слепцов убит 10 декабря 1851 года. Однако Лернер упустил из виду то, что эта ошибка произошла у Толстого только по вине Полторацкого, у которого смерть Слепцова предшествует выходу Хаджи-Мурата к русским.

Как в редакции второй, так и в последней к солдатам в «секрет» приходят лазутчики от Хаджи-Мурата, направляющиеся к молодому Воронцову. О том, что Хаджи-Мурат подсылал к русским перед своим выходом лазутчиков, сообщает также Полторацкий: были «два вечера сряду появления переводчика с закутанными байкушами» (перебежчиками.— А. С.), (апрель, с. 84).

В начале II главы той же редакции второй говорится, что в крепости «два самых больших и хороших дома». «Один, в котором жил командующий войсками барон Меллер-Закомельский, другой, в котором жил полковой командир Куринского полка, сын главнокомандующего, флигель-адъютант, князь Семен Михайлович Воронцов». Эти сведения также взяты у Полторацкого, который вскользь упоминает и о том, что у Воронцова были «роскошно убранные комнаты» (май, с. 357). Толстой на основании этого мимо-

ходом сделанного замечания дает подробное описание обстановки в доме молодого Воронцова: «великолепно по-европейски убранной гостиной, с ковром во всю комнату, с опущенными тяжелыми портьерами, с мягкой гамбсовской мебелью, с картинами на стенах, с дорогими темными обоями, с светлыми лампами и свечами». Это описание вошло в сокращенном виде в последнюю редакцию (гл. III). Также мимоходом сделанное упоминание Полторацкого об игре у Воронцовых в карты Толстой обратил в целую сцену вечера в гостиной и игры в роббер, с характеристикой игроков, с описанием Полторацкого и его отношения к Марье Васильевне (вошло в главу III последней редакции).

Наоборот, некоторые пространные описания Полторацкого Толстой заменяет несколькими словами. Так, о молодом Воронцове Полторацкий пишет: «Воронцов, лет 25 или 26, не более, был высокого роста, блондин, с большими рыжеватыми баками, и представлял из себя тип Джон-Буля. Резкие черты лица его с нависшими густыми бровями придавали ему очень угрюмый вид, а туалет денди и непринужденные движения носили особый отпечаток своеобразия и оригинальности заморских друзей наших англичан» (январь, с. 54).

Толстой этот портрет рисует одним штрихом: «Simon * Воронцов с длинным лошадиным белокурым лицом и спокойными приятными манерами».

О жене молодого Воронцова, Марье Васильевне, Полторацкий рассказывает: «Княгиня Марья Васильевна — это очаровательнейшая из всех женщин, которых мне пришлось встречать потом в жизни», «мила, любезна и внимательна *pes plus ultra* **. Ее стройный стан, рост, а главное, выражение прелестного лица с дивно блестящими глазами и нежнейшей улыбкою дополняются еще речью, полною ума, жизни и вдохновения» (там же, апрель с. 78—79).

У Толстого в редакции второй вместо всех этих эпитетов только: «Марья Васильевна — одна из самых изящных женщин того времени». Это было после выкинуто, и Марья Васильевна в последней редакции изображена другими средствами.

Полторацкий неоднократно говорит о своих отношениях с Марьей Васильевной: «Я состоял ее бессменным ординар-

* Так звали молодого Воронцова в семье и в высшем свете. Поэтому в главе IX последней редакции старик Воронцов этим именем и называет сына.

** в высшей степени (лат.).

цем... Глядеть на нее, не восторгаясь, человеку, в жилах которого течет не пресное молоко, а горячая молодая кровь, было невозможно...» (с. 79). У Толстого в редакции второй на основании этого признания сказано: «Широколицый офицер проигрывал, и хотя это и было неприятно ему, он в эту минуту не думал этого, весь поглощенный прелестью Марьи Васильевны». В последней редакции (гл. III) к этому добавлено: «И в ее словах, и в ее взгляде, и улыбке, и во всех движениях ее тела, и в духах, которыми от нее пахло, было то, что доводило Полторацкого до забвения всего...»

По свидетельству Полторацкого, когда молодому Воронцову сообщали, что к нему приходили лазутчики от Хаджи-Мурата, он бросал карты, уходил с пришельцами в кабинет и по полчаса заставлял нас ожидать... Последний раз совещался с ними около двух часов. Наконец, спровадив гостей, князь вернулся в гостиную, видимо озабоченный, но вместе и в отличном расположении духа. Предложив нам бросить глупый вист, он потребовал шампанского и в силу плохо скрываемого возбуждения, вопреки обыкновению, залпом осушил два стакана» (апрель, с. 85).

Толстой, опираясь на свидетельство Полторацкого, дает в редакции второй живой диалог:

«— Извините, господа... Ну, ты за меня, Marie, сядешь...» — сказал молодой Воронцов.

«...Роббер один кончился. Князя все не было. Уже в конце второго роббера он пришел особенно веселый и возбужденный.

— Знаете, что я вам предложу, если вы согласны.

— Ну?

— Выпьем шампанского. Василий, подайте.

— Прекрасно. Я готов, — сказал майор.

— Что же это? Vous avez des nouvelles de Chamile? — спросила Марья Васильевна.

— Peut-être.

— Comment? Vous ne voulez pas me dire ce qu'il y a?

Nous allons voir!»*

Эта сцена, немного измененная, вошла после в последнюю редакцию (гл. III) и дополнена словами: «среди однообразия жизни в крепости молодые Воронцовы — и муж и жена — были рады этому событию». Этот вывод сделан

* У вас новости о Шампле?

— Может быть.

— Как? Вы не хотите сказать мне? Посмотрим!» (франц.)

также по Полторацкому, у которого сказано: «После Петербурга, двора и большого света попасть в трущобу, как украшение на Кавказе, к тому же на передовую линию, штука не веселая» (апрель, с. 79).

Полторацкий рассказывает, что, отпустив лазутчиков, сообщивших о выходе на следующий день Хаджи-Мурата, Воронцов три раза переспрашивал Полторацкого, не он ли «назначен на завтра вести колонну в лес, и, получая утвердительный ответ, что-то непонятное мычал себе под нос и только по четвертому разу, что вызвало взрыв хохота Николая и княгини, обратясь ко мне с тем же вопросом, его светлость загадочно заметил: «Значит, мы рано увидимся» (апрель, с. 79).

Толстой выпускает замечание о рассеянности Воронцова, находя его, очевидно, нехарактерным для данного момента, и передает эту сцену в редакции второй в форме диалога:

«— Вы завтра назначены в лес,— сказал князь широколицему офицеру, прощаясь с ним.

— Да, а что?

— Так мы увидимся с вами завтра, прощайте,— сказал князь, таинственно и весело улыбаясь».

Эта сцена, несколько измененная, была перенесена впоследствии в последнюю редакцию (гл. III).

В главе III редакции второй Хаджи-Мурат приезжает ночью в лес, где его ожидает вернувшийся от Воронцова лазутчик. Лазутчик говорит, что Воронцов будет ожидать Хаджи-Мурата «утром в Аргунском ущелье». У Полторацкого встреча с Хаджи-Муратом происходит также в Аргунском ущелье (там же, с. 85). Но в последней редакции не упоминается Аргунское ущелье. Лазутчик сообщает, что Воронцов обещал утром встретить их там, где «русские будут рубить лес, за Мичиком, на Шалинской поляне» (гл. IV). Это не противоречит тому, что встреча произошла в Аргунском ущелье, так как оно находилось близ Шалинской поляны. Полторацкий пишет, что в день выхода Хаджи-Мурата «три роты 2-го батальона под его начальством назначены были идти в 7 часов утра в лес...». Этим же начинается и гл. V в последней редакции: «Рано утром, еще в темноте две роты с топорами, под командой Полторацкого, вышли за десять верст за Чахгирильские ворота и... принялись за рубку леса». Далее у Толстого в главе V говорится: во время рубки леса «на полянке, поодаль от дороги, сидели на барабанах: Полторацкий со своим субалтерн-офицером Тихоновым, два офицера третьей роты и бывший кавалер-

гард, разжалованный за дуэль, товарищ Полторацкого по Пажескому корпусу, барон Фрезе... Офицеры выпили водки, закусили и пили портер». Эта сцена также написана по Полторацкому, который рассказывает, как офицеры, «усевшись на барабанах», «тянули из фляги водку, закусывая холодной курицей...» (январь, с. 64—65). О Фрезе Толстой говорит, что он товарищ Полторацкого по Пажескому корпусу, это основано на упоминании в предисловии от редактора журнала «Исторический вестник» к «Воспоминаниям» Полторацкого о том, что Полторацкий получил образование в Пажеском корпусе (январь, с. 37).

Фамилии Фрезе в «Воспоминаниях» нет. Но прототипом ему послужил Розен, о котором Полторацкий сообщает (там же, с. 367), что он был также барон, тоже кавалергард, тоже разжалованный за дуэль и высланный на Кавказ, как у Толстого Фрезе.

Сцена встречи с Хаджи-Муратом как во второй, так и в последней редакции (гл. V) написана по Полторацкому, (апрель, с. 85), с дополнением ряда художественных деталей: у Полторацкого: «...за мною вслед выехал из крепости князь Семен Михайлович». У Толстого в редакции второй: «По дороге из крепости показался длиннолицый, белокурый командир полка...» В последней редакции: «Воронцов ехал на своем аглицком кровном рыжем жеребце, сопровождаемый адъютантом полка, казаком и чеченцем-переводчиком».

У Полторацкого: Воронцов велел ему идти вперед с 6-й ротой, а «за полверсты до леса приказал остановить... роту и рассыпать впереди застрельщиков» (апрель, с. 85). У Толстого в редакции второй Воронцов говорит Полторацкому: «— Возьмите шестую роту и пойдете со мной». В последней редакции: «...Рассыпьте стрелков до поляны и потом приезжайте ко мне».

У Полторацкого: «Минуту спустя князь не выдержал, дал шпоры своему Нарзану, в несколько лансад нагнал меня и таинственно спросил: «Et vous ne devinez pas encore qui est l'individu que j'attends?» — «Mais non, mon prince, je n'en ai pas l'idée», — ответил я. «Eh bien, c'est... c'est ni plus ni moins, c'est Hadgy Murat en personne» * (апрель, с. 85).

* «— И вы до сих пор не догадываетесь, кто этот неизвестный, которого я жду?

— Нет, князь, не имею никакого понятия.

— Ну, хорошо.— Это... это — не больше, не меньше, это... сам Хаджи-Мурат» (франц.).

Этот разговор почти в тех же выражениях передается в редакции второй, а также в последней редакции, но по-русски.

«— А я, вы знаете, куда еду? — спросил Воронцов.

— Не знаю.

— Неужели не догадываетесь?

— Нет.

— Хаджи-Мурат вышел и сейчас встретит нас.

— Не может быть!

— Вчера лазутчик от него был,— сказал Воронцов, сдерживая улыбку радости».

Дальше у Полторацкого: «Только что подскакал я к 3-му взводу, как из опушки леса показалось несколько всадников. Впереди всех ехал красивый статный брюнет, в щегольской белого сукна черкеске, увешанный дорогим, в золотой оправе, оружием. Умное и энергичное лицо его, с блестящими черными глазами, выражало полное спокойствие и самонадеянность».

У Толстого в редакции второй «Хаджи-Мурат ехал впереди на белогривом коне, в белой черкеске и в чалме на папхе... вся фигура этого молодцеватого, с короткой, обстриженной бородкой и блестящими, не бегающими, а внимательно и удивительно ласково смотревшими глазами, невольно привлекала и подбодряла...»

В последней редакции эта встреча Полторацкого с Хаджи-Муратом описана более подробнее: «Впереди всех ехал на белогривом коне, в белой черкеске, в чалме на папхе и в отделанном золотом оружии человек внушительного вида. Человек этот был Хаджи-Мурат. Он подъехал к Полторацкому и сказал ему что-то по-татарски. Полторацкий, подняв брови, развел руками в знак того, что не понимает, и улыбнулся. Хаджи-Мурат ответил улыбкой на улыбку, и улыбка эта поразила Полторацкого своим детским добродушием. Полторацкий никак не ожидал видеть таким этого страшного горца. Он ожидал мрачного, сухого, чуждого человека, а перед ним был самый простой человек, улыбающийся такой доброй улыбкой, что он казался не чужим, а давно знакомым приятелем».

Как у Полторацкого, и у Толстого в редакции второй и в последней редакции переводчик сообщает Воронцову сказанное Хаджи-Муратом. Но у Полторацкого речь Хаджи-Мурата длинная, витиеватая, у Толстого он говорит лишь одну фразу тем сжатым языком, какой был создан Толстым. Далее у Полторацкого говорится, что «очень довольный

князь порывисто обнял Хаджи-Мурата» и «крепко пожал руки всей его свите...» Этого Толстой не воспроизводит, считая, очевидно, что аристократ Воронцов, притом же воспитанный в Англии, со свойственной англичанам чопорностью и сдержанностью манер, не мог бы обнять Хаджи-Мурата, впервые увидев его, а также счел бы унижительным подать руку простым горцам — телохранителям Хаджи-Мурата. В редакциях второй и последней взамен этого сказано о ярко характеризующем Воронцова жесте: «Воронцов протянул руку в замшевой перчатке Хаджи-Мурату». Нукерам же он лишь «кивает головой».

В редакции второй встреча Воронцова с Хаджи-Муратом заканчивается словами: «Воронцов с трудом сдерживал свою радость. Он недавно был на Кавказе, и вот ему удалось первому выманить и принять главного могущественного второго после Шамиля врага России». О том, что молодой Воронцов приехал на Кавказ незадолго до выхода Хаджи-Мурата, сообщено также у Полторацкого (апрель, с. 77). Но в последней редакции это место выпущено, как ничего не прибавляющее к характеристике Воронцова.

В «Воспоминаниях» Полторацкого рассказывается, что, встретив Хаджи-Мурата, Воронцов привез его «прямо к себе в дом» и поспешил его представить княгине. Во второй редакции и в последней Воронцов также приводит Хаджи-Мурата к своей жене. У Полторацкого Хаджи-Мурат сначала «дичился» в обществе женщин. В редакции второй об этом не упоминается, но в последней сказано: «...он вспыхнул, покраснел, когда она подала ему свою большую белую руку...» В редакции второй сцена приема Марьей Васильевной Хаджи-Мурата коротка, ряд деталей, имеющих у Полторацкого, не использован. Но для последней редакции взято все. У Полторацкого: «ловкость, ум и приветливость хозяйки скоро ободрили экс-аварского хана». У Толстого в последней редакции: «Княгиня Марья Васильевна, нарядная, улыбающаяся, вместе с сыном, шестилетним красавцем, кудрявым мальчиком, встретила Хаджи-Мурата в гостиной...»

У Полторацкого: Хаджи-Мурат «не только принял предложенный ему Марьей Васильевной кофе, но и обласкал 8-летнего сына княгини. В свою очередь Булька, за несколько минут до того взиравший исподлобья и даже со страхом на страшного по молве наиба, почувствовал к нему симпатию, влез к нему на колени и со свойственной его возрасту любознательностью стал разглядывать блестящее его ору-

жие. Хаджи-Мурат, строго придерживаясь коренного обычая на востоке относительно пешкешей, поспешил снять с себя кинжал, привлечший внимание балованного мальчика, и тут же любезно опоясал им Бульку» (апрель, с. 86).

У Толстого в последней редакции: «Она предложила ему сесть и, спросив, пьет ли он кофей, велела подать. Хаджи-Мурат, однако, отказался от кофея, когда ему подали его... Кудрявый же востроглазый сынок Марьи Васильевны, которого мать называла Булькой, стоя подле матери, не спускал глаз с Хаджи-Мурата, про которого он слышал, как про необыкновенного воина...»; «Хаджи-Мурат сидел на кресле, держа на колене Бульку...»; «Булька стал любоваться его кинжалом, он подарил его ему». Появляется Воронцов, муж и жена говорят о том, что надо отдарить Хаджи-Мурата, и Воронцов после преподносит ему брегет. Этого у Полторацкого нет, так же как нет сцены обеда у Воронцовых, на котором присутствует Хаджи-Мурат. Описание последней принадлежит Толстому. Это ему нужно было для заключительной характеристики взаимоотношений Воронцовых с Хаджи-Муратом.

У Полторацкого во время пребывания Хаджи-Мурата в гостиной Марьи Васильевны «вдруг явился адъютант Меллера с приказанием сию же минуту представить к нему выбежавшего из гор Хаджи-Мурата... Поступок князя относительно истории из-за Хаджи-Мурата в служебном отношении его, конечно, не оправдывает. Меллер-Закомельский высочайшим повелением назначен был командовать войсками в Воздвиженском, а князь Воронцов только командир Куринского полка, а потому первый был облечен правами и обязанностями всех внешних сношений с окружающим нас неприятелем, а второй только внутренним управлением одного полка. Из этого ясно, что князь Воронцов не имел никакого права прямо и помимо ведома барона Меллера вступать лично от себя в какие бы ни было переговоры с непокорною нам личностью и принимать ее непосредственно под свое покровительство» (январь, с. 61).

У Толстого в редакции второй: «Все было бы хорошо, но в это время рыжий старый генерал барон Меллер-Закомельский, узнав о том, что из гор вышел Хаджи-Мурат и явился не к нему, а к Воронцову, вышел из себя и послал тотчас же за Хаджи-Муратом своего адъютанта». У Полторацкого Меллер-Закомельский также «с рыжими волосами и того же цвета густыми усами» (январь, с. 61). О его возрасте Полторацкий не говорит. В действительности в опи-

сываемое время Меллер-Закомельскому было всего 45 лет. (К а з б е к Г. Н. Куринцы в Чечне и Дагестане, 1885, с. 273). Толстой, может быть, этого и не знал, но в художественных целях надо, чтобы Меллер-Закомельский был «старым». Это усугубляет вину перед ним молодого Воронцова.

В последней редакции о незаконности его действий говорит сам Меллер-Закомельский: «Я здесь воинский начальник и потому все переговоры с неприятелем должны быть ведены через меня». Это написано по Полторацкому.

Полторацкий рассказывает, что после присылки Меллер-Закомельским своего адъютанта «князь Семен Михайлович, смекнув возможность неприятной для его гостя выходки со стороны Меллера (как старшего начальника в крепости), вздумал для отвращения грозы не только сам сопровождать Хаджи-Мурата к командующему войсками Воздвиженского гарнизона, но и пригласил идти с ними Марью Васильевну. Триумвират пешком через площадь отправился к дому барона Меллера, нетерпеливо и страшно раздраженно ожидавшего появления знаменитого выходца. Увидев наконец из окна подходящего наиба, но не одного, а в обществе Воронцовых, барон выскочил навстречу к ним в сени и, вежливо пригласив княгиню на половину жены своей, а Хаджи-Мурата оставив в зале под наблюдением адъютанта Соболевского, попросил князя к себе в кабинет. Тут произошло между ними крупное объяснение, вызвавшее бурную сцену, причем Меллер позволил себе резкое выражение, за которое князь едва не нанес ему личного оскорбления. На страшный шум туда ворвались обе жены, и сцена должна была прекратиться» (апрель, с. 86—87). Все это у Толстого в редакции второй и последней передано в форме диалогов, причем в обеих редакциях не Воронцов приглашает Марью Васильевну сопровождать его к разгневанному генералу, а, наоборот, «умная Марья Васильевна» сама, «несмотря на все отговоры мужа, собралась вместе с ним и Хаджи-Муратом к генералу», что прибавляет яркий штрих к характеристике Марьи Васильевны.

Деталь Полторацкого о том, что Меллер-Закомельский «вежливо пригласил княгиню на половину жены своей», у Толстого выражена так: «Меллер с мрачной учтивостью проводил Марью Васильевну к жене» (гл. VI).

Столкновение между Воронцовым и Меллер-Закомельским заканчивается у Толстого во второй и в последней редакциях тем же, что у Полторацкого — вмешательством Марьи Васильевны и жены Меллер-Закомельского в разго-

вор мужей. В последней редакции после этого следует: «Мир был установлен, и решено было на время оставить Хаджи-Мурата у Меллера, а потом отослать к начальнику левого фланга».

Так и у Полторацкого: начальник левого фланга «прислал предписание немедленно же яблоко раздора, то есть Хаджи-Мурата, препроводить к нему в Грозную».

О Меллер-Закомельском в повести больше не упоминается, и читателю неизвестны последствия его столкновения с молодым Воронцовым, которые были для Меллер-Закомельского роковыми. Честолюбивый Воронцов-старик оскорбился за сына, вскоре отстранил Меллер-Закомельского от должности, а затем совсем удалил его с Кавказа, что навсегда прекратило его военную карьеру (К а з б е к Г. Н., с. 237). Сцена столкновения молодого Воронцова с Меллер-Закомельским указывает на исключительное положение Воронцова благодаря своему отцу, и об этом у Толстого сказано: Хаджи-Мурат понял «то, что Меллер-Закомельский, хотя и начальник, не имеет того значения, которое имеет Воронцов, его подчиненный, и что важен Воронцов, а не важен Меллер-Закомельский, и когда Меллер-Закомельский позвал к себе Хаджи-Мурата, он, игнорируя его, заявил, что даст отчет только «главнокомандующему князю Воронцову» (гл. VI).

Для редакции третьей, в которой упоминается старик Воронцов, Толстой не использовал «Воспоминания» В. А. Полторацкого, хотя Полторацкий уделяет ему много места. В редакции третьей Толстой один раз упоминает Полторацкого: «В Тифлисе в это время гостил в отпуску Полтавцев — веселый офицер с левого фланга, родня Воронцову. Отпуск его истекал, но приезд Хаджи-Мурата мог поправить дело. Он просил оставить его на время при Хаджи-Мурате».

«Полтавцев» — это Полторацкий. В «Воспоминаниях» подробно описывается его отпуск, который он проводил в Тифлисе и который старался продлить, но не в связи с приездом Хаджи-Мурата. «Родней» Воронцову Полторацкий не был. Впоследствии Толстой выкинул эпизод отпуска Полторацкого как лишний.

В «Истории писания» указано, что начало редакции восьмой, в которой говорится о заболевании рассказчика, находившегося «на левом фланге», «лихорадкой», возможно, было вызвано тем, что Толстой сам, во время писания ее, болел «лихорадкой». Но возможно, это было написано

и под впечатлением чтения «Воспоминаний» В. А. Полторацкого, в которых говорится: «Лихорадка свирепствовала не только на Черноморской береговой линии, но и у нас, на левом фланге» (март, с. 737).

В главе IX последней редакции описывается наружность старого Воронцова: «Воронцов был в своем обычном военном сюртуке без эполет, с полупогончиками и белым крестом на шее». Как сообщает Полторацкий, такого рода форма была установлена Воронцовым: «мы оба облеклись в парадную форму, в сущности присвоенную только на Кавказе, а именно: мундир без эполет...» (январь, с. 59). Полторацкий также сообщает, что Воронцов носил «большой крест св. Георгия 2-го класса» (там же, с. 53).

В той же IX главе генерал говорит Воронцову о засаде Хаджи-Мурата на «выручке» в Даргинской экспедиции, о которой Толстой читал в книге Зиссермана. Слово «выручка» омрачает Воронцова, так как напоминает ему о его неудачном походе. О таком впечатлении на Воронцова этого слова Полторацкий пишет: «усвоенное кавказскими солдатами название отряду «выручка» глубоко оскорбляло князя» (там же, с. 408). «Воронцов на параде стал расспрашивать моих солдат первой шеренги, почти сплошь увешанных крестами, когда и за что они их получили. «За Зерены, ваша светлость!» «За Ичкерию, ваша светлость!» «За Ахулью!» «За Андию!» «За Дарго!». Но вдруг шестой с правого фланга, бравый Гавриченко, хватил: «За выручку Даргов, ваша светлость!» «За что, за что?» — переспросил князь. «За выручку-с», — гордо отчеканил кавалер. Старика покорило, он невольно сделал гримасу, но тотчас же оправился и, сладко улыбаясь, похвалил Гавриченка за его молодецкий вид» (апрель, с. 78). Несомненно, эти строки содействовали созданию Толстым комической сцены с рыжим генералом. У Толстого Воронцов, «подойдя к генералу с рыжими щетинистыми усами, старался показать ему, что он не заметил его неловкости».

В тех случаях, когда об одном и том же факте, хотя бы незначительном, сообщается в разных источниках, Толстой пользуется тем источником, в котором этот факт представлен ярче и интереснее. Так, в редакции второй и в последней (гл. VII) указано, что Воронцов обращался на «ты» с молодыми офицерами. Полторацкий пишет, что Воронцов говорил «ты» лишь двум-трем наиболее любимым адъютантам, ко всем же остальным постоянно обращался на «вы» (февраль, с. 396). Но Зиссерман не делает такой оговорки,

и Толстой пользуется этим, так как это больше характеризует покровительственное отношение Воронцова к молодым офицерам.

В главе X последней редакции Хаджи-Мурат посещает итальянскую оперу. О существовании итальянской оперы в Тифлисе Толстой не мог не знать, будучи в Тифлисе молодым. Но эта сцена, по-видимому, введена под впечатлением чтения «Воспоминаний» Полторацкого, который пишет, что в Тифлисе был «театр, русский и армяно-грузинский, но что удивительнее всего, и итальянская опера» (январь, с. 56).

В «Воспоминаниях» приводится рассказ сосланного на Кавказ разжалованного офицера Ясинского о том, как он встретился с Николаем I и как царь, узнав, что он поляк, грозно обошелся с ним (май, с. 368). Возможно, что этот рассказ побудил Толстого: во-первых, включить в главу XV последней редакции сцену встречи Николая I на утренней прогулке с учеником училища правоведения, и во-вторых, ввести в эту же главу упоминание о неприязни Николая к полякам. Исходя из того, что иногда самые отдаленные косвенные поводы вызывали творческую мысль Толстого, такое предположение вполне допустимо.

В редакции десятой и в главе XVI последней описывается «перешедший из гвардии высокий красивый офицер Бутлер». «Главная причина его перехода из гвардии была та, что он проигрался в карты в Петербурге, так что у него ничего не осталось...»

Прототипом Бутлера является Кутлер, о котором Полторацкий пишет: «Положительно везло мне в этот год на знакомство с «несчастненькими» (так называли их солдаты): еще переведены были к нам из гвардии Кутлер и Поливанов, а в Кабардинский — Гербель. Кутлер красивый, высокого роста, с каштановыми волосами и лазуревоголубыми прекрасными глазками, отлично сложенный мужчина из петербургского бомонда, попал к нам только благодаря необузданной страсти к картам: в один вечер он спустил в макао настолько крупный куш (свыше 200 тысяч рублей), что ликвидировал все свое состояние для расплаты долга, а сам бежал на Кавказ в скромный Куринский полк» (май, с. 371).

Глава XXI последней редакции начинается словами: «Жизнь обитателей передовых крепостей на чеченской линии шла по-старому». Эта напоминает строку из Полторацкого: «...началась однообразная жизнь в лагере...» (июнь,

с. 671), которая, так же как у Толстого, предшествует описанию выхода отряда в поход в направлении к укреплению Куринскому (июнь, с. 667), из чего можно заключить, что толчком к созданию первой части этой главы послужили также «Воспоминания». В этой же XXI главе у Толстого сказано, что «ожидалась большая экспедиция в Большую Чечню, вследствие назначения нового начальника левого фланга, князя Барятинского». Об этой же экспедиции читаем у Полторацкого: «1-го июня того же 1852 года под начальством князя Барятинского отряд наш форсированным маршем вверх по Сунже сделал громадную прогулку в Большую Чечню» (май, с. 362).

Описывая кавказскую лагерную жизнь, Полторацкий между прочим рассказывает, что один из офицеров «Ушаков еще в Воздвиженском оборудовал отличную, очень просторную двойную палатку, с подбоем внутри красным сукном» (февраль, с. 370). Толстой использовал это в главе XXI: «Молодой Воронцов жил в великолепной суконной палатке». В этой же главе дана сцена торжественного обеда в честь отъезжавшего генерала Козловского. Это описано и Полторацким, причем он же приводит прощальную речь Козловского. Во всех кавказских мемуарах того времени отмечена странная манера генерала Козловского — через каждые несколько слов употреблять наречие «как».

Полторацкий особенно удачно передает речь Козловского. В черновых вариантах последней редакции повести Толстой в трех случаях вводил эту речь, столь занятной она ему представлялась. В главе XXI она приведена почти дословно по тексту Полторацкого. Повторены даже вставки в нее Полторацкого. После слов Козловского: «как добрым именем моим, всем, всем решительно, как...» — Полторацкий говорит: «здесь голос его еще сильнее задрожал». У Толстого так же: «как добрым именем, всем, всем решительно, как... — здесь голос его задрожал...» У Полторацкого: «выступившие на старческих глазах слезы покатались по сморщенным щекам его». У Толстого: «морщинистое лицо сморщилось еще больше, он всхлипнул, и слезы выступили ему на глаза».

В настоящем обзоре уже указывалось, что Толстой иногда заимствовал из источников выражения, считавшиеся им удачными. У Полторацкого читаем: Козловский «не в силах» был окончить речь, «зарыдал и порывисто бросился обнимать офицеров, всех — от первого до последнего. Княгиня закрыла лицо платком, она плакала. Семен Михайло-

вич, как-то странно скривя рот, заморгал глазами...» У Толстого: «Козловский не мог говорить дальше и, встав, стал обнимать офицеров. Княгиня закрыла лицо платком. Князь Семен Михайлович, скривя рот, моргал глазами».

Но в «Воспоминаниях» Полторацкого не использована Толстым наиболее существенная для повести часть — гибель Хаджи-Мурата. Это потому, что страницы, посвященные последним дням жизни Хаджи-Мурата, у Полторацкого наименее содержательны и интересны, может быть вследствие того, что он не был непосредственным свидетелем предсмертной борьбы Хаджи-Мурата, а писал о ней со слов других, к тому же внеся много вымысла. Он рассказывает, что к русским вскоре после перехода Хаджи-Мурата как будто явились и его жены с имуществом и как Хаджи-Мурат поехал в Тифлис со своими семейными, но потом, недовольный русскими, «отпустил жен своих, тайно пробравшихся к себе на родину». Сообщение это противоречит показаниям о Хаджи-Мурате всех остальных. Другое сообщение Полторацкого также неправдоподобно: «Версты за две от селения... находился высокий курган, на который Хаджи-Мурат ежедневно ездил, и, слезая с коня и разостлав бурку, кейфовал целые часы». Бегство Хаджи-Мурата как будто произошло именно с этого кургана: «Один раз казаки, конвоировавшие его, стреножили лошадей и, пустив их на пастбище, сами беспечно задремали». Этим якобы воспользовался Хаджи-Мурат и ускакал от казаков. «Джигиты князя Анзора, случайно возвращавшегося с соколиной охоты», погнались за ним. Его четыре мюрида были убиты. Он один, «отстреливаясь и всеми силами понукая ослабевшего коня своего, еще мчался впереди всех. Уже недалеко оставалось ему до опушки леса, спасение возможно, но в ту минуту карабах его, задетый пулею, зашатался и, спотыкаясь, пошел вперед в полшага, а погоня уже близко, на пистолетный выстрел. Хаджи-Мурат на всем скаку спрыгнул с раненой лошади, пешком достиг леса и, как дикий зверь, спасая свою шкуру, невероятными прыжками перескакивая через кусты и колоды, бросился в чащу. Рассыпавшиеся за ним всадники открыли его убежище, но прежде чем им удалось спешиться и атаковать его, двое пали убитыми и трое ранеными. Джигиты князя Анзора, казаки с кургана и остальные, по тревоге подоспевшие из селения, всего до 60 человек, собравшиеся здесь, долго не могли одолеть одного Хаджи-Мурата, явившего неслыханную отвагу. Расстреляв все до последнего заряды из винтовки

и пистолета, он, как лев, вскочил на прикрывавший его завал и, истекая кровью от тяжких ран, отчаянно рубился шашкой. Целый рой пуль летит в освирепевшего зверя, но он в исступлении все еще крошит насмерть ближайших врагов своих. Наконец роковая пуля повалила его на землю... С криком восторга победители устремились к павшему герою. Из 18 жертв, уложенных рукою героя прежде чем овладеть им, 11 поплатились жизнью...» (июль, с. 36—38).

Все эти факты и выражения: «кейфовал», «спасая свою шкуру», «освирепевший зверь» — не совпадали с созданным Толстым образом Хаджи-Мурата, и потому он ничего из этого текста не заимствовал.

2-я ГРУППА ИСТОЧНИКОВ (ВТОРОСТЕПЕННЫХ)

Акты, собранные Кавказскою археографической комиссией Тифлис, 1885, том X

Том X «Актов» — объемистый фолиант в тысячу страниц, заключающий материалы по управлению Кавказом М. С. Воронцовым с 1854 по 1856 год, приказы Воронцова по Кавказской армии и гражданскому ведомству, донесения ему начальников военных частей, письма Воронцова к военному министру Чернышеву и его докладные записки Николаю I. Около сорока документов относится к Хаджи-Мурату. Из целого ряда документов видно, что Хаджи-Мурат задумал перейти на сторону русских еще за несколько месяцев до того, как осуществил это. Но Толстой это не использовал, так же как и донесение князя Аргутинского от 27 октября 1851 года о том, что ведутся через лазутчиков переговоры с Хаджи-Муратом, который не может решиться передаться русским, потому что «имеет несколько жен, мать и четырех дочерей».

Только один документ был Толстым использован: отношение Воронцова к Чернышеву от 30 апреля 1852 года на с. 540, в котором сказано: «...из четырех человек, бежавших с Хаджи-Муратом, двое: Гамзало и Элдер погибли с ним, а остальные двое, нукер его Хан-Магома и аварский же житель Ханефи, прибывший к нему из Закатал, на другой день были пойманы...» Этот документ оказался чрезвычайно ценным для Толстого: он является единственным, в котором точно указано число нукеров Хаджи-Мурата (во всех остальных источниках оно показывается разно) и даны

их имена. В то время как Толстой читал «Акты», повесть уже была в основном закончена и в ней было выведено пять нукеров с вымышленными именами, один из которых назывался Курбаном. Ознакомившись с «Актами», Толстой тотчас вставил в рукопись действительные имена и решил исключить Курбана. Это сделано в первой части повести, вторая же не подверглась окончательной обработке, почему в ней Курбан сохранился.

**А. И. Андреев. По дегрям Дагестана
«Исторический вестник», 1899, № 10**

В 1897 году в третьей редакции Толстой писал: «Хаджи-Мурат родился в 1812 г.». Ни в каких источниках, в то время ему известных, эта дата не указывалась. Статья Андреева, по которой можно было бы приблизительно определить ее, появилась уже через два года после написания Толстым третьей редакции. Следовательно, Толстой в 1897 году должен был сам какими-то способами установить эту дату. Очевидно, он сделал это по косвенным данным, которыми могли быть следующие: в «Записке» Лорис-Меликова сказано, что молодой Хаджи-Мурат ездил с Омар-ханом в Тифлис к главнокомандующему с просьбой о защите Аварии от наступавшего Гамзат-бека. В этом им было отказано, вслед за чем Гамзат-бек захватил Аварию и вскоре был убит. Это произошло, как сообщает Зиссерман («История 80-го пехотного Кабардинского полка», т. II, с. 37), в 1834 году. Из этого Толстой заключил, что в 1834 году Хаджи-Мурату было года двадцать два, следовательно, родился он в 1812 году. Другим данным для этого мог послужить портрет Хаджи-Мурата, относящийся к 1852 году (помещен в «Русской старине», 1881, № 3). На портрете Хаджи-Мурату лет сорок. Следовательно, и из этого можно было вывести заключение, что он родился в 1812 году.

Статья Андреева подтвердила относительную правильность предположения Толстого о годе рождения Хаджи-Мурата словами: «после убийства Гамзат-бека фактическим властителем Аварии стал глава восставших аварцев Хаджи-Мурат, тогда еще совсем молодой 20-летний юноша». После ознакомления со статьей Андреева Толстой в конспекте повести, составленном в 1902 году, пишет: «1825 год. Ему 13 лет». В редакции девятой, написанной в том же 1902 году, тоже сказано: «Хаджи-Мурат родился в 1812 г.».

Статья Андреева подтвердила и то, каким образом Карганов (в «Репье» и в последней редакции) узнал о побеге Хаджи-Мурата. В источниках, которые Толстому были ранее известны, это не указывалось. У Толстого Мишкин при нападении Хаджи-Мурата и его нукеров на казаков «повернул лошадь и поскакал к крепости» Так и у Андреева: из сопровождавших Хаджи-Мурата конвойных двое были убиты, а «третий дал знать о происшедшем». Андреев же подтвердил правильность созданного Толстым образа Хаджи-Мурата со свойственными ему привлекательными чертами, так как указывает, что Хаджи-Мурат был «любимцем Аварии» и «пользовался среди народа громадной популярностью».

Только у Андреева говорится, что Хаджи-Мурат «при падении в бездну повредил себе обе ноги, отчего потом оставался хромым всю жизнь». В других источниках об этом не говорится.

Е. А. Вердеревский. Плен у Шамиля.

Правдивая повесть о восьмимесячном и шестидневном (в 1854—1855 гг.) пребывании в плену у Шамиля семейств покойного генерал-майора князя Орбелиани и подполковника князя Чавчавадзе, основанная на показаниях лиц, участвовавших в событии

Спб., 1856. Три части

(Хранится в библиотеке Ясной Поляны)

В книге подробно излагается похищение мюридами Шамиля семейств Орбелиани и Чавчавадзе и их выкуп. Одним из условий выкупа было возвращение Шамилю его сына, находившегося заложником у русских. Для переговоров по этому поводу в условленное место для свидания с Шамилем приехал русский офицер. Войдя «в саклю имама», он «увидел его полулежащего посреди подушек на ковре перед пылающим камином». Шамиль «провел всю ночь без сна. Возле Шамиля лежал и спал неразлучный с ним полусонный Кер-Эффенди, его ближайший мюрид» (ч. III, с. 37). Эту сцену Толстой использовал в редакции третьей в описании пребывания Хаджи-Мурата в чеченском ауле перед выходом к русским. Он «лежал в сакле своего кунака, не раздеваясь... Облокотившись на жилистую руку, он спал чутким сном... В сакле вместе с ним лежал его любимый

мюрид Аслан-бек... Догорали сучья в камине». Эта же сцена составила начало главы IV последней редакции.

В главе XIX последней редакции описание наружности Шамиля сделано по Вердеревскому. При этом Толстой особенное внимание обращает на цвет различных предметов — прием, которым Толстой часто пользуется.

У Вердеревского: «Ему подвели к дверям белого коня, покрытого малиновым чепраком... золота и серебра нигде не было видно на его costume; будучи врагом всякой роскоши, он не позволяет себе никогда никаких ценных украшений...»; «Он был в полушубке из черного меха, покрытого коричневым сукном. На ногах его были цветные чевяки и узкие ноговицы, обшитые простой тесьмой... На голове его была обвитая белой чалмой папаха с плоским красным верхом, над которым возвышалось что-то небольшое, черное в виде кисточки. Сзади от чалмы спускался на плечо кусок той же белой ткани, из которой была сделана и чалма» (ч. II, с. 38).

У Толстого: «Шамиль ехал на арабском белом коне... Убранство коня было самое простое, без украшений золота и серебра: тонко выделанная, с дорожкой посередине красная ременная уздечка, металлическими стаканчиками стремяна и красный чепрак, видневшийся из-под седла. На имаме была покрытая коричневым сукном шуба, с видневшимся около шеи и рукавов черным мехом, стянутая на тонком и длинном стане черным ремнем с кинжалом. На голове была надета высокая, с плоским верхом папаха с черной кистью, обвитая белой чалмой, от которой конец спускался на шею. Ступни ног были в зеленых чевяках, и икры обтянуты черными ноговицами, обшитыми простым шнурком». Толстой отмечает манеру Шамиля щурить глаза. Это также взято у Вердеревского, который указывает, что это составляло отличительную фамильную черту Шамиля (ч. II, с. 17). Вердеревский пишет, что у Шамиля было «бледное лицо» (приложение II, с. 18), «выкрашенная красною краскою борода» (приложение III, с. 23), что он был «выше среднего роста, плотно, но прекрасно сложен» (там же, с. 24). Все эти штрихи использованы Толстым. Использован и ряд других деталей. У Толстого въезд Шамиля в «большой двор, примыкавший к внутреннему, в котором находился сераль», соответствует плану, приложенному к части II книги Вердеревского.

Подсматривание у Толстого жен Шамиля в щель забора основано на словах Вердеревского: «жены его бегают к рев-

нивому забору, чтобы оттуда, через щель, посмотреть на его торжественный выход на молитву» (ч. II, с. 27).

«Остроносая, черная, неприятная лицом и нелюбимая» старшая жена Шамиля Зайдет описана и Вердеревским как «маленькая с закривленным орлиным носом... с хитрой и недоброй улыбкой» (ч. II, с. 2).

Не была упущена Толстым из книги Вердеревского даже такая мелочь, как упоминание о том, что Шамиль на совещании старейшин сидел «на подушке несколько выше» других (приложение, с. 17). У Толстого читаем: «все сели, Шамиль посредине на более высокой подушке».

В заключительной сцене главы XIX последней редакции Шамиль желал отдыха и прелести семейной ласки любимейшей из жен своих, восемнадцатилетней черноглазой, быстрой кистинки Аминет и безнадежно подкарауливает ее. Но она, сердясь на него за то, что он не ей подарил шелковую материю, прячется от него. Для этой сцены Толстой использовал два не связанных между собою случая, приведенных в книге Вердеревского: 1) о том, как Аминет обиделась на Зайдет за то, что та не отдала ей материи, которую Шамиль прислал своим женам (ч. II, с. 40), и 2) о том, как Аминет пряталась от Шамиля, поджидавшего ее на свидание. О последнем случае Вердеревский рассказывает: «...показался Шамиль. Одетый в белую шубу, он шел через двор из своей комнаты к комнате Аминеты. Заметив это и не говоря ни слова, Аминет спряталась за скамью, на которой сидели пленницы. Между тем Шамиль вышел из ее комнаты, прошел раза два по галерее, очевидно ожидая, что она выйдет откуда-нибудь из других комнат, но не дождавшись, запер ее дверь, взял к себе ключ и спрятался за углом дома. Долго стоял за углом важный святоша, имам Чечни и Дагестана, уподобляясь простому грешному юноше, мерзнущему в ожидании любовного свидания. Но он караулил напрасно: Аминет не хотела показаться из-за скамьи пленниц. Наконец, вероятно, холод и скука напрасного ожидания заставили Шамиля подумать о теплой комнате, и он воротился в свой кабинет» (ч. II, с. 52).

В сообщениях С. А. Толстой и других лиц о чтении Толстым «кавказской литературы» неоднократно упоминается книга Вердеревского. Она занимала для Толстого видное место в источниках по Кавказу. В приложении к ней дан очерк истории мюридизма, который, судя по отметкам в нем Толстого, внимательно был им изучен. Кроме того, в книге имеются некоторые сведения о Хаджи-Мурате.

**А. М. Дондуков-Корсаков. Воспоминания
Журнал «Старина и новизна», Спб., 1902, кн. 5**

А. М. Дондуков-Корсаков, состоявший в течение ряда лет адъютантом М. С. Воронцова, стремясь к объективности в своих воспоминаниях, рисует положительные и отрицательные, с его точки зрения, стороны личности и деятельности Воронцова. Отдельные замечания Дондукова-Корсакова использованы Толстым для главы IX последней редакции. Дондуков-Корсаков говорит: «Я всегда удивлялся той ловкости, осторожности, с которой князь в сношениях с царем и военным министром умел проводить свои мысли и требования» (с. 120). Толстой пишет про Воронцова: «тонкий придворный в отношениях с высшими».

Дондуков-Корсаков упоминает о манере Воронцова прищуривать глаза (с. 132). Толстой отмечает это дважды.

**Записка об обряде повешения декабристов
(Рукопись)**

В варианте главы XV Толстой пишет о Николае I: «он сам распорядился повешением 5 декабристов и сам подробно расписал, что и как должны делать войска и барабаны, его любимый музыкальный инструмент...»

Источником для этого послужила записка Николая I об обряде повешения декабристов, доставленная Толстому Стасовым еще в 1878 году, когда Толстой собирал материалы для задуманного романа «Декабристы». Стасов послал Толстому копию этого документа в «строжайшем секрете»⁹.

**Г. Н. Казбек. Куринцы в Чечне и Дагестане
(История 79-го пехотного Куринского полка)
Тифлис, 1885**

Книга должна была особенно заинтересовать Толстого, в связи с его работой над «Хаджи-Муратом», тем, что посвящена Куринскому полку, квартировавшему в крепости Воздвиженской и находившемуся под командой молодого Воронцова. В редакции второй и в главе III последней редакции говорится, что «в окнах казарм и солдатских домиков давно уже было темно». О существовании в крепостях отдельных солдатских домиков, как было указано, Толстой

прочел у Зиссермана, мимоходом упоминающего об этом. Однако более подробно об этом говорит Казбек: «В каждой роте были женатые солдаты, образовавшие при штабе форштадты с довольно обширным хозяйством. В приказах по полку есть указания, из которых видно, что само начальство поощряло нижних чинов, желавших жениться и остаться навсегда в поселках, образовавшихся при укреплениях; оно отводило женатым солдатам места, помогало обстраиваться» (с. 4).

У Толстого в главе XVI последней редакции говорится, что отряд, возвращавшийся из набега, «растянулся по кукурузным полям и лугам, песенники по ротам выступили вперед, и раздалась песня... Песня, которую пели в пятой роте Бутлера, была сочинена юнкером во славу полка и пелась на плясовой мотив с припевом: «То ли дело, то ли дело, егеря, егеря!» У Казбека: «Куринцы возвращались домой довольные сами собой, распевая, кажется, тогда же сложенную песню:

Не красив куринец с вида,
Но зато орлом глядит...

С своим характерным припевом:

То ли дело, егеря, егеря, егеря!
(с. 72)

Камер-фурьерский журнал (Рукопись)

Материалом для сцены приема Николаем должностных лиц и сцены обеда в Помпейской зале в главе XV послужила выписка из камер-фурьерского журнала, присланная Толстому В. В. Стасовым (впоследствии опубликовано в статье П. А. Буланже «Как Л. Н. Толстой писал «Хаджи-Мурата») ¹⁰.

В ней рассказывается, что Николай 2 января 1852 года присутствовал на маскараде в доме Дворянского собрания, и подробно описывается царский прием 3 января, причем перечисляются почти все лица, которые названы в главе XV.

А. А. Карганова. Воспоминания
(Рукопись)

Вызванные письмом Толстого «Воспоминания» заключают ответы на его вопросы. Указание о том, что Хаджи-Мурат жил в Нухе в отдельном небольшом доме, использовано для главы XXIII. На вопрос Толстого о том, был ли при доме сад, Карганова отвечала, что сада не было, но двор был засажен деревьями. Тем не менее в главе XXIII сказано, что Хаджи-Мурат слышал соловьев «из сада, примыкавшего к дому». Карганова пишет, что в Нухе была «мечеть». Это использовано для главы XXIII. На вопрос, собственные ли лошади были у Хаджи-Мурата при бегстве, Карганова отвечала, «помню, что не наши» — использовано для главы XXV.

И. И. Карганов. Воспоминания
(Рукопись)

Толстой воспользовался двумя деталями в письме Карганова. Карганов пишет, что Хаджи-Мурат обычно «ходил в белой черкеске». В повести Толстого так же. Карганов рассказывает: «Когда подавали ему, как гостю, первому, он ни за что не брал первым и ждал, когда возьмет моя мать, сидевшая рядом, и он с блюда... брал заметно из того самого места, с которого брала моя мать». Это место использовано при описании обеда Хаджи-Мурата у Воронцовых в главе VI последней редакции.

**М. Корсунский. По поводу полувека со времени
возобновления Зимнего дворца
«Русский архив», 1889, кн. 3**

Упоминание о пожаре Зимнего дворца в начале главы XV последней редакции возможно сделано на основании чтения данной статьи.

**Custine. La Russie en 1839.
Bruxelles, 1845. Два тома**

В книге подробно описываются личность Николая I, быт и порядки России начала XIX века. Для главы XV последней редакции, где Толстой пишет, что «вошла императрица

с своей трясущейся головой...», использован штрих для описания наружности жены Николая: «Нервная судорога искажает черты ее лица, отчего у нее даже слегка трясется голова» (т. I, с. 174).

**Lacroix Paul Histoire de la vie et de regne
de Nicolas I, empereur de Russie
Paris, 1864—1873. Шесть томов**

*(Первые два тома хранятся
в библиотеке Ясной Поляны)*

Том I особенно обстоятельно изучен Толстым, судя по его многочисленным пометам в книге. В варианте главы XV Толстой пишет о Николае I: «вспомнил недавно умершего брата и нежное и грустное чувство охватило его»¹¹. Для этих слов материалом послужило следующее место в книге: «Понятна глубокая привязанность, с ранних лет развивавшаяся между этими великими князьями, почти одного возраста, воспитывавшимися вместе и с детства не расстававшимися ни на один день. Они стали друзьями, так сказать, прежде, чем осознали себя братьями» (с. 25).

Рассуждения Николая в варианте главы XV о том, что «драматическое искусство было развенчанием героев и великих людей», основано на следующих словах Ласгоix: «Он считал, что трагедия создана лишь для того, чтобы развенчивать и умалять великих людей».

Николай говорил и о том, что «поэты были беспокойные, вредные люди». Ласгоix приводит следующие слова Николая I: «Поэты питаются вредными утопиями и, обладая вредным направлением ума, часто являются людьми опасными для общества».

У Толстого: Николай считал, что из искусства нужна только «веселая музыка, марши, рыси и водевили».

У Ласгоix: «Он предпочитал представление водевиля» (с. 179).

Толстой говорит, что продолжительность Кавказской войны зависела от того, что русские сознательно затягивали ее, «баловались» ею. Это написано на основании следующего места в томе II книги Ласгоix с. 172:

«Можно было бы окончить это в одну кампанию, если бы это было угодно вашему величеству,— ответил барон Дибич императору, который удивлялся длительности этой бес-

конечной и тягостной войны,— но лучше, чтобы война на Кавказе продолжалась: это лучшая школа как для генералов, так и для русских солдат».

Д. Л. Мордовцев. Кавказский герой
Сборник «Были и рассказы»
Спб., 1894

Это единственное, до появления повести Толстого, произведение в русской литературе, посвященное Хаджи-Мурату, по-видимому было тоже прочитано Толстым в числе других источников, судя по его словам в письме к С. Н. Шульгину от 21 февраля 1903 года: «все, что было напечатано о Хаджи-Мурате, есть у меня». Об этом же произведении Толстому говорил С. Н. Шульгин 15 июля 1903 года¹².

Возможно, что оно было доставлено Толстому С. Я. Елпатьевским в 1902 году в Крыму (см. «Историю писания»).

Рассказ Мордовцева в художественном отношении не представляет интереса, но включает ряд данных, которые были использованы Толстым.

Мордовцев описывает лицо Хаджи-Мурата: «задумчивое, несколько грустное лицо его было очень симпатично. Доброта светилась в его больших черных глазах под высоко поднятыми, несколько изогнутыми бровями» (гл. III).

Толстой также неоднократно подчеркивает выражение доброты лица Хаджи-Мурата.

В редакции третьей о Лорис-Меликове сказано: «черноватый, с блестящими глазами». Это совпадает с описанием Лорис-Меликова в рассказе Мордовцева: «это был молодой человек лет двадцати пяти-шести, стройный, с лицом армянского типа и с небольшими живыми глазами...» (гл. V).

В главе IV рассказа Мордовцева, как и в главе XV повести Толстого, имеется сцена приема Чернышева Николаем I. Чернышев зачитывает Николаю то же письмо Воронцова к Чернышеву, которое Толстой приводит в главе XIV. В главах 5 и 6 рассказа Мордовцева Хаджи-Мурат так же, как в главах XI и XIII повести Толстого, рассказывает о своем прошлом Лорис-Меликову (приведены выдержки дословно из «Записки» Лорис-Меликова), а не в пересказе Хаджи-Мурата, как у Толстого.

Н. Н. Муравьев-Карский. Записки
«Русский архив», 1889, кн. 1

В изъятной из редакции девятой 1902 года главы о насилиях над горцами царских властей Толстой приводит пример исключительной жестокости Ермолова: «За убийство горцем русского священника он велел повесить убийцу — это было в Тифлисе, — не за шею, а за бок на крюк, приделанный к виселице. Когда же после страшных, продолжавшихся целый день мучений горец сорвался как-то с своего крюка, то Ермолов велел перевесить его за другой бок и держать, пока не умрет».

В других печатных материалах такой случай не упоминается. Н. Н. Муравьев-Карский в своих «Записках» (с. 575) рассказывает: «Алексей Петрович (Ермолов) посрамил себя тогда поступком самым предосудительным. Он часто вешивал и казнил горцев без суда; но казни, им произведенные в лагере, вне столицы, в присутствии одних войск, хотя и обсуждались, но вслед за сим забывались его соотчичами и служили только к ожесточению тех самых горцев, в коих он хотел все вселить сим страх. Пойманного муллу он велел повесить в виду всего города за ноги. В таком положении он был оставлен для позорища народу. Голова его налилась кровью, глаза, губы наполнились оною. Он всячески просил помилования и, полагая, что его мучают за разноеверие, клялся есть свинину и пить вино, если его освободят. Видя тщетность всех его просьб, он решился искать своего спасения, и в минуту, когда народ, насытившись уже сим зрелищем, стал отходить, он раскачался и, ухватившись руками за перекладину, на которой его повесили, взлез на оную сам и начал отвязывать свои ноги. Но он уже был лишен зрения от того тяжкого положения, в коем он так долго находился. Частный офицер, при сем находившийся, велел его немедленно снять и, повесив в прежнем положении, привязать руки к двум кольям, которые воткнули в землю под виселицею. В сем положении страдалец оставался до вечера. Смерть не прекращала его мучений до самого утра. Наконец о сем доложили Алексею Петровичу. Он приказал повесить его обыкновенным образом, то есть за горло, чем и пресеклись его страдания» (с. 575).

Очевидно, этот именно случай Толстой имел в виду. Неточная передача им факта объясняется тем, что он писал о нем по памяти, прочитав записки Муравьева за тринадц-

цать лет до этого (в его дневнике от 24 марта 1889 г. отмечено: «Читал Архив. Как Ермолов повесил за ноги муллу») ¹³.

**А. Неверовский. Истребление аварских ханов в 1834 г.
Спб., 1847**

В Записной книжке Толстого за октябрь 1896 года отмечено: «Брошюра Неверовского — истребление Аварских ханов 1847 г.» ¹⁴. Эта запись сделана при чтении второго тома книги Зиссермана «История 80-го пехотного Кабардинского полка», где на странице 29 имеется ссылка на эту брошюру. Через В. Г. Черткова в конце 1896 года Толстой просил Стасова прислать ему брошюру, но читал ее только в 1902 году (см. «Историю писания»). Так как она почти целиком вошла в том II книги Зиссермана «История 80-го пехотного Кабардинского полка», то Толстой использовал ее главным образом по Зиссерману.

В редакции девятой фамилия деда Хаджи-Мурата «Хаджиев». Это измененная фамилия «Гаджиев», упоминаемая у Неверовского на странице 22. В той же редакции девятой и в главе XXIII последней редакции о деде Хаджи-Мурата сказано, что он был «искусный серебряник». Это основано на сообщении Неверовского о том, что телохранитель Гамзат-бека после истребления аварских ханов зашел к деду Хаджи-Мурата «в одну из мастерских» (с. 30).

**Н. Н. Государь Николай Павлович
«Русский архив», 1881, кн. 2**

Описание одежды Николая в главе XV основано на месте из «Воспоминаний» неизвестного автора: «на государе был сюртук Семеновского полка, без эполет, по обыкновению застегнутый на все пуговицы, воротник на все крючки» (с. 239).

В «Воспоминаниях» того же неизвестного автора Толстой, кроме того, нашел высказывание по вопросу о продолжительности Кавказской войны, какое он прочел и у Ласгоиц и которое совпадало с его собственным взглядом. В «Воспоминаниях» приводятся слова генерала Вельяминова Николаю I: «нашим внукам еще придется поработать на Кавказе; да и незачем дело у них отнимать: Кавказ хорошая военная школа» (с. 240).

**Н. Н. Тяжелые времена (из воспоминаний доктора)
«Исторический вестник», 1884, V, с. 309—315**

В данной статье подробно описывается дело студента Медико-хирургической академии поляка Яна Сочинского, происходившее в 1838 году и состоявшее в следующем: профессор химии С. Я. Нечаев, настроенный против Сочинского, несколько раз проваливал его на экзаменах, поставив себе целью не дать ему возможности окончить академию. Доведенный до крайне нервного состояния, Сочинский принял яд и, явившись на заседание профессоров, набросился с перочинным ножом на Нечаева, но Нечаева заслонил другой профессор, которого Сочинский легко поранил. Сочинского заставили выпить противоядие и после выздоровления присудили к 500 шпицрутенам, от которых он умер. Казнь происходила во дворе академии на глазах всех студентов.

В главе XV последней редакции Толстой назвал Сочинского Бжезовским, об его деле Николаю докладывает Чернышев и царь кладет свою резолюцию. Последнее не основано на материалах, так как из источников не видно, чтобы дело это доходило до Николая I.

О деле Сочинского говорится также в «Воспоминаниях» Я. А. Чистовича («Русская старина», 1886, XII, с. 537—539) и в «Записках» Н. Ф. Здекауэра («Русская старина», 1891, IV, с. 127—128).

**Н. Н. Императоры Александр I и Николай I.
Исторические материалы, к ним и их эпохам относящиеся
«Русская старина», 1883, XII**

«Материалы» состоят из ряда документов, писем, коротких рассказов, в числе их заметка: «Взгляд императора Николая I на смертную казнь в России в 1827 году» (с. 660) следующего содержания: «Во время отсутствия графа Воронцова из Одессы в 1827 году новороссийскими губерниями управлял тайный советник граф Пален. Во «Всеподданнейшем рапорте» от 11 ноября 1827 г. граф донес о тайном переходе двух евреев через р. Прут и присовокуплял, что одно только определение смертной казни за карантинные преступления способно положить предел оным. Император Николай I на этом рапорте написал нижеследующую собственноручную резолюцию: «Виновных прогнать сквозь ты-

сячу человек 12 раз. Слава богу, смертной казни у нас не бывало и не мне ее вводить».

Этот указ Николая I на имя графа Палена приведен в «*Полном собрании законов Российской империи*», собрание второе, Спб., 1830, т. II, с. 949.

Толстой, видоизменив резолюцию Николая, перенес ее к делу Бжезовского в главе XV последней редакции. «Заслуживает смертной казни. Но слава богу, смертной казни у нас нет. И не мне вводить ее. Провести 12 раз сквозь тысячу человек. Николай» При этом вместо слова «сквозь» Толстой написал «скрозь» и «человек» не через «ять» — «человѣк», как полагалось по правописанию того времени, а через «е», чтобы оттенить безграмотность Николая I.

Н. Н. Шамиль и Чечня

Журнал «Военный сборник», 1859, т. IX

Эта статья (неизвестного автора), описывающая учрежденный Шамилем в 1841 году во главе с Джемалем-Эдином «Верховный совет» для решения важнейших дел, в значительной степени была использована Толстым для описания суда Шамиля в главе XIX. При этом в указанной статье говорится про Шамиля, что он нередко прибегал даже к шарлатанству, распространяя в народе слухи о своих непосредственных связях с Магометом (с. 128).

У Толстого: «Когда советники переговорили об этом, Шамиль закрыл глаза и умолк. Советники знали, что это значит то, что он слушает теперь говорящий ему голос пророка, указывающий то, что должно быть сделано».

В. В. Огарков. Воронцовы

Биографическая библиотека Ф. Павленкова

«Жизнь замечательных людей». Спб., 1892

(Хранится в библиотеке Ясной Поляны)

Характеристика наместника Кавказа М. С. Воронцова в редакции третьей и в главе IX последней редакции в значительной степени сделана по данной брошюре. Слова Толстого в последней редакции о том, что Воронцов был «человек редкого в то время европейского образования», основаны на словах Огаркова, который говорит, что у Воронцова в детстве «были образцовые гувернеры и учителя. Он

владел в совершенстве несколькими новыми и знал классические языки... познакомился с литературой европейских стран».

Толстой пишет, что Воронцов считался искусным военным, даже победителем Наполеона под Краоном. Огарков сообщает о Воронцове, что он «в сражении под Краоном (1814 г., 23—24 февраля), командуя целым корпусом, успешно удерживал всю французскую армию».

Толстой пишет, что Воронцов «владел большим богатством — и своим и своей жены, графини Браницкой...» Об этом подробно рассказывает Огарков. Сделанная Толстым характеристика Воронцова, как человека тщеславного, основана на словах Огаркова.

У Толстого: «обладал всей ловкостью тонкого и приятного ума, направленного на поддержание своей власти и утверждение и распространение своей популярности». У Огаркова: «пользовался своей громадной властью ради защиты личной чести и репутации».

Эпизод в главе XV последней редакции, где Чернышев старается внушить царю, что «Воронцов всегда в ущерб русским оказывает покровительство и даже послабление туземцам», основан на статье Огаркова, который говорит, что «Михаил Семенович круто изменил практиковавшееся прежде отношение к туземцам, вместо «затирания» и пренебрежения, он показывал к ним все знаки уважения, в особенности к представителям родового грузинского дворянства».

Слова Толстого в редакции третьей о «благородстве» Воронцова, вероятно, также основаны на характеристике Огаркова, который перечисляет ряд положительных сторон Воронцова: дружбу с декабристами, гуманное отношение к крестьянам, борьбу с телесными наказаниями в армии, создание ряда просветительных учреждений и пр.

В. А. Потто. Гаджи-Мурат

«Военный сборник», 1870, № 11, и другие сочинения

Статья «Гаджи-Мурат», составленная главным образом по еще не опубликованным в 1870 году письмам Воронцова к Чернышеву и «Записке» Лорис-Меликова, представляла в свое время единственную сводку сведений о Хаджи-Мурате. После появления книги Зиссермана, а также опубликования писем Воронцова к Чернышеву и «Записки» Лорис-

Меликова статья утратила свое значение, чем объясняется то, что Толстой мало использовал ее для «Хаджи-Мурата».

Потто отмечает, что у Хаджи-Мурата были «внимательные глаза». В редакции первой Толстой пишет, что у Хаджи-Мурата был «проницательный взгляд». В последней редакции, в главе V замечание Потто развито: «одно было в нем особенно: это были его широко расставленные глаза, которые внимательно, проницательно и спокойно смотрели в глаза другим людям».

Для редакции первой использовано и другое замечание Потто: «Гаджи-Мурат производил невольное впечатление на всех». У Толстого в редакции первой Хаджи-Мурат сразу «больше всех обратил внимание Марьи Дмитриевны», которая, ничего еще не зная о появлении Хаджи-Мурата, вышла встречать всадников.

Рассказывая о пребывании Хаджи-Мурата в Тифлисе, где ему доставляли всевозможные развлечения, Потто говорит: «он появлялся даже на балах у наместника». В связи с этим в редакции первой сказано, что Хаджи-Мурат вспомнил «про бал, на котором он присутствовал» в Тифлисе, «про красивых обнаженных женщин» и что он «не мог себе представить, как бы он жил с этими людьми». Для редакции второй статья Потто использована в рассказе о прошлом Хаджи-Мурата. Толстой пишет, что Хаджи-Мурат «был сначала на стороне русских и был даже одно время прапорщиком милиции» на основании слов Потто: «Когда об изгнании Хаджи-Муратом из Аварии сторонников Шамиля узнали в Тифлисе, ему пожаловали чин прапорщика милиции». Описывая набег («чудеса». — А. С.) Хаджи-Мурата, Толстой основывается на следующем месте статьи Потто: «Для него ничего не стоило с четырьмя-пятьюстами конных появиться в тылу войска, далеко в глубине занятого нами края, перейти сегодня семьдесят, завтра сто верст, отвлечь фальшивой тревогой войска в совершенно другую сторону, и, пользуясь всеобщей суматохой, ускользнуть безнаказанно». Говоря о все растущей популярности Хаджи-Мурата в Дагестане и об его ссоре с Шамилем в 1851 году, Толстой также опирается на соответствующее место статьи Потто: «Блестящие способности и создали Хаджи-Мурату ту популярность в народе, ту громкую известность в горах, какой не достигал до него ни один наиб и которая по временам пугала даже самого Шамиля. Неудача, испытанная Гаджи-Муратом в Табасарани, дала Шамилю возможность сло-

жить на него вину... Опасность была так велика, что «Гаджи-Мурат начинает усердно хлопотать о позволении переселиться в Чечню. Получив отказ, Гаджи-Мурат принялся изыскивать меры для тайного побег». «К Гаджи-Мурату является лазутчик от князя Аргутинского с предложением его содействия» (с. 179). Эти данные были использованы Толстым для последней редакции.

В редакции второй Хаджи-Мурат приезжает к кунаку Сафедину. Сафедин — «дядя той второй жены чеченки, которую пять лет тому назад взял из Чечни Хаджи-Мурат». О том, что жена Хаджи-Мурата была чеченка, наряду с Зиссерманом, сказано у Потто. Описание выезда Хаджи-Мурата из чеченского аула, где жители пытаются его задержать и преследуют его, основано на упоминании Потто о том, что «целая толпа ожидает его в засаде за деревнею».

Из этой же статьи Потто взята подробность смерти Хаджи-Мурата, не имеющаяся в других источниках. Потто рассказывает, что перед самой смертью «с обнаженной головой без шапки, Хаджи-Мурат, как тигр, выскочил из своей засады и с шашкой в руке один врезался в густые толпы милиционеров. Он был зарублен на месте».

У В. А. Потто имеется ряд сочинений по Кавказской войне. «Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях». Спб. Пять томов, «Боевая хроника полков 21-й пехотной дивизии и Дагестанского конно-иррегулярного полка», Тифлис, 1888, «История 44-го драгунского Нижегородского полка», Спб., 1895. Десять томов, и др. В 1903 году Толстой и Потто, который в то время состоял начальником Военно-исторического отдела Кавказской археографической комиссии, обменялись письмами и, возможно, Потто прислал Толстому свои книги. Но, может быть, их также давал Толстому в свое время и Зиссерман, так как во всех них встречаются упоминания о Хаджи-Мурате.

В главе XV повести сказано: «В прошлом докладе о кавказских делах Чернышеву удалось вызвать неудовольствие Николая на Воронцова за то, что по небрежности начальства был горцами почти истреблен небольшой кавказский отряд». Подобный случай действительно имел место и по времени совпадает с тем, о котором упоминал Чернышев, — это дело 8 апреля 1851 года, описанное в сочинении В. А. Потто «История 44-го драгунского Нижегородского полка», т. VI, с. 73—75: Золотухин с 80 человеками Нижегородского драгунского полка атаковал занятый отрядом Хаджи-Мурата в 500 человек Мякинский редут. Русское

командование не прислало вовремя для подкрепления пехоту, и в результате из 80 человек отряда осталось 18 человек, а все остальные, в том числе и Золотухин, погибли.

**А. Руновский. Кодекс Шамиля
«Военный сборник», 1862, февраль**

Данная статья Руновского, так же как статья «Шамиль и Чечня» в журнале «Военный сборник», 1859, т. IX, послужила источником описания суда Шамиля в той его части, где Толстой пишет, что «двух людей приговорили за воровство к отрублению руки». Руновский по этому поводу пишет: «По шарияту воровство каралось отсечением правой руки» (с. 338).

**И. Соколов. Воспоминания о государе
Николае Павловиче
«Русский архив», 1886, кн. 2**

Указание в главе XV на плащ Николая, который он считал «столь же знаменитым, как и шляпа Наполеона», основано на сообщении Соколова о любимой старой «шинели Николая, заменявшей ему и халат и одеяло» (с. 208).

Упоминает Соколов и о взгляде Николая, которым он «пронизывал» и от которого в «лихорадку бросало» (с. 240). Выражение «пронизывал» при описании Николая употреблено также Толстым.

Описание утра и утренней прогулки Николая взято из тех же «Воспоминаний», где сказано: «Государь имел обыкновение ежедневно утром в девятом часу делать прогулку от дворца до Миллионной, между Манежной и Эрмитажем, через мост над Зимней канавкой, по набережной, мимо казарм Преображенского полка к Неве и по набережной ее ко дворцу» (с. 209).

**В. А. Соллогуб. Воспоминания
Спб., 1887**

В. А. Соллогуб состоял при М. С. Воронцове в качестве руководителя тифлисскими театрами, в которых шли иногда пьесы самого Соллогуба, почему в третьей редакции сказано: «шла веселая пьеска Соллогуба».

Соллогуб пишет о Воронцове: «Он с той же самой приветливой и только чуть-чуть саркастической улыбкой на тонких губах подавал руку заслуженному генералу с грудью, увешанной звездами и орденами, и тут же протягивал эту руку какому-нибудь гречонку из Таганрога или Одессы, беззаботно торгующему маслинами...» (с. 227).

О свойстве Воронцова быть со всеми внешне ласковым рассказывают многие его современники, но особенно останавливается на этом Соллогуб. Под влиянием этого Толстой и написал: «ласковый в обращении с низшими». На основании упоминания Соллогуба о том, что Воронцову «уже минуло за семьдесят лет» (с. 232), Толстой пишет, что Воронцову было «за семьдесят лет». Это ошибочно, Воронцов родился в 1782 году, следовательно, в 1851 году, к которому относится глава IX повести, ему было шестьдесят девять лет.

Соллогуб рассказывает о графине Шуазель, о которой упоминается в главе IX. Она приходилась Соллогубу теткой и была русской, урожденная княжна Голицына, в замужестве за адъютантом Воронцова, сыном французского эмигранта графа Шуазель де Гуфье (с. 96). У Толстого она изображена француженкой.

С. С. Татищев. Воцарение императора Николая I
«Русский вестник», 1893, март — апрель
(Хранится в библиотеке Ясной Поляны)

На экземпляре этой статьи, принадлежавшем Толстому, рукою П. И. Бартенева написано: «Оттиски из мартовской и апрельской книжек «Русского вестника», 1892 г., окончание в майской книжке, но его у меня нет». Тут же рукою П. А. Сергеенко сделана приписка о том, что оттиски можно Бартеневу не возвращать. Эти надписи указывают, что статью Татищева Толстой получил в 1903 году через П. А. Сергеенко, когда поручил ему обратиться к П. И. Бартеневу за материалами о Николае I. Из того, что Бартнев послал Толстому именно данную статью, видно, что Толстой особенно интересовался в тот период обстоятельствами вступления Николая на престол. Это подтверждается и его пометами на статье.

Татищев был высокого мнения о личности Николая. Толстой, наоборот, пользуясь приведенными в статье данными,

особенно разговором Николая I с французским послом Де-ла-Ферронэ (март — апрель, с. 11—12), обращает их против Николая. Николай признавался в этом разговоре французскому послу, что после смерти Александра I, когда еще никому не был известен акт об отречении от престола его брата Константина, ему, Николаю, не оставалось ничего другого, как присягнуть, иначе все обвинили бы его в захвате власти. На основании этого Толстой писал: «Царствование его началось ложью о том, что он, играя роль, уверял всех при всяком удобном и неудобном случае, что он не знал того, что Александр назначил его наследником, а это была ложь... Его присяга Константину... нужна была ему для выставления рыцарского благородства его характера».

Н. Н. Толстой. Охота на Кавказе
«Современник», 1857, февраль

В «Репье» и в последней редакции (гл. XXII) Хаджи-Мурат в ночь перед побегом вспоминает «сказку тавлинскую о соколе, который был пойман, жил у людей и потом вернулся в свои горы к своим. Он вернулся, но в путах, и на путах остались бубенцы. И соколы не приняли его. «Лети,— сказали они,— туда, где надели на тебя серебряные бубенцы. У нас нет бубенцов, нет и пут». Сокол не хотел покинуть родины и остался. Но другие соколы не приняли и заклевали его. Так заключают и меня,— думал Хаджи-Мурат».

Эта сказка приведена в очерках Николая Николаевича Толстого, старшего брата Льва Николаевича, «Охота на Кавказе». Возможно, Лев Николаевич ее помнил со времен молодости. Но допустимо предполагать, что он перечитал «Охоту на Кавказе» и в 1896 году перед написанием «Репья». Текст этой сказки у Н. Н. Толстого таков: «у одного охотника улетел ястреб гнездать в лес, где жили его братья и отец. Вечером сел он на дерево вместе с братьями, а когда проснулся ночью, то увидел, что братья его все отлетели от него и сидели на других деревьях. Утром рассказал он об этом старому ястребу. «Верно, они боятся твоих бубенчиков». Молодой ястреб оторвал бубенчики и вечером опять сел на дерево с братьями, но те по-прежнему отлетели от него и молодой ястреб опять рассказал старику. «Верно, они боятся твоих путлиц». Оторвал и путлица и опять сел с братьями на дерево, но ночью, когда молодой

ястреб проснулся, братьев его не было с ним. Тогда он заплакал и полетел далеко в чужой лес».

У Николая Николаевича Толстого сказка называется «ногайской», у Толстого «тавлинской» (аварцы, к которым принадлежал Хаджи-Мурат, являлись частью племени тавлинцев).

**Г. И. Филипсон. Записки
«Русский архив», 1884, кн. 2, № 3—4, с. 118**

Толстой использовал «Записки» для описания Чернышева в главе XV последней редакции. Филипсон говорит, что «военный министр являлся к государю с докладом в 9 час. утра» (с. 348). У Толстого Чернышев приезжает в Зимний дворец с докладом Николаю в «половине девятого».

Описание внешности Чернышева с его завитым париком и с охорашиваниями основано на рассказе Филипсона о том, что Чернышева он увидел утром «уже в парике и сделавшего свой мудреный утренний туалет» (с. 348).

**Н. К. Шильдер. Император Николай I,
его жизнь и царствование. Спб., 1903, 2 тома
(Хранятся в библиотеке Ясной Поляны)**

Сочинение было использовано Толстым для вариантов главы XV. Так, описание ребенка — Николая, который «был красоты необыкновенной — большой, полный, белый», так что приехавшая на другой день после его рождения Екатерина даже «залюбовалась им», основано на следующих словах Шильдера: «Императрица Екатерина всегда присутствовала при родах своей невестки, на этот раз, вероятно, по нездоровью прибыла в покои великой княгини уже по рождении внука... Императрица была поражена величиной и красотой младенца и благословила его» (с. 1).

Толстой говорит, что Николай не мог быть иным, чем таким, каким был, вследствие влияния на него в детстве дурных воспитателей. Это написано по материалам Шильдера. Шильдер, описывая англичанку Лайон, графа Ламсдорфа и других воспитателей Николая I, сообщает, что Николай, уже будучи взрослым, неоднократно признавался в том, что от своей первой воспитательницы Лайон «наследовал свою ненависть к полякам» (с. 4), возникшую у Лай-

он оттого, что она в 1794 году с несколькими высокопоставленными русскими дамами просидела восемь месяцев в заключении в Варшаве. Про главного воспитателя Николая, мрачного, сурового Ламсдорфа, Шильдер пишет, что он подвергал своего воспитанника частым физическим наказаниям (с. 16). Все преподаватели внушали Николаю реакционные идеи. Учитель истории, рассказывая о французской революции, «сумел вселить в него» отвращение к ее деятелям, которое с течением времени лишь возрастало (с. 27). «Наука явилась перед ним в таком бездарно-усыпительном образе, что она, конечно, не могла переработать и направить его по другому пути» (с. 31).

М. П. Щербинин. Биография генерал-фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова. Спб., 1858

(Хранится в библиотеке Ясной Поляны)

В книге приведено большое количество писем Воронцова, писанных исключительно по-французски. Под впечатлением этого у Толстого в редакции третьей про Воронцова сказано, что он «лучше говорил по-французски, чем по-русски». К книге Щербинина приложен портрет Воронцова. Краткая характеристика у Толстого внешности Воронцова: «лисье, бритое лицо» в редакциях третьей и последней написана под впечатлением этого портрета Воронцова (репродукция гравюры Крюгера, хранящейся в Музее изобразительных искусств имени Пушкина в Москве).

С. С. Эсадзе. Материалы Военно-исторического отдела штаба Кавказского округа. 151 документ

(Хранятся в библиотеке Ясной Поляны)

В главе XIII последней редакции приведена переписка между Хаджи-Муратом и генералом Клюки фон Клюгенау. Как оба письма Клюгенау, так и ответ на него Хаджи-Мурата представляют собой несколько обработанные выдержки из действительных документов. Слова в письме Хаджи-Мурата о том, что он был обесчещен непристойным поступком со стороны одного из приставленных к нему лиц во время его ареста в Хунзахе, имеются в подлиннике. Толстой использовал эти письма в копии, присланной ему Эсадзе.

М. В. Юзефович. Памяти Пушкина
«Русский архив», 1880, кн. III

В главе XV последней редакции Толстой писал: «Чернышев этот был тот самый, которого Ростопчин заклеил шуткой» о том, что «палач всегда получает кушак и шапку казненного». Эта шутка в действительности принадлежала не Ростопчину, а Ермолову, о чем рассказывает Юзефович: Чернышева «сильно соблазнял майорат в 20 000 душ, следовавший по наследству графу З. Г. Чернышеву, молодому кавалергарду, попавшему в число декабристов. З. Чернышев, как я знаю от него самого, вовсе не заслуживал быть отнесенным к главному разряду виновных, но конкурент его на майорат успел упрятать его на каторгу... Когда рассказывали А. П. Ермолову, что Чернышев-министр — добывается графского чернышевского майората, Алексей Петрович заметил: «Что же тут удивительного? Одежда жертвы всегда и везде составляла собственность палача». Но клад все-таки не дался в руки искателю. Государю было известно, что между графским родом Чернышевых и Чернышевым-министром не было ничего общего. Чтобы отделаться от назойливых притязаний временщика, государь отдал майорат старшей сестре З. Чернышева Кругликовой, присоединив к фамилии ее мужа и фамилию Чернышевых с графским титулом (с. 436—437).

Эти данные о Чернышеве, сохранившиеся в памяти Толстого, не вполне точны вследствие того, что статья Юзефовича, возможно, читалась им задолго до работы над «Хаджи-Муратом». Но, несомненно, они послужили ему материалом для характеристики Чернышева, данной ему Толстым: «Чернышев, рядом обманов, лжей, подлостей, приобретший свое высокое положение и в особенности огромное состояние, отнятое им у сосланного декабриста Чернышева...»

Е. Ф. Юнге. Воспоминания о Николае I
(Рукопись)

Толстой воспользовался двумя отрывками из «Воспоминаний» Юнге. Юнге рассказывает об ухаживании Николая I за ее сестрой на маскарадах. Однажды он предложил ей исполнить все, что она пожелает. Она ответила, что не имеет в виду никаких корыстных целей, беседуя с ним, и что «ей ничего не нужно».

Материалом для сцены встречи Николая с офицером в ложе, в которую Николай хотел укрыться со своей маской, послужил эпизод, сообщенный Юнге: «Казацкий генерал П. С. Николаев рассказывал мне, что он, только что выпущенный из Пажеского корпуса в офицеры, был в маскараде в Большом театре и очень увлекся одной маской. Не находя нигде места, чтобы остаться с ней наедине, он дал на чай капельдинеру и последний открыл ему боковую директорскую ложу. Парочка находилась в полном блаженстве, как вдруг открылась дверь и в ней показался Николай Павлович тоже с маской. Можно себе представить ужас офицера и его дамы. Император с улыбкой сказал: «— Молодой человек, я постарше вас — уступите мне место».

У Толстого в главе XV последней редакции: «Ну, брат, ты помоложе меня,— сказал он (Николай.— А. С.) окочневшему от ужаса офицеру,— можешь уступить мне место. Офицер вскочил и, бледнея и краснея, согнувшись вышел молча за маской из ложи, и Николай остался один с своей дамой».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ К ЧАСТИ II

Обзор использования Толстым источников по «Хаджи-Мурату» приводит к выводу, справедливо сделанному впервые Н. О. Лернером: «Хаджи-Мурат» — плод столько же усердного труда, сколько вдохновения». Л. М. Мышковская тоже приходит к выводу, что Толстой пользовался исторической литературой для «Хаджи-Мурата» «как исследователь, а не как художник».

Толстой проделал огромную научно-исследовательскую работу по изучению источников для «Хаджи-Мурата». Повесть с небольшими исключениями вся построена на исторических данных. Портреты исторических лиц написаны с предельной точностью. С. Н. Шульгин, много занимавшийся в кавказских архивах с целью изучения документов о Хаджи-Мурате, говорил: «Образ Хаджи-Мурата, созданный Толстым, совершенно соответствует исторической личности кавказского героя. У Толстого было для этого очень мало данных, но художественному гению Толстого было достаточно этих данных. Позднейшие исследования подтвердили правильное истолкование Толстым Хаджи-Мурата как человека».

Изучение литературы о Николае I тоже убеждает в полном сходстве личности царя с его портретом, который дает в «Хаджи-Мурате» Толстой, причем столь яркого и сделанного такими скупыми средствами равного ему портрета другого исторического лица в мировой литературе не существует.

В передаче событий Толстой также придерживается исторической правды. Если и бывают у него кое-какие в этом отношении отступления, то они или происходили по недостатку у него материалов, или вызывались художественной необходимостью. Одно то, что Толстой использовал сочинения Зиссермана и Полторацкого, наглядно показывает его скрупулезное заимствование всех исторических мелочей.

Метод включения Толстым исторических материалов в свое произведение тот же, что сорок лет перед этим, в период работы над «Войной и миром». Близко придерживаясь источников, он сухой и бесцветный текст историков художественно преобразует и облакает в яркую, живую форму. Только в тех, крайне редких, случаях, когда текст историка удовлетворяет художественные требования Толстого, он оставляет его нетронутым или малоизмененным. Разрозненные исторические эпизоды Толстой иногда соединяет вместе, если основная историческая и художественная правда от этого не страдают. Заимствованный материал перемежается со сценами его собственного вымысла, которые тоже по большей части обусловлены историческими материалами. Юность Хаджи-Мурата, о которой в источниках нет никаких данных, построена Толстым по документам, хотя непосредственно не относящимся к Хаджи-Мурату, но совершенно историческим и правдоподобным. Во всех сценах собственного вымысла Толстого действующие лица, среда, человеческая психология находятся в полном соответствии с изображаемой эпохой.

Иногда Толстой проделывал самую кропотливую научную работу, примером которой может служить конспект 1896 года и установление года рождения Хаджи-Мурата. Президент Академии наук СССР А. П. Карпинский имел полное основание сказать в день столетия рождения Толстого 9 сентября 1928 года: «Толстой по объективности и точности наблюдений был очень близок к настоящим большим ученым, превосходя их художественным талантом и работая в области, где точность наблюдения доступна лишь очень углубленным большим умам»¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

Условные сокращения

БЛ — Библиотека имени В. И. Ленина.

ГЛМ — Государственный Литературный музей.

ГТМ — Государственный Толстовский музей (Рукописный архив.).

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ Лернер Н. О. Вступительная статья к повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат». 1918, с. VII.

² Мышковская Л. М. Работа Толстого над произведением, М., 1931.

ЧАСТЬ I. ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ

Глава I

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ГЕРОЕ ПОВЕСТИ

¹ Потто В. А. История 44-го Драгунского Нижегородского полка. Спб., 1899, т. VI, с. 72.

² Полторацкий В. А. Воспоминания. — «Исторический вестник», 1893, № 4, с. 73.

³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 35, с. 416.

⁴ Газета «Кавказ», 1851, № 88, 15 ноября; № 94, 11 декабря.

⁵ Фадеев А. М. Мои воспоминания. Одесса, 1897, ч. II, с. 175.

⁶ Харитонов А. А. Из воспоминаний. — Журнал «Русская старина», 1894, № 4, с. 151.

⁷ Мордовцев В. А. Кавказский герой. — Собр. соч., Спб., 1902, т. 46, гл. 3, с. 80.

⁸ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 59, с. 132.

⁹ Там же, т. 46, с. 96.

¹⁰ Журнал «Русская старина», 1881, № 3, с. 663.

¹¹ Лернер Н. О. Вступительная статья к повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат». 1918, с. VII.

¹² Это подтверждается записями Д. П. Маковицкого. — «Литературное наследство». М., 1979, кн. 4, с. 146.

¹³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 8, с. 44.

¹⁴ Там же, т. 62, с. 209.

¹⁵ Иванов Н. Н. У Л. Н. Толстого в 1886 г. — «Лев Николаевич Толстой». Юбилейный сборник. М., 1928, с. 199.

¹⁶ Толстой С. Л. Очерки былого. М., 1949, с. 98.

¹⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 53, с. 34.

Глава II

ЗАРОЖДЕНИЕ СЮЖЕТА

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр., соч. в 90 томах, т. 53, с. 80, 82, 83, 95, 99, 102.

² ГТМ, шифр АТЛС.

³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 30, с. 144.

⁴ Там же, т. 53, с. 99—100.

⁵ Там же, с. 285.

- 6 Там же, т. 30, с. 178.
- 7 Там же, т. 60, с. 230.
- 8 Там же, т. 60, с. 233.
- 9 Там же, т. 87, с. 60, 260, 356.
- 10 Толстая - Сухотина Т. Л. Друзья и гости Ясной Поляны, 1923, с. 26.
- 11 Идея борьбы была лейтмотивом деятельности Льва Николаевича в течение всей его жизни: через пятьдесят с лишним лет он записывает в дневнике: «Вечером опять читал с умилением свои письма к Александре Андреевне (Толстой — А. С.). Одно о том, что жизнь — труд, борьба... — такое, что теперь бы не сказал другого».

Глава III

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ: «РЕПЕЙ»

(август 1896 г.)

- 1 Буланже П. А. Как Л. Н. Толстой писал «Хаджи-Мурата». — «Русская мысль», 1913, № 6, с. 84.
- 2 Лернер Н. О. Вступительная статья к повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат», 1918, с. VII.
- 3 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 53, с. 143.
- 4 Оболенский Д. Д. Из воспоминаний. — «Русский архив», 1805, кн. 2, с. 247.
- 5 А. С. Зыкова в некоторых литературных источниках именуется Пироговой или Бибиковой: у Н. Н. Гусева (Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого, т. 2); у Н. К. Гудзия (см. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 20, с. 579, примечание 2). У И. Л. Толстого (Мои воспоминания) — в первом издании. Пирогова, во втором и третьем — Зыкова.
- 6 Толстая С. А. Дневники. М., с. 44, 45.
- 7 ГТМ, шифр АЛФА.

Глава IV

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 62, с. 203.
- 2 «Литературное наследство». М., 1939, № 37—38, с. 497.
- 3 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 87, с. 4. (Еще в 1854 г. — Дневник, 21 января — Толстой записал: «Никому не нужно показывать, до напечатания, своих сочинений. — Больше услышишь суждений вредных, чем дельных...» — Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 46, с. 232.)
- 4 Толстой С. Л. Очерки былого. Огиз, 1949, с. 91.
- 5 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 8, с. 305 и 307.
- 6 Там же, т. 61, с. 332.
- 7 ГТМ, шифр АЛФА.
- 8 Толстой Л. Н. Полн. собр., соч., в 90 томах, т. 84, с. 255.
- 9 Там же, т. 53, с. 105—106.
- 10 Там же, с. 115.
- 11 Там же, т. 53, с. 288.
- 12 Там же, с. 297.
- 13 Толстая С. А. Моя жизнь, 1897, с. 84, ГТМ, шифр I—A—6.
- 14 Суворин А. С. Дневник. М.—П., 1923, с. 133.
- 15 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 53, с. 117.
- 16 Там же, с. 118.

- 17 Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. Л., «Прибой», 1929, с. 172.
- 18 В архиве В. В. Стасова эта записка не сохранилась.
- 19 Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. Л., «Прибой», 1929, с. 172.
- 20 Там же, с. 174.
- 21 Там же.
- 22 Там же, с. 176.
- 23 Там же, с. 177.
- 24 Там же, с. 179.
- 25 Бем Е. М. Воспоминания. Летописи ГЛМ, 1948, кн. 12, с. 375.
- 26 Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. Л., «Прибой», 1929, с. 180.
- 27 Там же, с. 180.
- 28 ГТМ, шифр. $\frac{147}{33}$

Глава V

РЕДАКЦИЯ ВТОРАЯ
(октябрь 1897 г.)

- 1 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 53, с. 144.
- 2 Там же, т. 70, с. 68.
- 3 Там же, т. 53, с. 153.
- 4 Там же, с. 157.
- 5 Толстая С. А. Моя жизнь, 1897 г., ГТМ, шифр I—A—6.
- 6 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 53, с. 160.
- 7 Там же, с. 161.
- 8 Там же, т. 84, с. 302—303.
- 9 Там же, т. 60, с. 307.
- 10 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 87, с. 200.
- 11 Там же, т. 52, с. 93.
- 12 Там же, т. 53, с. 58.
- 13 «Литературное наследство», 1939, № 37—38, с. 526.
- 14 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 87, с. 4.

Глава VI

РЕДАКЦИЯ ТРЕТЬЯ
(ноябрь 1897 г.)

- 1 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 65, с. 120.
- 2 Там же, т. 64, с. 40.
- 3 Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Спб., 1879, ч. I, с. 107—110.
- 4 Журнал «Русская старина». 1881, кн. 3, с. 656, 658, 660, 662, 663, 667.
- 5 Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868, вып. I; 1869, вып. II.
- 6 Журнал «Русская старина», 1881, кн. 3.
- 7 Огарков В. В. Воронцовы, Спб., 1892.
- 8 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 53, с. 164.
- 9 Там же, т. 87, с. 117.
- 10 Там же, с. 141.
- 11 Там же, т. 86, с. 222.
- 12 Там же, т. 35, с. 334.

- ¹³ Там же, с. 96.
¹⁴ Там же, с. 532.
¹⁵ Там же, с. 303.

Глава VII

РЕДАКЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ
(ноябрь 1897 г.)

- ¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 53, с. 164.
² Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1970, вып. IV, отд. I, с. 13.
³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 53, с. 58.
⁴ Там же, т. 74, с. 24.
⁵ ГТМ, шифр БЛ АТЛС.
⁶ Там же.
⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 53, с. 164.
⁸ Там же, с. 165.
⁹ Сборник Государственного Толстовского музея, 1937, с. 36.
¹⁰ ГТМ, шифр АЛФА.
¹¹ Толстая С. А. Моя жизнь. 1897, ГТМ, шифр I-A-6.
¹² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 53, с. 170.
¹³ Там же, с. 172.
¹⁴ Сергеевко П. А. Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой. М., 1898, с. 50—51.

Глава VIII

РЕДАКЦИЯ ПЯТАЯ
(январь 1898 г.)

РЕДАКЦИЯ ШЕСТАЯ
(январь 1898 г.)

- ¹ Толстая С. А. Записи прошлого. Дневники. М., «Север», 1932, с. 16.
² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 88, с. 72.
³ Там же, т. 53, с. 176.
⁴ Там же, с. 178.
⁵ Там же, т. 88, с. 74.
⁶ ГТМ фонд Л. Н. Толстого, БАН, Б. П., 58.
⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 30, с. 112.
⁸ Сумбатов-Южин А. И. Три встречи.— Международный альманах о Л. Н. Толстом, 1909, с. 326.
⁹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 53, с. 184.
¹⁰ Там же, т. 88, с. 79.
¹¹ Толстая С. А. Записи прошлого. Дневники. М., «Север», 1932, с. 40.
¹² Сборник Государственного Толстовского музея. М., 1937, с. 50.
¹³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 53, с. 188.
¹⁴ Сергеевко П. А. Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой. М., 1898, с. 50.
¹⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 53, с. 189.
¹⁶ Там же, т. 84, с. 309.
¹⁷ Там же, т. 53, с. 193.
¹⁸ Там же, с. 195—196.

¹⁹ Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. Л., «Прибой», 1929. с. 226.

²⁰ ГТМ, шифр $\frac{151}{98}$.

Глава IX

РЕДАКЦИЯ СЕДЬМАЯ

(март 1901 г.)

РЕДАКЦИЯ ВОСЬМАЯ «ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОГО ВОЕННОГО»

(март — июль 1901 г.)

- ¹ ГТМ, шифр АТЛС.
- ² ГТМ, шифр АЛФА.
- ³ Немирович-Данченко В. И. Из прошлого. М., 1938, с. 273.
- ⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 54, с. 90.
- ⁵ Там же, т. 54, с. 94.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же, с. 97.
- ⁸ ГТМ. Фонд В. Г. Черткова.
- ⁹ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1959, с. 88.
- ¹⁰ ГТМ. Фонд В. Г. Черткова.
- ¹¹ Сборник Государственного Толстовского музея, М., 1937, с. 51.
- ¹² ГТМ. Фонд В. Г. Черткова.

Глава X

ПЕРЕД ОСНОВНОЙ РАБОТОЙ НАД «ХАДЖИ-МУРАТОМ»

(1901—1902 гг.)

- ¹ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1959, с. 98.
- ² Толстая С. А. Записи прошлого. Дневники. М., «Север», 1932, с. 158.
- ³ С. Я. Елпатьевский ошибся: Чавчавадзе и княгиня Орбелиани были похищены не Хаджи-Муратом, а Шамилем, чему посвящена книга Вердеревского «Плен у Шамиля». А Хаджи-Мурат похищал ханшу Нох-Бике.
- ⁴ Елпатьевский С. Я. Литературные воспоминания, 1916, ч. 2, с. 40.
- ⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 54, с. 293.
- ⁶ Там же, с. 299.
- ⁷ Там же, т. 73, с. 220.
- ⁸ ГТМ, шифр АТЛС.
- ⁹ Буланже П. А. Как Л. Н. Толстой писал «Хаджи-Мурата». — «Русская мысль», 1913, с. 79—80.
- ¹⁰ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 73, с. 231, 234.
- ¹¹ Там же, т. 35, с. 125, 129, 130, 131.
- ¹² Прототип Бутлера — Ф. Ф. Кутлер (1828—1858), офицер Куринского полка. — Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 47, с. 303, прим. № 550.
- ¹³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 54, с. 127.
- ¹⁴ Там же, т. 73, с. 218.
- ¹⁵ Там же, с. 251.
- ¹⁶ Короленко В. Г. Избранные письма, т. 1—3. М., «Мир» — ГИХЛ, 1932—1936, т. 2, с. 192.
- ¹⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 72, с. 164.
- ¹⁸ Там же, т. 74, с. 202.

- ¹⁹ Там же, т. 73, с. 262.
²⁰ Там же, т. 88, с. 247.
²¹ Там же, т. 73, с. 170.
²² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 73, с. 182.
²³ Там же, с. 270.

Глава XI

РЕДАКЦИЯ ДЕВЯТАЯ (август 1902 г.)

- ¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 54, с. 308.
² Там же.
³ Там же.
⁴ Там же.
⁵ Там же, с. 309.
⁶ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1959, с. 118.
⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 73, с. 273.
⁸ Там же, т. 54, с. 309.
⁹ Там же, с. 309—310.
¹⁰ Письмо Х. Н. Абрикосова к В. Г. Черткову от 12 августа 1902 г.— ГТМ. Фонд В. Г. Черткова.

Глава XII

ПРОЛОГ И НАЧАЛО ДЕСЯТОЙ РЕДАКЦИИ (август 1902 г.)

- ¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 54, с. 134, 135.
² Там же, т. 88, с. 270.
³ Там же, т. 61, с. 240.
⁴ Там же, т. 54, с. 310.
⁵ Там же.
⁶ Там же.
⁷ Aylmer Maude, The life of Tolstoy, Later years, 1910, p. 611.
⁸ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 54, с. 311.

Глава XIII

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ РЕДАКЦИИ ДЕСЯТОЙ (август — сентябрь 1902 г.)

- ¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 59, с. 150.
² Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Спб., 1879, ч. II, с. 131.
³ Письмо Х. Н. Абрикосова к В. Г. Черткову от 12 февраля 1902 г.— ГТМ. Фонд В. Г. Черткова.
⁴ Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. Л., «Прибой», с. 277.
⁵ ГТМ, шифр $\frac{\text{Б Л}}{\text{Ц/8713}}$.
⁶ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 54, с. 311.
⁷ Там же, с. 312.
⁸ Там же, т. 73, с. 282.
⁹ Там же, т. 54, с. 312.
¹⁰ Письмо О. К. Толстой к А. К. Чертковой от 23 августа 1902 г.— ГТМ. Фонд В. Г. Черткова.

- 11 Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Спб., 1879, ч. I, с. 184.
- 12 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 46, с. 91.
- 13 Летописи ГЛМ, 1948, с. 186.
- 14 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 54, с. 313.
- 15 Там же, т. 61, с. 111.
- 16 Там же, т. 87, с. 57.
- 17 Там же, т. 85, с. 42.
- 18 Сергеенко П. А. Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой. М., 1898, с. 51.
- 19 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 71, с. 474.
- 20 Там же, т. 54, с. 313.
- 21 Там же, т. 35, с. 607.
- БЛ
- 22 ГТМ, шифр $\frac{170}{32}$.
- 23 Долгоруков П. В. Петербургские очерки. М., 1934, с. 212.
- 24 Журнал «Современник», 1857, т. XI, отд. I, с. 231.
- 25 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 88, с. 274.
- 26 Там же, т. 54, с. 314.
- 27 Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. Л., «Прибой», 1929, с. 286.
- 28 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 54, с. 315.
- 29 Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1959, с. 120.
- 30 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 54, с. 315.
- 31 Там же, т. 73, с. 287, 289, 290, 292.
- 32 Там же, с. 292.
- 33 Там же, с. 287.
- 34 Там же, т. 54, с. 315—317.
- 35 Письмо Н. Л. Оболенского к В. Г. Черткову от 21 сентября 1902 г.— ГТМ. Фонд В. Г. Черткова.
- 36 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 54, с. 136.
- 37 Там же, т. 54, с. 317.
- 38 Сергеенко П. А. Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., «Худож. лит-ра», 1955, т. 2, с. 99.
- 39 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 54, с. 139.

Глава XIV

СОБИРАНИЕ МАТЕРИАЛОВ О НИКОЛАЕ I

- 1 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 73, с. 217.
- 2 Корреспонденты Л. Н. Толстого, 1940, с. 89.
- 3 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 73, с. 299.
- 4 Там же, т. 54, с. 140.
- 5 Там же, т. 73, с. 301.
- 6 Письмо Н. Л. Оболенского Чертковым 6 октября 1902 г.— ГТМ. Фонд В. Г. Черткова.
- 7 Письмо Х. Н. Абрикосова Чертковым.— Там же.
- 8 Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 88, с. 278.
- 9 Там же, т. 73, с. 313. Л. Н. Толстой в письме от 26 октября 1902 г. благодарит Накашидзе, очевидно, за его письмо от 17 октября.
- 10 Там же, т. 35, с. 611.
- БЛ
- 11 ГТМ, шифр $\frac{1187/3}{}$.

¹² Толстая С. А. Записи прошлого. Дневники. М., 1932, с. 204.

¹³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 73, с. 313

Глава XV

«ПОДМАЛЕВКА»

¹ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1959, с. 122.

² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 62, с. 67.

³ Там же, т. 73, с. 324.

⁴ Там же, с. 321.

⁵ Там же, с. 322.

⁶ Там же, т. 54, с. 282, 286.

⁷ Там же, т. 88, с. 281.

⁸ Там же, т. 73, с. 328—329.

⁹ ГТМ, шифр $\frac{\text{ТС}}{185}$
98

¹⁰ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 54, с. 325—326.

¹¹ Там же, с. 149.

¹² Там же, т. 73, с. 335—336.

Глава XVI

НОВЫЕ ПОИСКИ МАТЕРИАЛОВ

¹ Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. Л., «Прибой», 1929, с. 294.

² Газета «Русское слово», 1902, 15 декабря, № 345.

³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 54, с. 329.

⁴ Там же, т. 73, с. 349, прим. 2.

⁵ Там же, с. 346—347.

⁶ Там же, с. 349.

⁷ Там же, т. 54, с. 330.

⁸ Там же, т. 73, с. 353.

⁹ «Литературное наследство», 1939, № 37—38, с. 633—640.

¹⁰ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 74, с. 8.

¹¹ Там же, с. 10—11.

¹² Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. Л., «Прибой», 1929, с. 299—300.

¹³ Там же, с. 301—302.

¹⁴ Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой. Спб., 1911, с. 378.

¹⁵ ГТМ, шифр $\frac{\text{БЛ}}{200}$. Письмо Оболенского Д. Д. приложено к письму
55

Шубинского (ГТМ).

¹⁶ Там же, шифр $\frac{\text{БЛ}}{200}$.

59

БЛ

¹⁷ Там же, шифр $\frac{\text{БЛ}}{201}$.

4

¹⁸ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 74, с. 42—43.

- ¹⁹ Толстая С. А. Записи прошлого. Дневники. М., «Север», 1932, с. 216.
- ²⁰ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 74, с. 49—50.
- ²¹ Там же, с. 58.
- ²² Там же, с. 63,— письмо Л. Н. Толстого к Накашидзе И. П., пояснение к этому письму на с. 64.
- ²³ ГТМ, шифр $\frac{\text{БЛ}}{47}$.
- ²⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 74, с. 63.
- ²⁵ Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. Л., «Прибой», 1929, с. 302.
- ²⁶ Там же, с. 304.
- ²⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 74, с. 78.
- ²⁸ Там же, т. 88, с. 291.
- ²⁹ Газета «Южная Россия». 1903, 16 октября, № 263.
- ³⁰ Иллюстрированное приложение к газете «Новое время», 1915, 7 ноября.
- ³¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 74, с. 100.
- ³² Там же, с. 94.
- ³³ Там же, с. 72.
- ³⁴ Там же, с. 72, прим. I.
- ³⁵ Там же, с. 110.
- ³⁶ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 74, с. 121.

Глава XVII

ГЛАВА О НИКОЛАЕ I

- ¹ Толстая С. А. Ежедневник. ГТМ, шифр I-A-6, АСАТ.
- ² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 74, с. 124.
- ³ «Литературное наследство», 1939, № 37—39, с. 553.
- ⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 54, с. 173.
- ⁵ Там же, т. 74, с. 128.
- ⁶ Там же, т. 54, с. 174 и 176.
- ⁷ Там же, т. 74, с. 138.
- ⁸ Там же, с. 137.
- ⁹ Там же, с. 140.
- ¹⁰ Там же, с. 142.
- ¹¹ Там же, т. 54, с. 177.
- ¹² Там же, т. 88, с. 298.
- ¹³ Сборник воспоминаний о Л. Н. Толстом. М., изд. «Златоцвет», 1911, с. 98, 99.
- ¹⁴ ГТМ, шифр 200 $\frac{200}{59}$.
- ¹⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 74, с. 150.
- ¹⁶ БЛ, шифр 331, 58, 18.
- ¹⁷ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем в 30 томах. Наука. Письма. М., 1982, т. II, с. 222. Это предположение П. А. Сергеевко подтверждается недавно найденным и опубликованным письмом А. П. Чехова к В. А. Гольцеву от 4 июня 1903 г.: «Имею кое-что сообщить тебе интересное по части «Русской мысли». Насчет «Хаджи-Мурата». Приезжай!! (Там же, с. 217).
- ¹⁸ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 54, с. 178.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же, т. 62, с. 159.

- ²¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 62, с. 266.
²² Там же, т. 77, с. 301.
²³ Сборник Государственного Толстовского музея, 1937, с. 37.
²⁴ Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. Л., «Прибой», 1929, с. 307.

Глава XVIII

«ОТДЕЛКИ»

- ¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 54, с. 181.
² ГТМ, шифр I-A-6, АСАТ.

Глава XIX

ПОСЛЕДНИЕ ПОПЫТКИ РАБОТЫ

- ¹ Толстая С. А. Записи прошлого. Дневники. М., «Север», 1932, с. 220.
² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., в 90 томах, т. 54, с. 182.
³ Там же, т. 74, с. 94.
⁴ Там же, т. 88, с. 302.
⁵ Гольденвейзер А. Б. Близ Толстого. М., 1959, с. 136.
⁶ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 54, с. 190.
⁷ Сборник «Незабвенному В. В. Стасову». Спб., 1916, с. 29. Гинцбург, как указывает Б. Л. Модзалевский в статье «Стасов и Толстой» («Лев Николаевич Толстой». Юбилейный сборник Толстовского музея, 1928, с. 385), ошибочно отнес свои воспоминания о посещении Толстого к 1904 г., на самом деле оно было в сентябре 1903 г.
⁸ Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник. М.—Л., 1928, с. 384.
⁹ Там же, с. 385.
¹⁰ Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. Л., «Прибой», 1929, с. 316, 312, 313.
¹¹ Там же, с. 314.
¹² Там же, с. 318.
¹³ Там же, с. 323—324.
¹⁴ Там же, с. 315.
¹⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 74, с. 199.
¹⁶ Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник. М.—Л., 1928, с. 384.
¹⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 35, с. 626—627.
¹⁸ Там же, т. 55, с. 16.
¹⁹ Кони А. Ф. На жизненном пути. Спб., 1912, т. 2, с. 3.
²⁰ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 35, с. 627.
²¹ Там же, т. 75, с. 96.
²² В письме к В. К. Истомину от 12 января 1873 г. Л. Н. Толстой писал: «У меня к вам просьба: вы живете недалеко от Азова. Может быть, и сами бывали, а может быть, знакомые ваши. Мне нужно вид — картину того места, где стояли войска и были военные действия при Петре. Мне нужно знать: какие берега Дона, Мертвого Донца, Кутерьмы там — где высоко, где низко. Есть ли горы, курганы? Есть ли кусты: челига или что-нибудь подобное, какие травы? Есть ли ковыль? Есть ли камыш? Какая дичь? Да и вообще течение Дона от Хопра, какой общий характер имеет, какие берега? Может быть, есть книги об этом специальные, то назовите... Да, нет ли чего-нибудь мне неизвестного местного об азовских походах Петра?» (Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 62, с. 4).
 «Приезжали вечером молодой кавалергард Адлерберг... с женой. Л. Н. его позвал к себе и много расспрашивал о военных действиях:

«Что такое развод? Когда на смотре государь садится на лошадь? Кто подводит лошадь?» и пр. и пр. Л. Н. очень занят историей Николая I и собирает и читает много материалов. Это включится в «Хаджи-Мурат» (Толстая С. А. Записи прошлого. Дневники. М., «Север», 1932, с. 220).

- ²³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 55, с. 32.
²⁴ Там же, т. 75, с. 103.
²⁵ Там же, т. 55, с. 41.
²⁶ Семенов С. Т. Воспоминания о Л. Н. Толстом, Спб., 1912, с. 104.
²⁷ Маковицкий Д. П. Яснополянские записки. М., «Задруга», 1922, с. 38.
²⁸ Иванов В. Встречи с Максимом Горьким. М., «Молодая гвардия», 1947, с. 79.
²⁹ Толстая С. А. Дневники. М., «Худож. лит-ра», 1978, т. 2, с. 230.
³⁰ Бирюков П. И. Северные записки, 1913, август, с. 123.
³¹ ГТМ, шифр КП 5601.
³² Шульгин С. Н. Воспоминания.— Сборник воспоминаний о Л. Н. Толстом, М., 1911, с. 103.

ЧАСТЬ II. ИСТОЧНИКИ «ХАДЖИ-МУРАТА»

- ¹ Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. Л., «Прибой», 1929, с. 294, 281.
² Там же, с. 302.
³ Фет А. А. Полн. собр. стихотворений. Спб., 1912, с. I, с. 443.
⁴ Там же, с. II, с. 356.
⁵ «Русская старина», 1881, № 3, с. 73.
⁶ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 74, с. 50.
⁷ Соллогу б В. А. Воспоминания. 1887, с. 96.
⁸ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 59, с. 133.
⁹ Там же, т. 17, с. 489—490.

Получив от Стасова эти копии, Толстой писал ему 9 июня 1878 г.: «Не знаю как благодарить Вас, Владимир Васильевич, за сообщенный мне документ. Для меня это ключ, отперший не столько историческую, сколько психологическую дверь. Это ответ на главный вопрос, мучивший меня».

Д. Д. Оболенский вспоминал: «Когда Л. Н. Толстой начал писать роман «Декабристы»... ему доступны были архивы, и он был поражен собственноручной запиской Николая Павловича, в которой весь церемониал казни декабристов был предначертан им самим во всех подробностях... Мне Толстой читал снятую им копию, там встречается такая фраза: «...когда их выведут, то барабаном пробить мелкую дробь и т. д.». «Это какое-то утонченное убийство», возмущался Л. Н. Толстой этой запиской». (Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 62, с. 429, 430. См. также статью Д. Д. Оболенского в журнале «Наша старина». 1917, № 2, с. 35—36).

- ¹⁰ «Русская мысль», 1913, № 6, с. 92—93.
¹¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 35, с. 546.
¹² ГТМ, шифр БЛ $\frac{200}{59}$.
¹³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 50, с. 57.
¹⁴ Там же, т. 53, с. 290.
¹⁵ Летописи Государственного Литературного музея. М., 1948, кн. 12, с. 183.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>В. Ковалев.</i> А. П. Сергеевко как исследователь жизни и творчества Льва Толстого	3
Предисловие	7

Часть I. История писания

Глава I.	Предварительные сведения о герое повести	10
Глава II.	Зарождение сюжета	14
Глава III.	Редакция первая. «Репей»	18
Глава IV.	Изучение источников	22
Глава V.	Редакция вторая	30
Глава VI.	Редакция третья	34
Глава VII.	Редакция четвертая	36
Глава VIII.	Редакция пятая	40
	Редакция шестая	40
Глава IX.	Редакция седьмая	45
	Редакция восьмая. «Воспоминания старого военного»	45
Глава X.	Перед основной работой над «Хаджи-Муратом» .	50
Глава XI.	Редакция девятая	56
Глава XII.	Пролог и начало десятой редакции	58
Глава XIII.	Основной текст редакции десятой	62
Глава XIV.	Собирание материалов о Николае I	78
Глава XV.	«Подмалевка»	81
Глава XVI.	Новые поиски материалов	84
Глава XVII.	Глава о Николае I	96
Глава XVIII.	«Отделки»	102
Глава XIX.	Последние попытки работы	112

Часть II. Источники «Хаджи-Мурата»

Вводная заметка	121
Список источников «Хаджи-Мурата», использованных и не использованных Толстым	123
Список источников «Хаджи-Мурата», полученных Толстым после окончания повести	134
1-я группа использованных источников (главных)	135
Сборник сведений о кавказских горцах	135
А. Л. Зиссерман. Генерал-фельдмаршал князь А. И. Барятинский	150
А. Л. Зиссерман. История 80-го пехотного Кабардинского генерал-фельдмаршала князя А. И. Барятинского полка .	152

А. Л. Зиссерман. Хаджи-Мурат — сподвижник Шамиля. Материалы	167
А. Л. Зиссерман. Двадцать пять лет на Кавказе	172
В. А. Полторацкий. Воспоминания	186
2-я группа источников (второстепенных)	
Акты, собранные Кавказскою археографической комиссией . .	202
А. И. Андреев. По дебрям Дагестана	203
Е. А. Вердеревский. Плен у Шамиля	204
А. М. Дондуков-Корсаков. Воспоминания	207
Записка об обряде повешения декабристов	207
Г. Н. Казбек. Куринцы в Чечне и Дагестане	207
Камер-фурьерский журнал	208
А. А. Карганова. Воспоминания	209
И. И. Карганов. Воспоминания	209
М. Корсунский. По поводу полувека со времени возобновле- ния Зимнего дворца	209
Custine. La Russie en 1839	209
Lacroix Paul. Histoire de la vie et de regne de Nicolas I, empe- reur de Russie	210
Д. Л. Мордовцев. Кавказский герой	211
Н. Н. Муравьев-Карский. Записки	212
А. Неверовский. Истребление аварских ханов в 1834 г.	213
Н. Н. Государь Николай Павлович	213
Н. Н. Тяжелые времена	214
Н. Н. Императоры Александр I и Николай I	214
Н. Н. Шамиль и Чечня	215
В. В. Огарков. Воронцовы	215
В. А. Потто. Гаджи-Мурат	216
А. Руновский. Кодекс Шамиля	219
И. Соколов. Воспоминания о государе Николае Павловиче . .	219
В. А. Соллогуб. Воспоминания	219
С. С. Татищев. Воцарение императора Николая I :	220
Н. Н. Толстой. Охота на Кавказе	221
Г. И. Филипсон. Записки	222
Н. К. Шильдер. Император Николай I, его жизнь и царство- вание	222
М. П. Щербинин. Биография генерал-фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова	223
С. С. Эсадзе. Материалы	223
М. В. Юзефович. Памяти Пушкина	224
Е. Ф. Юнге. Воспоминания о Николае I	224
Заключение к части II	225
Примечания	227